

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

SOCIOLOGY OF CITY

2014 no 2

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State University
of Architecture and Civil Engineering
(VSUACE)

The journal is included in Russian Science
Citation Index (RSCI)
(<http://www.elibrary.ru>),
Ulrich's Periodicals Directory
(<http://serialssolutions.com>),
DOAJ (<http://www.doaj.org>),
EBSCO (<http://www.ebsco.com>)

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2014 № 2

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук (ред. 2011 г.)

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), <http://www.elibrary.ru>,
Ulrich's Periodicals Directory, <http://www.serialssolutions.com>,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), <http://www.doaj.org>
EBSCO, <http://www.ebsco.com>

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф.
С.Ю. Калашников
(ВолгГАСУ, Волгоград)

зам. председателя — канд. техн. наук,
доц. **В.И. Воробьев**
(ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **А.Н. Богомолов**
(ВолгГАСУ, Волгоград)

канд.archit., проф. **А.В. Антюфеев**
(ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р экон. наук, проф. **О.В. Максимчук**
(ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **Л.В. Прима**
(РАНХиГС, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.М. Шумячер**
(ВИСТех, г. Волжский)

Главный редактор журнала:

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий (ВолгГАСУ, Волгоград)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук,
проф. **В.И. Добренков** (МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**
(ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р социол. наук, проф. **В.В. Деларю**
(ВолгГМУ, Волгоград)

д-р социол. наук **Г.Н. Ильина**
(МГИМО, Москва)

д-р экон. наук **Г. А. Медиева**
(Национальная инженерная академия
Республики Казахстан, Алматы)

д-р archit., проф. **Г.А. Птичникова**
(Волгоградское представительство
НИИТАГ РААСН)

д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**
(МГУ, Москва)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова** (ВолгГМУ, Волгоград)

историк архитектуры, культуролог,
доктор наук **Т. Флирль** (Институт
истории и теории архитектуры
и планирования, университет Баухауз,
Германия)

нач. РИО **М.Л. Песчаная**
(ВолгГАСУ, Волгоград)

Адрес редакции:

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Волгоградский
государственный архитектурно-
строительный университет», 2014

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science, Professor
S.Yu. Kalashnikov (VSUACE, Volgograd)

Deputy Chairman —
Candidate of Engineering Science, Docent **V.I. Vorob'ev**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **A.N. Bogomolov**
(VSUACE, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor **A.V. Antyufeev**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Economics, Professor **O.V. Maksimchuk**
(VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **L.V. Primak**
(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor **V.M. Shumyacher**
(Volzhskii Institute of Civil Engineering and Technology, Volzhskii)

Chief Editor:

Doctor of Philosophy, Professor
B.A. Navrotskii (VSUACE, Volgograd)

Editorial team:

Doctor of Philosophy, Professor
V.I. Dobren'kov (Moscow State University, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor
V.N. Azarov (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Social Sciences, Professor **V.V. Delaryu**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Doctor of Social Sciences **G.N. Il'ina** (Moscow State Institute
of International relations, Moscow)

Doctor of Economics **G.A. Medieva**
(National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan,
Almati)

Doctor of Architecture, Professor **G.A. Ptichnikova**
(Volgograd branch of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences)

Doctor of Economics, Professor **V.N. Kazakov**
(Moscow State University, Moscow)

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor **N.N. Sedova**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Historian of Architecture, Specialist in Culture, Doctor **T. Flierl**
(Institute of History and Theory of Architecture and Planning)
University Bauhaus, Germany

Head of Editorial and Publication Department
M.L. Peschanaya
(VSUACE, Volgograd)

Address:

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation,
info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	<i>Птичникова Г. А., Антофеев А. В.</i> Новые морфотипы архитектурного пространства современных городов ... 5 <i>Трубицина Н. А.</i> Нарративные возможности архитектурного пространства городов с традиционной русской культурой (на примере г. Ельца) ... 20
ГОРОД КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	<i>Максимчук О. В., Першина Т. А.</i> Оценка уровня и качества жизни горожан с позиций комфортности проживания в современном городе (на примере крупных городов ЮФО)... 33
УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ	<i>Малаховская М. В., Цап Н. Г.</i> Использование методологии многопредметного блага для исследования возможностей урбанистической среды по управлению развитием человеческого капитала ... 56
ГОРОД И ВЛАСТЬ	<i>Титова В. А.</i> Направления деконструкции имитационных практик в муниципальном управлении ... 77
ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ	<i>Маслак Е. Е., Чеботарева О. А., Наумова В. Н.</i> Диабет в городе: социальная роль врачей-стоматологов в борьбе с болезнью ... 92 <i>Касаркина Е. Н.</i> Брачно-семейные установки и добрачные ценности финно-угорской молодежи современного города ... 102
АВТОРАМ	<i>Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 115</i>

CONTENT

ARCHITECTURAL SPACE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. New morphotypes
of architectural space of modern cities ... 5

Trubitsina N. A. Narrative opportunities of architectural space
of the cities with traditional Russian culture
(by the example of the town of Elets) ... 20

CITY AS ECONOMIC SYSTEM

Maksimchuk O. V., Pershina T. A. Level and quality of life
taking into account the assessment of comfort of living for the
population in a modern city (on the example of large cities
of the Southern Federal District) ... 33

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Malakhovskaya M. V., Tsap N. G. Using the methodology
of multi-disciplinary welfare for the research of opportunities
of urban environment on management of human capital
development ... 56

CITY AND POWER

Titova V. A. The directions of deconstruction of imitating
practices in the municipal management ... 77

HUMAN IN CONTEMPORARY CITY

Maslak E. E., Chebotareva O. A., Naumova V. N. Diabetes in
the city: the social role of dentists in fighting disease ... 92

Kasarkina E. N. Marriage and family attitudes and premarital
values of Finno-Ugric youth in a modern city ... 102

INFORMATION FOR AUTHORS

***Admission articles to the editors and the requirements for
copyright originals ... 115***

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в
отделениях Почты России
по каталогу «Пресса России», подписной индекс
29507, и электронному каталогу агентства
«Книга-Сервис» (www.akc.ru),
подписной индекс **E 29507**.
По вопросам приобретения выпусков журнала
2008–2014 гг.
обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402
(Online)
на сайте ВольГАСУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology>)

УДК 711.41:72.012:339

*Г. А. Птичникова,
А. В. Антофеев*

НОВЫЕ МОРФОТИПЫ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Цель статьи — определение факторов, влияющих на трансформацию морфологии городов, и выявление новых градостроительных морфотипов на основе анализа мирового и российского опыта. Основные методы — подходы теорий отношений «фигура и фон», пространственных связей и функционально-пространственного анализа.

Базовыми элементами городской структуры, обладающими свойствами морфотипов, являются кварталы, микрорайоны, улицы, планировочные узлы. Каждый город имеет собственный набор и иерархию исторически сложившихся морфотипов, которые определяют своеобразие архитектурной среды. Вместе с тем анализ показал, что в настоящее время под влиянием ряда факторов появились новые устойчивые социально-пространственные комплексы — морфотипы городской среды. Среди основных факторов, определивших рождение новых городских форм, можно назвать увеличение транзитных транспортных потоков, стремление сохранить архитектурную идентичность на «стыковых территориях» между городом и деревней, социальное расслоение населения.

Среди сформировавшихся под действием этих факторов морфотипов городской застройки можно выделить: транзитно ориентированные районы, или TOD-районы (transit-oriented development — TOD); урбанистические деревни (urban villages); закрытые районы (gated communities).

В российских городах, в отличие от западных, распространение получил последний морфотип застройки, а первые два отсутствуют.

Выявлены особенности формирования «закрытых районов» в России на примере Москвы и Волгограда. Определены их физические параметры, социально-пространственная структура и особенности градостроительного освоения.

В XXI в. в условиях всеобщих глобализационных процессов очевидны изменения физического облика архитектурного пространства городов, которые проявляются похожим образом в различных странах и регионах. Кардинальные трансформации архитектурно-пространственной структуры переживает большинство крупнейших городов мира, в том числе и города в нашей стране. За счет всеобщей социально-экономической реструктуризации, которая обусловлена процессами глобализации, развитие городского пространства все чаще обретает такие формы, в которых не только не снимается острота прежних проблем, но, напротив, они обостряются и усиливаются за счет появления новых. В этой связи особенно актуальны оценка происходящих трансформаций городских пространств и поиски соответствующих теоретических подходов для анализа этих процессов.

В статье под морфологией города понимается физический облик городской застройки, ее структура и форма взаимосвязей составляющих ее элементов. Говоря о морфологии городского пространства, мы имеем в виду в первую очередь различия в использовании территории города (типы застройки и типы функционального использования) в зависимости от внешних факторов (внешними по отношению к городу как социальному явлению будут и рельеф, и административные границы) и от закономерностей внутренних процессов (например, различные типы жизнедеятельности или разновидности поведения людей). Объектом исследования являются описательные характеристики морфологии городского пространства (конфигурация, параметры, пространственная организация, функциональная наполненность, связность).

Целью статьи стало определение факторов, влияющих на развитие морфологии городов, и выявление новых градостроительных морфотипов на основе анализа мирового опыта.

Исследования влияния новых факторов на трансформации городской морфологии выделились в отдельное направление в 1990-х гг., в рамках которого город рассматривается с принципиально иных, нежели прежде, позиций. Рост исследований физической формы городских территорий проявился в нескольких дисциплинах

Ключевые слова:

морфология города,
морфотип застройки,
эволюция,
глобализация,
ТОД-районы,
урбанистические деревни,
пери-урбан,
закрытые поселения.

*G. A. Ptichnikova,
A. V. Antyufeev*

**NEW MORPHOTYPES
OF ARCHITECTURAL SPACE
OF MODERN CITIES**

Under condition of globalization the physical representation of architectural space of cities and their morphology are changing.

The purpose of the article is to determine the factors influencing the transformation of urban morphology and to identify new urban forms. The survey is based on the study of Western and Russian large cities.

The main methods for the analysis of urban morphology are the approaches of the figure-ground theory of urban design, social-spatial relationships and functional-spatial analysis.

Neighborhoods, blocks, districts, streets, planning units are basic elements of urban structure — urban forms. Each city has its own set and hierarchy of historical urban forms that determine the originality of the architectural environment. However the analysis reveals that new sustainable socio-spatial complexes — urban forms appear under the influence of a number of common factors. The main factors determining the emergence of new urban forms include the following: the increase in transit traffic flows; the desire to preserve the architectural identity of suburbs between town and country forms; social stratification of the population.

Formed under the influence of these factors new urban forms can be identified: transit-oriented development — TOD; urban villages; gated communities. In Russian context, as opposed to Western cities, the last urban form has got development in the absence of TOD-districts and urban villages.

The author discovers the peculiarities of formation of the “gated communities” in Russian cities by the example of Moscow and Volgograd. We identify physical characteristics, socio-spatial structure and features of new urban form.

одновременно: градостроительстве и истории градостроительства, городском планировании, ландшафтной архитектуре. Во многих исследованиях критический и гуманистский подходы связали городскую форму и ландшафт с экономической реструктуризацией через глобализацию и выработали качественные техники, которые интерпретируют пространство [1].

Наиболее значительные и долговременные темы исследования сосредоточены на трансформации городской формы и городских пространств, развитии и управлении городским ландшафтом. При этом городская морфология рассматривается через изучение «городской ткани» и структуры формируемого городского ландшафта. «Городская ткань» представлена различными типами застройки, составляющими характерные текстуры или планировочные образцы: типы дворового пространства, малоэтажной застройки, изолированного павильонного типа планировки каждого участка или квартала [2]. Урбанистическая (городская) текстура — это характеристика «городской ткани», определяющая ее пористость и рыхлость. Она показывает, как организовано пространство внутри того или иного типа «ткани» в отношении плотности и масштаба. «Городская рыхлость» определяет баланс между необходимостью доступа и проницаемостью ткани и необходимостью частного пространства, его закрытости или открытости.

Исследования городской морфологии включают анализ физических структур на различных уровнях, а также формы движения, порядок землепользования, формы собственности и градостроительного освоения (застроенности участков). Как правило, анализ физической формы фокусируется на конфигурации и плотности уличной сети, этажности и форме зданий. Особое внимание уделяется тому, как физические формы города изменяются с течением времени в разных городах, и сравнению этих трансформаций друг с другом.

Другая значительная часть исследований занимается изучением социальных форм, которые выражаются в пространственной структуре города, а также исследует, как, наоборот, физическая форма производит и воспроизводит различные социальные формы.

Key words:

urban morphology,
building morphotype,
evolution,
globalization,
TOD districts,
urban villages,
peri-urban,
gated communities.

Об авторах:

Птичникова Галина Александровна —
доктор архитектуры, профессор,
директор Волгоградского филиала
Научно-исследовательского института
теории и истории архитектуры и градо-
строительства Российской академии
архитектуры и строительных наук
(НИИТИАГ РААСН).
Российская Федерация, 400131,
Волгоград, пр. Ленина, 2б,
vp_niitag@mail.ru

Ptichnikova Galina Aleksandrovna —
Doctor of Architecture, Professor,
Director of The Volgograd branch
of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences (NIITIAG RAASN).
2b, Lenina Pr., Volgograd, 400131,
Russian Federation,
vp_niitag@mail.ru

Антюфеев Алексей Владимирович —
кандидат архитектуры, профессор,
зав. кафедрой градостроительства,
Волгоградский государственный
архитектурно-строительный университет
(ВолГАСУ).
Российская Федерация, 400074,
Волгоград, ул. Академическая, 1,
antyufeev_a@mail.ru

Antyufeev Aleksei Vladimirovich —
Candidate of Architecture, Professor,
Head of the Urban Development Department,
Volgograd State University of Architecture
and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074,
Russian Federation,
antyufeev_a@mail.ru

Основными инструментами для анализа городской морфологии являются две основные теории: теория отношений «фигура и фон» (твердая масса и открытое пространство и их взаимоотношения) и теория пространственных связей (пространственного синтеза).

Теория «фигура и фон» основана на изучении взаимосвязи пространства и массы зданий. Различным типам городской среды соответствуют свои модели твердой массы застройки и пустоты открытого пространства. Главным является баланс этих двух категорий, их геометрия построения, конфигурация. Этот метод позволяет определить городскую структуру путем создания иерархии пространств различных размеров, которые индивидуально сформированы, но упорядоченно взаимодействуют по отношению друг к другу [3].

Теория пространственного синтаксиса предполагает наличие фундаментальных связей между конфигурацией городского пространства и способом его функционирования [4]. Основная идея метода заключается в том, что пространства могут быть разделены на составляющие, которые можно представить как сети векторов движения людей (пешеходное и транспортное движение) в виде карт и графов, описывающих интеграцию этих пространств. Теория пространственного синтаксиса опирается на три основных представления о пространстве, которые можно отобразить в математических моделях: 1) пространство-«изовиста» (зона видимости или видимый полигон из конкретной точки); 2) «осевое пространство» — прямые отрезки осмотра и возможные пути; 3) «выпуклое пространство» — пространство, представленное в виде каркасной схемы, другими словами, все точки внутри него видны из всех остальных точек многоугольника.

К настоящему времени разработано значительное число проектов, в которых пространственный синтаксис явился основным методом разработки планировочного решения. Показательными примерами проектирования с использованием этого подхода стали проекты реконструкции Трафальгарской площади в Лондоне (арх. Н. Фостер) (рис. 1) и старой Рыночной площади в Ноттингеме (арх. Г. Портер) [5].

Рис. 1. Пример использования инструментов пространственного синтаксиса в проекте реконструкции Трафальгарской площади в Лондоне.

Арх. Н. Фостер, 1997–2003. Архитектурная школа Барлетт, Лондонский университет.
Проект и компьютерная модель пространственного синтаксиса движения по площади (предложение)

Многочисленные исследования, проведенные в Великобритании, США, России и других странах, говорят о том, что определенная пространственная схема формирует определенные типы поведения людей, и наоборот, повторяющиеся сценарии поведения преобразуют пространство [6]. В результате складываются устойчивые социально-пространственные комплексы — морфотипы городской среды.

Морфотипы — понятие, обоснованное в рамках теории архитектуры во второй половине XX в. В это время в крупных городах ткань жилой застройки приобрела черты чрезвычайного разнообразия, и появилась насущная потребность типологии отдельных ее фрагментов. Таким образом, типология городской среды рассматривалась как инструмент ее организации, упорядочения и оптимизации.

Базовыми элементами городской структуры, обладающими свойствами морфотипов, являются кварталы, микрорайоны, улицы, планировочные узлы. Каждый город имеет собственный набор и иерархию исторически сложившихся морфотипов, которые определяют своеобразие участков градостроительной среды. Например, для Москвы определены типы застройки, сложившиеся в процессе эволюционного развития города: старомосковский малоэтажный разреженный; традиционный разноэтажный второй половины XIX в. с включениями застройки начала XX в.; периметрально-компактный конца XIX — начала XX вв.; «конструктивизм» 1920—1930 гг.; «неоклассицизм» 1940—1950 гг.; контрастно-этажный, являющийся зоной распространения смешанной многоэтажной разреженной застройки и фрагментов исторической застройки [7].

Вместе с тем новые факторы развития городов обусловили создание и новых градостроительных морфотипов. Среди наиболее отличающихся по своему структурно-пространственному характеру морфотипов можно выделить:

- транзитно ориентированные районы ((transit-oriented development — TOD);
- урбанистические деревни (urban villages);
- закрытые районы (gated communities).

Изменение в той или иной степени функциональной структуры города становится фактором изменения и городской морфологии, его физической пространственной структуры. Функция обслуживания транспортных потоков породила одну из новых форм градостроительных образований, получившую название «транзитно ориентированные районы» (в российской практике получившие название «ТОД-районы»). Известный российский географ О. Вендина отмечает, что «транзит становится одной из наиболее продуктивных форм существования мировых городов, определяя в значительной степени их образ, инновационность, центральность и вовлеченность в глобальные процессы» [8]. Пересечение разнообразных потоков дает возможность оптимизации структурно-функциональной переорганизации территории, окружающей транспортно-пересадочный узел.

Под ТОД-районами понимают компактные многофункциональные жилые и/или коммерческие комплексы, которые формируются в пределах 5-минутной пешеходной доступности от транзитного узла, в которых обеспечен легкий доступ к общественному транспорту и создается инфраструктура обслуживания, что делает зону ТОД привлекательной для транзитных пассажиров [9]. В центре транзитно ориентированного района, как правило, располагается железнодорожная станция, станция метрополитена, остановки трамвая, троллейбуса и автобуса. Центр окружен относительно плотной застройкой, по мере удаления от центра плотность застройки уменьшается. Транзитно ориентированная застройка располагается на расстоянии от 400 до 800 м от транзитных станций и остановок, то есть в зоне 5-минутной пешеходной доступности (рис. 2).

Рис. 2. Схемы ТОД-районов, показывающие зоны влияния транзитного центра/станции на окружающую территорию. (Источники: http://www.somervillebydesign.com/wp-content/uploads/2013/08/TOD_Diagram.jpg; <http://blog.2030palette.org/swatch-profile-transit-oriented-development/>)

Важным фактором создания эффективной транзитно-ориентированной системы является установление связи между процессами проектирования транспортных систем, окружающей застройки и другими элементами инфраструктуры города. Прежде всего в таких районах создаются условия для расширения использования системы общественного транспорта. Транзитно ори-

ентированное проектирование акцентирует внимание и на создании более комфортных условий для пешеходов и пассажиров, которые проводят в условиях «транзитной среды» время между пересадками. Именно поэтому в ТОД-районах особое внимание уделяется созданию пешеходных зон, оборудованию удобных пешеходных переходов, организации зауженной проезжей части. Еще одно отличие — сокращение количества парковок для личного автотранспорта. Анализируя проекты ТОД-районов, можно выделить еще одну общую для них черту, касающуюся непосредственно архитектурного облика. Форма застройки ТОД-района подчеркивает изменение плотности и функционального насыщения: по мере удаленности от транспортного узла идет уменьшение этажности зданий.

За небольшой период развития сложилась типология транзитно ориентированных районов. Например, специалисты компании ТЛС (США) в процессе разработки Стратегического плана города Манассас Парк (штат Северная Вирджиния) выделили следующие типы ТОД-районов (рис. 3):

коридоры: линейные зоны многофункционального использования;

центры: региональные центры (даунтауны крупнейших городов); городские центры (даунтауны больших городов); центры субурбий; города — транзитные центры;

узлы: поселки или районы в городах, места приложения труда.

Рис. 3. Типы ТОД-образований: коридоры, городские центры, узлы.
 Проект реконструкции для создания ТОД-района вблизи железнодорожной станции
 в г. Манассас Парк, Северная Вирджиния, США, 2008.
 (Источник: <http://www.mwcog.org/transportation/activities/tlc/program/tod.asp>)

Модель «коридор» получила главная улица города, которая была реконструирована для создания комфортных пешеходных зон. «Центром» стала территория близ железнодорожной станции Вирджиния и Сити-Холла, «узлы» рассматривались как пересечения основных улиц Манассас Парка (рис. 4).

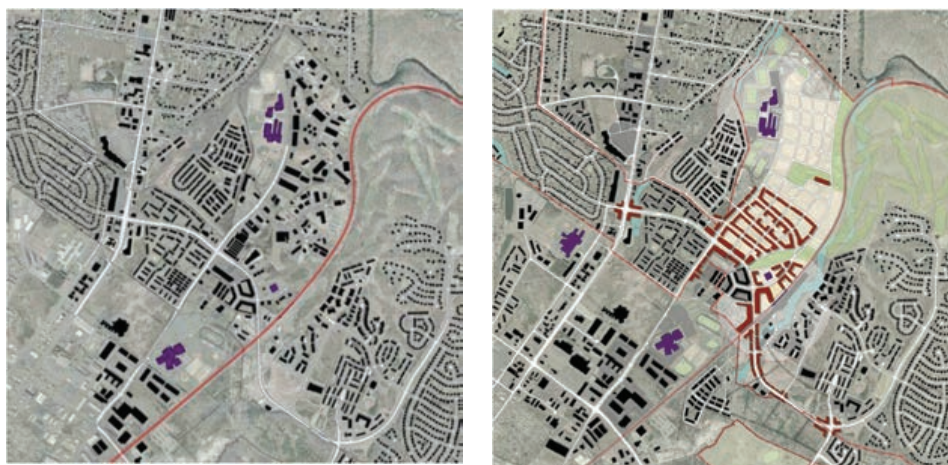

Рис. 4. Проект реконструкции для создания ТОД-района вблизи железнодорожной станции в г. Манассас Парк, Северная Вирджиния, США, 2008. Опорный план и проектное предложение. (Источник: <http://www.mwcog.org/transportation/activities/tlc/program/tod.asp>)

Для каждого типа транзитно ориентированных районов разработаны свои параметры: по типу застройки, по плотности, по конфигурации и площади открытых пространств, количеству рабочих мест и т. д.

Одним из вариантов ТОД-районов большого масштаба можно назвать формирующиеся города-аэропорты. Крупные аэропорты имеют планировочную структуру, подобную структуре города: общественный центр — это основной терминал, промышленные зоны — ангары и склады, транспортная инфраструктура — автомобильные и железнодорожные сети коммуникаций, жилые районы — гостиницы и здания-достопримечательности [10, р. 97]. Аэропорты оказывают влияние на окружающую территорию, структурируют ее, становясь градообразующим предприятием (рис. 5).

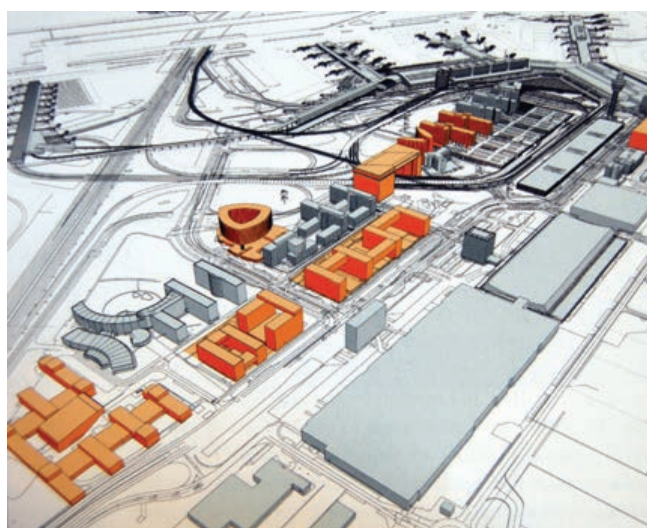

Рис. 5. Аэропорт Сити Шипхол Амстердама [10]

Урбанистические деревни (urban village) являются попыткой сохранения в современных условиях морфотипа сельских поселений — деревень. Концепция родилась в Великобритании в конце 1980-х гг. в результате разработки программы «Группа урбанистических деревень» (Urban Village Group), а затем распространилась и в другие страны [11]. Примерами таких деревень могут служить Гринвич Миллениум Вилладж в Лондоне, Кэлвин Гройв в Брисбэйне, Австралия (рис. 6), Вестборо в Оттаве, Канада, Бенсенвиль в Чикаго, Иллинойсе, США и многие другие.

Урбанистические деревни характеризуются следующими чертами: средняя плотность застройки; смешанное функциональное зонирование; обеспечение комфортного и доступного общественного транспорта; привлекательный дизайн архитектурной среды. В проектах используются исторические традиционные морфотипы общественных пространств и пешеходных зон европейских малых городов или сельских поселений.

Рис. 6. «Урбанистическая деревня» Кэлвин Гройв, Брисбэйн, Австралия, 2011.

Арх. Дж. Мартин, М. Рирдон. Проект. (Источник:

http://www.12d.com/uk/resource_portal/documents/case_studies/kelvin-grove-urban-village-qld-australia)

Во франкоязычных странах (Франция, Швейцария и других) и в целом в континентальной Европе получили развитие похожие морфотипы, относящиеся к направлению под названием пери-урбанизация [12]. Район «Пери-урбан» имеет структуру, сложившуюся в результате синтеза пригородной или сельской застройки и пригородных ландшафтов (рис. 7).

Таким образом, «пери-урбанизированные морфотипы» можно рассматривать как тип ландшафта, созданного на основе взаимодействия городских и сельских форм застройки и природно-ландшафтного комплекса. Эта структура может быть описана как пейзаж, синтезирующий виды «между городом и

деревней», или также в виде «переходной зоны», где смешиваются городские и сельские функции. «Пери-урбан» — это своеобразное «пространство между» — между урбанистическим мегаполисом и сельскохозяйственным ландшафтом, буферная зона, «городская окраина» (urban fringe).

Рис. 7. Проект «А-Лайв». Планировочная организации района «Пери-урбан» на севере Болоньи, Италия. 2012. Арх. К. Барончини, Л. Надалин и Д. Поцци. Университет Феррара, Италия.
(Источник: <http://super-architects.com/archives/1778>)

Третий рассматриваемый в статье морфотип застройки носит название «запретные пространства» или «закрытые поселения» (“gated communities”). Несмотря на то, что в истории градостроительства подобные районы известны достаточно давно, в настоящее время они приобрели новые черты. Британский социолог З. Бауман, анализируя вопросы трансформации городского пространства в эпоху глобализации, отмечает, что в настоящее время создателем «закрытых поселений» выступают представители наиболее обеспеченных слоев общества. У новой элиты появились требования социальной изоляции: «никаких соседей» как непереносимое условие жизнедеятельности, иммунитет от местного вмешательства, полная, неуязвимая изоляция, передаваемая понятием безопасности самих этих людей, их домов и «игровых площадок» [13].

В исследовании под названием «Строительная паранойя» американский социолог С. Фласти отмечает лихорадочный строительный бум в новой для мегаполисов сфере возведения «запретных пространств», «предназначенных для перехвата, отпугивания или фильтрации будущих пользователей» [14, р. 48]. Фласти выделяет несколько разновидностей таких пространств, дополняющих друг друга и в совокупности составляющих современный городской эквивалент рвов и башен, некогда защищавших средневековые замки. Среди этих разновидностей есть «скользкое пространство» — «пространство, которого невозможно достичь из-за извилистых и слишком длинных путей

подхода к нему или их полного отсутствия»; «ключее пространство» — «пространство, где нельзя с комфортом расположиться, поскольку оно защищено такими деталями, как встроенные в стены водометы для отпугивания празднующихся или наклонные выступы, на которые нельзя присесть»; или «запугивающее пространство» — «пространство, которое невозможно использовать незаметно из-за активного наблюдения в виде регулярного патрулирования и/или применения дистанционных средств, соединенных кабелями с постами службы безопасности» [14, р. 51—52].

Эти и другие «запретные пространства» служат лишь одной цели — превращению социальной экс-территориальности новой элиты, не связанной с конкретной местностью, в физическую изоляцию от местного окружения, от каких-либо форм коллективности и совместной жизни с локальным обществом. Экс-территориальность элит обеспечивается материальным способом — их физической недоступностью для всех, кто не обладает входным пропуском.

Американские исследователи Э. Блэкли и М. Шнайдер выделили три основных типа изолированных районов: элитные, или «золотые гетто» — городские образования, проживание в которых является презентацией социального престижа и высоких доходов; районы «особого образа жизни», где обеспечивается доступ к объектам эксклюзивного досуга, и «зоны безопасности», где безопасность является главной заботой жителей [15]. По исследованиям Блэкли и Шнайдера можно сделать вывод, что к началу XXI в. около 40 % всех новых поселений в США имели характер «закрытых поселений».

«Закрытые районы» появляются в различных странах, не только в США, но и в Южной Америке, Европе, Африке. Морфотип «золотого гетто» проникает в страны Азии. Примером является район «Бриллиантовый остров» в г. Хо Ши Мин во Вьетнаме (рис. 8).

Рис. 8. Проект «Бриллиантовый остров» в г. Хо Ши Мин, Вьетнам. Арх. Арата Исодзак, 2012. Общий вид. (Источник: <http://www.vnre.blogspot.ru/2008/09/diamond-island.html>)

Общее планировочное решение выполнено по проекту архитектора Арата Исодзаки в 2011 г. Район имеет выгодное градостроительное размещение — недалеко от делового центра города и в то же время вблизи природной среды с панорамным видом на реку Сайгон. Здесь предложены апартаменты премиум-класса, эксклюзивный яхт-клуб, бутик-отель, теннисные корты, бассейны, детский сад, набережная и пристань для яхт, изысканные рестораны. Все система обслуживания создана для исключительного использования жильцами, купившими квартиры на острове.

В нашей стране морфотип застройки «закрытое сообщество» можно встретить как в Москве, так и в крупнейших городах — региональных центрах. Начало этому процессу было положено в 1990-е гг., когда стали появляться поселки индивидуального частного жилья в форме стихийного самостроя. В настоящее время в Подмоскovie число закрытых частных поселков огромно (Рублево, Павлово (рис. 9), Пестово, Трувиль, Риверсайд, Монолит, Онегино и другие).

Рис. 9. *Закрытый поселок Павлово, Подмоскovie. Генеральный план.*
(Источник: <http://www.pavlovo.info>)

В архитектуре этих поселков чувствуется ностальгия по традиционным, историческим формам застройки. Не случайно во многих поселках для жилой застройки выбираются единые архитектурные «стили». Например, «французская деревня» из похожих на дворцы особняков создается в поселке Трувиль, тяжеловесный классицизм стал вдохновителем архитектуры поселка Монолит. Вносить какие-либо изменения в архитектурный облик своих домов жители имеют право только с разрешения правления.

Градостроительная идеология при создании этих поселений — максимальная закрытость и изолированность. Можно сказать, используя терминологию С. Фласти, что создается «колючее пространство», отпугивающее «непосвященных». Большинству этих поселков свойствен образ некоей приготовившейся к осаде крепости. Въезды в поселки напоминают либо крепостные ворота, либо погранично-таможенные терминалы-посты (рис. 10).

Рис. 10. Контрольно-пропускной пункт на въезде в поселок Лебяжья Поляна близ Волгограда.
(Источник: <http://www.lp34.ru>)

Часто соседние поселки не имеют между собой никаких точек соприкосновения — ни с точки зрения общей инфраструктуры обслуживания, ни в социальном плане, ни в ландшафтно-градостроительном отношении. Вся обслуживающая инфраструктура расположена внутри охраняемого периметра. Такая система, по выражению Джейн Джекобс, создает своеобразные «пограничные пустоты» («border vacuum») между поселками [16]. «Оазисы элит» не участвуют никоим образом в улучшении окружающего их ландшафта, как бы подчеркивая свою оторванность от локального места и локального общества.

Подобные поселки возникли вблизи крупных российских городов, хотя, безусловно, в меньшем количестве, чем в Подмосковье. В Волгограде примером такого закрытого образования можно назвать поселок Латошинка, где проживают многие представители «местной элиты» (рис. 11).

Рис. 11. Проект планировки поселка Латошинка, Волгоград. Арх. М. Захарова

В настоящее время под Волгоградом идет строительство частного поселка Лебяжья Поляна (рис. 12). Предполагается, что закрытая территория в природоохранной зоне Волго-Ахтубинской поймы будет иметь просторную набережную зону с яхт-клубом и сетью ресторанов, полный комплекс социально-бытовых объектов и услуг, центральные коммуникации, торговый комплекс и SPA-центр. Иными словами, все, что включает в себя «резервация для элиты». Архитектурно-планировочную концепцию резиденции разработал специально приглашенный голландский архитектор Киес Шиперс.

Рис. 12. Пример закрытого поселения Лебяжья Поляна близ Волгограда, фрагмент генерального плана. Арх. К. Шиперс. (Источник: <http://www.lp34.ru>)

Таким образом, теоретические подходы к исследованию форм развития современных городов позволили выделить ряд новых градостроительных морфотипов. В западном мире в настоящее время новой развивающейся формой стали так называемые транзитно ориентированные районы, или ТОД-районы. Пространство потоков глобализирующего мира формирует новые градостроительные образования, которые функционируют как транзитные центры, коридоры или узлы.

Попытка сохранить традиционные формы застройки порождают так называемые «урбанистические деревни» и «пери-урбанистические районы», в структуре которых используются параметры плотности и пространственные закономерности сельского или пригородного расселения. Значимым элементом в таких морфотипах выступает ландшафтная составляющая, которая позволяет говорить о приоритетном пейзажном ландшафтно-градостроительном развитии.

Третий выделенный нами тип застройки находит широкое применение не только в западных странах, но и по всему миру. Например, в России субурбанизация развивается с использованием градостроительного морфотипа «закрытое сообщество» — частных поселков, своего рода «золотого гетто», вокруг крупных мегаполисов.

Типология морфотипов может стать основой для «сценарного» метода проектирования, который обеспечивает оптимальное использование территории. В свою очередь, конкретное воплощение пространственных моделей — выбор морфотипов — зависит от многих факторов: социально-культурных, экономических и политических.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Птичникова Г. А.* Урболандшафты современных городов и фактор глобализации // Качество внутреннего воздуха и окружающей среды: Материалы XI международной научной конференции, 23 марта — 5 апреля 2013 г., г. Ханой. Волгоград: ВолгГАСУ, 2013. С. 128—133.
2. *Гутнов А. Э.* Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат, 1984. 256 с.
3. *Trancik R.* Finding Lost Space: Theories of Urban Design. New York: Van Nostrand, 1986. 256 p.
4. *Hillier B., Hanson J.* The Social Logic of Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 349 p.
5. *Hillier B., Stonor T., Major M. D., Spende N.* From research to design: re-engineering the space of Trafalgar Square. URL: http://gisweb.massey.ac.nz/topic/Spatial_Syntax/wbrefs/Space%20Syntax%20Laboratory%20%20from%20research%20to%20design.htm (дата обращения: 07.05.2014).
6. *Крашенинников А. В.* Социально-пространственная структура пешеходного пространства [Электронный ресурс] // AMIT. 2012. № 4 (21). URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/krashennnikov/krashennnikov.pdf> (дата обращения: 07.05.2014).
7. *Кожяева Л.* Морфотипы застройки в теории и практике // Архитектурный вестник. 2011. № 4(121). URL: <http://archvestnik.ru/node/3143> (дата обращения: 07.04.2014).
8. *Вендина О.* Стратегии развития крупнейших городов России: поиск концептуальных решений // Демоскоп. 2006. № 247—248. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit01.php> (дата обращения: 21.04.2014).
9. *Calthorpe P.* The Next American Metropolis: Ecology, Community, and the American Dream. Princeton Architectural Press, 1993. 175 p.
10. *Güller M., Güller M.* From Airport to Airport City. Barcelona: Editorial Gustava Gili, 2003. 193 с.
11. *Aldous T.* Urban villages: a concept for creating mixed-use urban developments on a sustainable scale. London: Urban Villages Group, 1992. P. 11—13.
12. *Zasada I.* Peri-urbanisation and multifunctional adaptation of agriculture around Copenhagen // Danish Journal of Geography. 2011. 111(1). P. 59—72.
13. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
14. *Flusty S.* Building paranoia // Architecture of Fear. New York: Princeton Architectural Press, 1997. P. 48—52.
15. *Blakely J., Snyder M. G.* Fortress America: Gated Communities in the United States. Washington D.C., Cambridge, M.A.: Brookings Institution Press & Lincoln Institute of Land Policy, 1997. 209 p.
16. *Jacobs J.* The Death and Life of Great American Cities. New York : Random House, 1961. 264 p.

REFERENCES

1. Ptichnikova G. A. [Urban landscapes of modern cities and factors of globalization]. *Kachestvo vnutrennego vozdukha i okruzhayushchei sredy. Materialy XI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 23 marta — 5 aprelya 2013 g., Khanoi* [Indoor air and environmental quality: Proc. of XI Int. Sci. Conf., 23 March — 5 April, 2013, Khanoy]. Volgograd, VSUACE Publ., 2013, pp. 128—133. (In Russ.).
2. Gutnov A. E. *Evolutsiya gradostroitel'stva* [Evolution of urban planning]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1984. 256 p.
3. Trancik R. *Finding Lost Space: Theories of Urban Design*. New York, Van Nostrand Publ., 1986. 256 p.
4. Hillier B., Hanson J. *The Social Logic of Space*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984. 349 p.
5. Hillier B., Stonor T., Major M. D., Spende N. *From research to design: re-engineering the space of Trafalgar Square*. Available at: http://gisweb.massey.ac.nz/topic/Spatial_Syntax/wbrefs/Space%20Syntax%20Laboratory%20%20from%20research%20to%20design.htm (accessed 07.05.2014).
6. Krashennnikov A. V. [Social and spatial structure of pedestrian area]. *AMIT* [AMIT], 2012, no. 4 (21). Available at: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/krashennnikov/krashennnikov.pdf> (accessed 07.05.2014). (In Russ.).
7. Kozhaeva L. [Morphotypes of buildings in theory and practice]. *Arkhitekturny vestnik* [Architectural Journal], 2011, no. 4(121). Available at: <http://archvestnik.ru/node/3143> (accessed 07.04.2014). (In Russ.).
8. Vendina O. [Strategies of the development of the largest cities in Russia: search of conceptual solutions]. *Demoskop* [Demoskop], 2006, no. 247—248. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit01.php> (accessed 21.04.2014). (In Russ.).
9. Calthorpe P. *The Next American Metropolis: Ecology, Community, and the American Dream*. Princeton Architectural Press, 1993. 175 p.
10. Güller M., Güller M. *From Airport to Airport City*. Barcelona, Editorial Gustavo Gili, 2003. 193 p.
11. Aldous T. *Urban villages: a concept for creating mixed-use urban developments on a sustainable scale*. London, Urban Villages Group, 1992, pp. 11—13.
12. Zasada I. Peri-urbanisation and multifunctional adaptation of agriculture around Copenhagen. *Danish Journal of Geography*, 2011, 111(1), pp. 59—72.
13. Bauman Z. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization. Consequences for people and society]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004. 188 p.
14. Flusty S. Building paranoia. *Architecture of Fear*. New York, Princeton Architectural Press, 1997, pp. 48—52.
15. Blakely J., Snyder M. G. *Fortress America: Gated Communities in the United States*. Brookings Institution Press & Lincoln Institute of Land Policy, 1997. 209 p.
16. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York, Random House, 1961. 264 p.

© Птичникова Г. А., Антюфеев А. В., 2014

Поступила в редакцию в мае 2014 г.

Ссылка для цитирования: Птичникова Г. А., Антюфеев А. В. Новые морфотипы архитектурного пространства современных городов // Социология города. 2014. № 2. С. 5—19.

For citation: Ptichnikova G. A., Antyufeev A. V. [New morphotypes of architectural space of modern cities]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 5—19. (In Russ.).

УДК 130.122:72

Н. А. Трубицина

**НАРРАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
ГОРОДОВ
С ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ
КУЛЬТУРОЙ
(НА ПРИМЕРЕ Г. ЕЛЬЦА)**

В статье раскрываются нарративные возможности храмовой архитектуры Ельца для создания семиотической модели городской культуры.

Ключевые слова:

городской текст,
архитектура,
семиотика культуры.

N. A. Trubitsina

**NARRATIVE OPPORTUNITIES
OF ARCHITECTURAL SPACE
OF THE CITIES
WITH TRADITIONAL RUSSIAN
CULTURE (BY THE EXAMPLE
OF THE TOWN OF ELETS)**

Modern researchers of the social and cultural space of cities increasingly use introduced by Yu. M. Lotman concept of semiosphere as generalized name of sign systems. Till now semiotics of space remains a field of interdisciplinary researches, which semiotics of culture tries to combine. The aim of our work is the identification of narrative opportunities of architectural space of the town of Elels as a place with traditional Russian culture. Visual spatial objects (in our case temples of the town) become the carriers of various values and meanings. Symbolical resources of church architecture are on the axiological axis of the culture.

As V. V. Abashev notes, "all processes accompanying city life (economic, natural, social) lead to sign deposits in language and they often become available for supervision only by the traces in language". In this regard philological sciences can make the generalizing contribution to semiotics of culture.

Архитектурное пространство города структурно-функционально неоднородно. Как заметил Д. Ю. Сивков, «архитектурное воображение и конструкция форм в социальном пространстве города — продукт деятельности не только профессионалов — архитекторов и различных экспертов; этот процесс осуществляется в различных релевантных группах. В этом смысле дискурсивная чистота архитектуры является неочевидной. Границы между архитектурой и другими областями знания и практиками оказываются подвижными и неопределенными. Объяснение и понимание архитектурных форм возможно, например, при помещении их в некоторый альтернативный социальный контекст, при использовании набора метафор или ключевой призмы рассмотрения» [1, с. 27]. Одной из таких ключевых «призм» может стать изучение города как текста.

Изучение городского пространства как текста — относительно новое направление в современной гуманитарной науке. Инициировала данный процесс работа В. Н. Топорова о «петербургском тексте» русской литературы. Современный культуролог, автор монографии о «крымском тексте» русской культуры А. П. Люсый определит данное явление как «текстуальную революцию»: «В конечном счете, самой концепцией Петербургского текста В. Н. Топоров бросил методологический вызов России, и та ответила ему текстуальной революцией гуманитарного знания. Вызов В. Топорова заключался в заявленной эксклюзивности данной концепции, постулирующей ее «непереносимость» на другие пространства. Ответ — в повсеместном учреждении разнообразных локальных «текстов культуры» разного уровня и масштаба. Внимательное изучение данных работ позволяет сделать вывод, что, как правило, весь уже накопленный материал является не поверхностным подражанием, как это может показаться на первый взгляд, а ответом самого русского пространства, со всеми его особенностями и всего ранее сформировавшегося комплекса гуманитарного знания на глубинные потребности национального семиозиса» [2].

Символически-целостное пространство российской культуры складывается из многочисленных локальных текстов, среди которых большую роль играют городские тексты. В настоящее вре-

Paradigmatic resources of an orthodox component of the text of Elets generate its numerous syntagmatic models fixed in different cultural practices and, first of all, in literary ones. In this research we pay attention to the peculiarities of perception of the town of Elets by outstanding writers I. A. Bunin, M. M. Prishvin, V.V. Rozanov and others. We are able to notice that the visual component of the city space in works of art by the authors mentioned above is presented by temple architecture. Ascension Cathedral, Vvedenskaya Church, Temple of Michael the Archangel and other cult constructions are not only emblematic locus of the word of city space described by artists, but all together they represent generalizing "idea of the city", its main cultural code. The idea of providential value of a locus, the sanctity of a place defines the main samples and models of city semiosis, and Elets temple architecture materializes and represents cultural and mythological ideas in the real shape of the town.

Key words:

city text,
architecture,
semiotics of culture.

Об авторе:

Трубицина Наталья Алексеевна —
кандидат филологических наук,
доцент, заведующая научно-
исследовательской лабораторией
«Бунинская Россия»,
Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина.
Российская Федерация,
399770, Липецкая область, г. Елец,
ул. Плеханова, 13, Trubicina-nat@mail.ru

Trubitsina Nataliya Alekseevna —
Candidate of Philological Sciences,
Docent, Head of the research laboratory
"Bunin's Russia", Bunin Elets State University.
13, Plehanov St., Elets, 399770,
Russian Federation,
Trubicina-nat@mail.ru

мя существует целый корпус научных разработок, анализирующих городское пространство с семиотической точки зрения. Наиболее значимым и во многом основополагающим в этой области стал труд В. В. Абашева «Пермь как текст» [3]. В нем впервые была предпринята попытка представить провинциальный город как «общность семантических констант», которые приобщают Пермь к «порядку культуры». Вслед за работой В. В. Абашева появился ряд статей, развивающих его идеи. Это исследования А. Н. Давыдовой «Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта», Л. М. Гаврилиной «Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры», Н. В. Осиповой «Вятский текст в культурном контексте», И. А. Разумовой «...Как близко от Петербурга, но как далеко (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX—XX веков)», Е. В. Милюковой «Челябинск: окно в Азию, или край обратной перспективы».

Для того чтобы придать городскому пространству текстовый статус, необходимо не просто «вырвать его из серого круга провинции» (Е. Н. Эртнер), но и определить с его культурно-историческим смыслом, вписать город в общее поле отечественной культуры. Здесь в наибольшей степени Ельцу помогли его выдающиеся писатели-земляки — Иван Бунин и Михаил Пришвин, в автобиографических романах которых немало места отведено описанию родного города. Но, на наш взгляд, важнее, когда имя места закрепляется в литературной традиции «посторонними» авторами. К образу Ельца обращались в своих произведениях Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, другие писатели и поэты. Но особый «текстовый статус» Ельца прочитывается в эмигрантском стихотворении Дона-Аминадо (А. Шполянского) «Бабье лето»:

Нет даже слова такого
В толстых чужих словарях.
Август. Ущерб. Увяданье.
Милый, единственный прах.
Русское лето в России.
Запахи пыльной травы.
Небо какой-то старинной
Темной, густой синевы.

Утро. Пастушья жалейка.
Поздний и горький волчец.
Эх, если б узкоколейка
Шла из Парижа в Елец...

В этом стихотворении из цикла «Дым без отечества» Дон-Аминадо, родившийся в Херсонской губернии и живший до эмиграции в Москве, миметически приравнивает Елец к России в целом. Ярко выраженная оппозиция «свое — чужое» открывает главное качество родной земли — «русскость». М. В. Ахметова, исследовавшая локальный текст города Мурома сквозь призму семантического поля «русское», отметит: «Обилие в городе архитектурных памятников — церквей и монастырей, помноженное на “русскость”, рождает восприятие Мурома как города церковного, православного. Часто это выражается через призму отношения к православию как историко-культурному наследию» [4].

Вышесказанное можно отнести и к Ельцу. Епископ Липецкий и Елецкий Никон в 2006 г. в предисловии к книге «Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии» выскажется о городе следующим образом: «Благословенный град Елец. Воистину святыя чувства вызывает в нас само упоминание этого древнейшего города, с полным правом считающегося одним из духовных центров липецкой земли. Силуэты многочисленных храмов Божиих давно стали олицетворением самого Ельца, а вся его история буквально пронизана свидетельствами Промысла Божия и деяниями целого сонма святых угодников» [5, с. 5]. Подобной точки зрения во многом придерживаются не только местные жители, но и гости города, посещающие Елец с самыми разными целями.

На наш взгляд, доминирующим кодом «елецкого текста» русской культуры является православный код. Парадигматические ресурсы православной составляющей текста Ельца порождают его многочисленные синтагматические модели, закрепленные в различных культурных практиках и, в первую очередь, в литературных. Характерно в этой связи описание первой поездки в город из усадьбы в автобиографических романах Ивана Бунина и Михаила Пришвина.

В бунинском романе «Жизнь Арсеньева» знакомство автобиографического героя с городом происходит следующим образом: «Как въехали мы в город, не помню. Зато как помню городское утро! Я висел над пропастью, в узком ущелье из огромных, никогда мною не виданных домов, меня ослеплял блеск солнца, стекол, вывесок, а надо мной на весь мир разливался какой-то дивный музыкальный кавардак: звон, гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в таком величии, в такой роскоши, какие и не снились римскому храму Петра, и такой громадой, что уже никак не могла поразить меня впоследствии пирамида Хеопса»¹.

Елец конца XIX — начала XX веков представлял собой процветающий уездный город. Сказать об этом лучше, чем сам Бунин в своем автобиографическом романе, вряд ли кому под силу: «Самый город тоже гордился своей

¹ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1994. Т. 5. С. 9.

древностью и имел на то полное право: он и впрямь был одним из самых древних русских городов, лежал среди великих черноземных полей Подтепья на той роковой черте, за которой некогда простирались “земли дикие, неизвестные”, а во времена княжеств Суздальского и Рязанского принадлежал к тем важнейшим оплотам Руси, что, по слову летописцев, первые вдыхали бурю, пыль и хлад из-под грозных азиатских туч, то и дело заходивших над нею, первые видели зарева страшных ночных и дневных пожарищ, ими запаленных, первые давали знать Москве о грядущей беде и первые ложились костями за нее. В свое время он, конечно, не раз пережил все, что полагается: в таком-то веке его “дотла разорил” один хан, в таком-то другой, в таком-то третий, тогда-то “опустошил” его великий пожар, тогда-то голод, тогда-то мор и трус... Вещественных исторических памятников он при таких условиях, конечно, не мог сохранить. Но старина в нем все же очень чувствовалась, сказывалась в крепких нравах купеческой и мещанской жизни, в озорстве и кулачных боях его слобожан, то есть жителей Черной Слободы, Заречья, Аргамачи, стоявшей над рекой на тех желтых скалах, с которых будто бы сорвался некогда вместе со своим аргамаком какой-то татарский князь”².

Благодаря бунинским произведениям, многие историко-культурные реалии елецкого городского пространства превратились в процессе семиозиса в знаково-символические объекты. Упомянутый писателем храм Михаила Архангела стал для Ельца эмблематичным локусом, неразрывно связанным с именем Ивана Алексеевича Бунина. На склоне лет, совершая мысленное духовное паломничество в Елец, город первой любви, Бунин в рассказе «Поздний час» снова напишет об Архангельской церкви: «Я был у вас в гостях, когда вдруг забил набат и все бросились к окнам, а потом за калитку. Горело далеко, за рекой, но страшно жарко, жадно, спешно. Там густо валили чернобагровым руном клубы дыма, высоко вырывались из них кумачные полотнища пламени, поблизости от нас они, дрожа, медно отсвечивали в куполе Михаила-архангела». [5, 342]. Обращается Бунин к образу храма Архистратига Михаила и в своем поэтическом творчестве:

Дух гнева, возмездия, кары!
Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, темный и старый.
Где ты мое сердце пленил!

Во времена юности Бунина Архангельский храм (рис. 1) представлял собой постройку русско-византийского академического стиля. «Храм пятиглавый, четырехстолпный, имеет одну световую главу и четыре ложных, дощатых и обшитых металлом. Сложен он из маломерного кирпича и отделан белокаменными поясами, карнизами и блоками в виде стилизованных капителей. Стены членятся вертикальными, в два яруса парными трехчетвертными колонками, разделяются междуэтажным фризом, имеющим одинаковую трактовку в завершении четверика. Над пряслами стен поднимаются

² Там же. С. 51.

кокошники в виде ложных закомар: большого посередине и двух малых боковых; каждый со шипцом в завершении, повторяющим шипцы оконных наличников. Средние прясла в завершении южной и северной стен украшены полуциркульным завершением и красивыми крыльцами с сенью и традиционными “гирьками” в формах XVII века. Для симметричного решения профиль-отпечаток такого же крыльца в виде ниши с фреской Архангела Михаила украсил и восточную стену» [5, с. 165].

Рис. 1. Храм Архистратига Михаила в начале XX и в начале XXI в.

В советское время храм был закрыт, его помещение использовалось как продовольственный и бумажный склад. В 1993 г. церковь была возвращена Елецкой епархии. До настоящего времени в храме все еще ведутся реставрационные работы.

Визуальная составляющая городского ландшафта превалирует и в пришвинском описании знакомства с городом автобиографического героя Михаила Алпатова в романе «Кашеева цепь»: «Ехали по большаку. Город показался сначала одним только собором. Эта белая церковь в ясные дни чуть была видна с балкона, и что-то слышалось с той стороны в праздники, о чем говорили: “В городе звон”. Теперь таинственный собор словно подходил сюда ближе и ближе. <...> Показалась рядом с белым собором синяя церковь, сказали: “Это старый собор”. Показались Покров, Рождество и, наконец, Острог — тоже церковь...<...> Когда выбрались наверх из-под Чернослободской горы, тут сразу и стал перед Курымушкой собор...»³. Как видим, елецкая панорама открывается автору и его герою в своей архитектурно-храмовой

³ Пришвин М. М. Кашеева цепь. Собр. соч.: в 8 т. М., 1982. Т. 2. С. 58.

ипостаси. Все перечисленные Пришвиным церкви существовали в начале XX в. в Ельце. Некоторые из них действуют до настоящего времени, и, в первую очередь, Вознесенский собор.

Соборный храм Вознесения Господня в городе Ельце (рис. 2) — третий по величине в России собор. В книге А. Воскресенского «Город Елец в его настоящем и прошлом. (Опыт исторического очерка)», напечатанной в 1911 г. в елецкой типографии газеты «Голос порядка», имеется характерная запись: «Если посетитель войдет внутрь храма, то он остановится изумленным на пороге его: громадность размеров храма и его чудное благолепие скажут ему, что этому храму было бы приличнее занимать одно из самых видных мест среди храмов столиц Российской империи, нежели находиться среди хотя и многолюдного, но все же провинциального уездного города»⁴. По некоторым источникам, размеры елецкого храма уступают только храму Христа Спасителя в Москве и Исаакиевскому собору в Санкт-Петербурге.

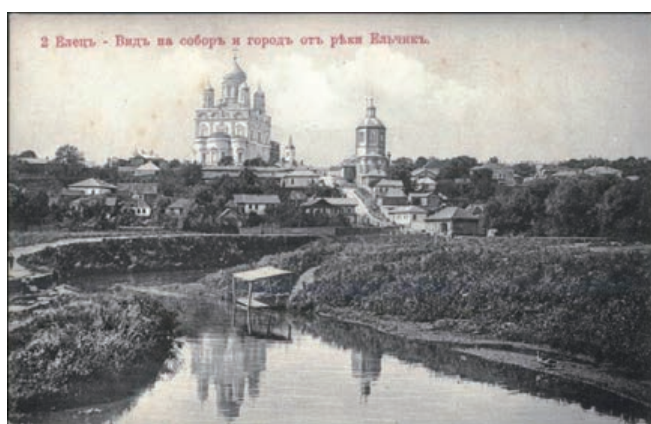
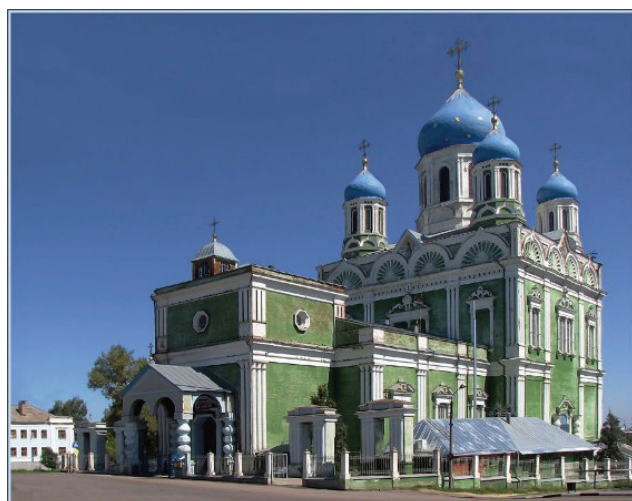

Рис. 2. Вознесенский собор конца XX и конца XIX вв.

⁴ Воскресенский А. Город Елец в его настоящем и прошлом. (Опыт исторического очерка). URL: <http://allelets.ru/biblioteka/knigi-o-elce> (дата обращения: 21.05.2014).

Елецкий Вознесенский собор построен по проекту академика архитектуры Константина Андреевича Тона; этим же зодчим был спроектирован храм Христа Спасителя в Москве. Здание елецкого храма своими величественными формами центрирует силуэт города. Стоящий на крутом берегу реки Сосны, на одной из самых высоких точек города, собор открывается при подъезде к Ельцу с достаточно больших расстояний. Внушительны его размеры: высота — 74 м, длина — 84 м, ширина — 34 м.

Замечателен собор и своим внутренним убранством (рис. 3). Московский архитектор А. В. Каминский предложил рисунок трехъярусного иконостаса из золоченого резного дерева. Первоначально писать иконы для иконостаса ельчане пригласили Алексея Ивановича Корзухина, который входил в Товарищество передвижных художественных выставок. Корзухин написал несколько икон для иконостаса, расписал купол и часть стен собора. Однако его работа не пришлась по вкусу архитектору и заказчику, и его место вскоре занял еще один «передвижник» — Клавдий Васильевич Лебедев. Лебедев написал иконы нижнего яруса центрального иконостаса, закончил левый и правый иконостасы, расписал столбы и стены храмовой части собора.

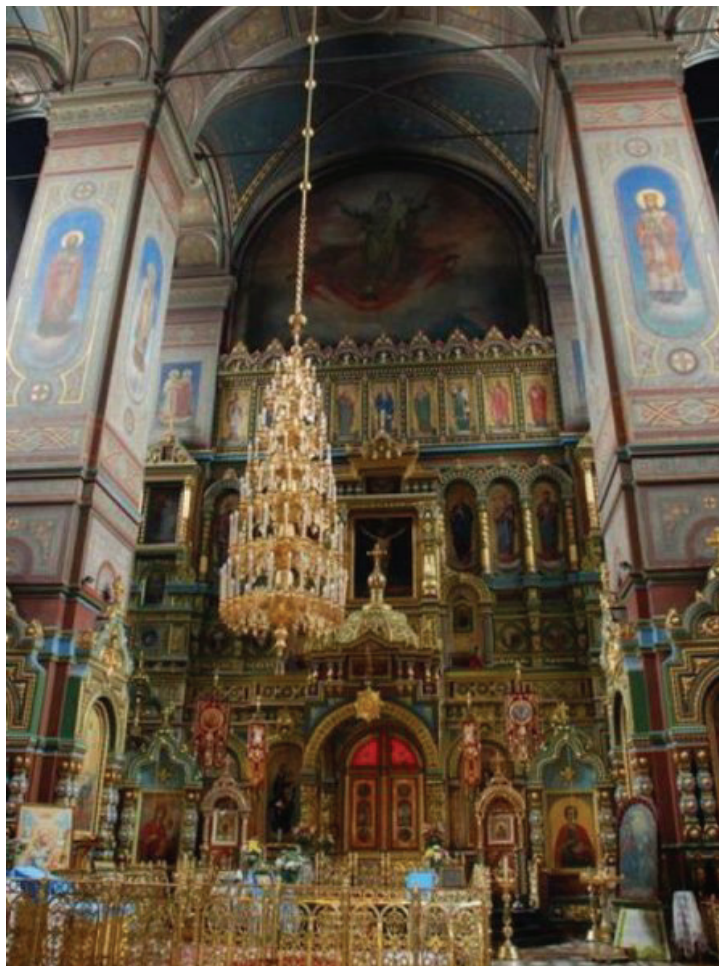

Рис. 3. Интерьер Вознесенского собора

В Ельце у своего друга художника Михаила Николаевича Горшкова часто гостил Илья Ефимович Репин. Горшковы приходились родственниками Пришвиным по линии бабушки, матери отца писателя. Однажды Михаил Пришвин решил познакомиться с Репиным в Санкт-Петербурге. Узнав, что Пришвин только что вернулся из Ельца, Репин сразу спросил: «Из Ельца! Ну, рассказывайте, как там живопись в соборе — не чернеет?».

Внутреннее убранство собора и особенности соборной службы Михаил Пришвин описывает во втором звене своего романа «Кашеева цепь». Автобиографический роман начал создаваться Пришвиным в 20-е годы XX в., когда гонения на православную церковь усиливались с каждым днем. Из-за цензурных соображений автор уже не мог открыто выступать адептом христианской религии, но он нашел мотивированную точку зрения — мировоззрение ребенка, маленького Курымушки, и таким образом обозначил свое отношение к православному богослужению: «Даже и в соборе это не успокоилось, — напротив, тут уже совсем разбежались глаза — столько людей! И между ними дорога малиновая уходит к золотым воротам, слышится оттуда ангельское пенье, и батюшка в золотой ризе копается над чем-то. Чудесно!»⁵.

Как значимую часть елецкого локуса рассматривает собор и автобиографический герой Ивана Бунина: «Чем ближе собор, тем звучнее, тяжелее, гуще и торжественнее гул соборного колокола. Но вот и паперть — “шапки долой!” — и, теснясь, расстраивая ряды, мы вступаем в прохладное величие широко раскрытого портала, и тысячепудовый звон ревёт и гудит уже глуше, над самой головой, широко и благостно-строго встречая, принимая и покрывая тебя. Какое многолюдство, какое грузное великолепие залитого сверху донизу золотом иконостаса, золотых риз причта, пылающих свечей, всякого чина, теснящегося возле ступеней амвона, устланного красным сукном!»⁶. Оба автора акцентируют свое внимание на цветовой палитре соборного интерьера, подчеркивая два преобладающих цвета — золотой и красный.

Разрабатывая модель гуманитарно-географического образа города, современный культуролог, автор концепции гуманитарной географии Д. Н. Замятин выдвинет некую «идею Ельца», а иначе — «историю пространства, рассказанную им самим»: «Идея Ельца состоит в метапутешествии от церкви Елецкой Божьей Матери к Знаменскому Каменногорскому женскому монастырю. Эта церковь — репеллер, высшая экзистенциальная точка, с юга идет образно-географический поток на север, к монастырю (это аттрактор). Точка бифуркации — Торговая улица, где сам образно-географический поток распадается: есть возможность идти к Вознесенскому собору, Введенской церкви и по Введенскому спуску в Аграмачью слободу; и есть вторая возможность — увидеть Вознесенский собор лишь издалека, не поддаться на его “уговоры” подойти поближе и держать путь прямо на колокольню монастыря и святой источник монахини Мелании рядом с ним» [6]. Из девяти «знаковых мест» города, выделенных ученым, четыре (связка Введенская церковь — Вознесенский собор, Знаменский Каменногорский монастырь, церковь Елецкой Божьей Матери и часовня ельчанам, погибшим в 1395 г. во время нашествия Тамерлана) относятся к городской храмовой архитектуре.

⁵ Пришвин М. М. Кашеева цепь. Собр. соч.: в 8 т. М., 1982. Т. 2. С. 58.

⁶ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1994. Т. 5. С. 59.

Д. Н. Замятин в связке с Вознесенским собором упоминает церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (рис. 4). Эмблематичным локусом «Елецкого текста» этот архитектурный комплекс становится во многом благодаря известному русскому писателю и мыслителю В. В. Розанову. В письмах еще одному оригинальному русскому православному философу К. Н. Леонтьеву он отметит: «Кстати: что для Вас — Оптиная Пустынь, то для меня — здесь церковь Введения, и одна семья духовная (или, вернее, — род), в котором вот уже 3-й год я исключительно провожу свободное время»⁷. Елецкий род, о котором упоминает в письме В. В. Розанов, был родом святителя Иннокентия Херсонского и Таврического, в миру Ивана Алексеевича Борисова, причисленного русской православной церковью в 1997 г. к лику местночтимых святых. На внучатой племяннице святителя, Варваре Дмитриевне Бутягиной, Розанов женится в мае 1981 г. Церковь Введения Розанов упоминает в таких произведениях, как «Опавшие листья» и «Смертное».

Рис. 4. Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы

Введенскую церковь легко можно угадать в бунинском романе «Жизнь Арсеньева»: «Дальше, за притоком, — Черная Слобода, Аргамача, скалистые обрывы, на которых она стоит, и тысячи лет текущая под ними на далекий юг, к низовьям Дона, река, в которой погиб когда-то молодой татарский князь: о нем тоже очень хочется что-нибудь выдумать и рассказать в стихах; его, говорят, покарала чудотворная икона Божьей Матери, и доныне пребы-

⁷ Розанов В. В. Переписка К. Н. Леонтьева и В. В. Розанова URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_leontyev_perepiska.html (дата обращения: 21.05.2014).

вающая в самой старой из всех наших церквей, что стоит над рекой, как раз против Аргамачи, — тот древний образ, перед которым горят неугасимые лампы и всегда молится на коленях какая-нибудь женщина в темной шали, крепко прижав щепок ко лбу и настойчиво и скорбно устремив глаза на тускло блистающий в теплом лампадном свете смугло-золотой оклад...»⁸.

Аргамача — тюркское наименование возвышающейся над рекой Быстрой Сосной древней елецкой слободы. Топоним запечатлел в своем названии память о роковых событиях XIV века — нашествии на Русь грозного завоевателя, эмира Тамерлана. Продвигаясь по верховьям Дона в сторону Москвы, Тимур (Тамерлан) дотла сжег Елец, отделявший Русь от Дикого Поля. Празднование победы было омрачено печальным событием — молодой князь из окружения Тимура сорвался вместе со своим аргамаком с крутого берега реки и погиб. Это стало первым недобрым знаком в победном походе эмира и было воспринято как фатальное предзнаменование.

Великий князь Московский Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, для защиты Москвы от войск Тамерлана прибегнул к традиционному способу созыва народного ополчения: перенесением из Владимира в Москву чудотворного образа Божией Матери. Встреча иконы у стен Москвы впоследствии была отмечена возведением Сретенского монастыря в память чудодейственного спасения страны, ибо Тамерлан совершенно внезапно навсегда покинул пределы Руси. Православная церковь видит в этом чудесное заступничество Богородицы. Как следует из легенды, под Ельцом Богородица явилась Тамерлану во сне с бесчисленным небесным войском, и «вниде страх в сердце его и ужас в душу его, вниде трепет в кости его», и непобедимый полководец бежал, «аки некими гоним быша» (Повесть о Темир-Аксаке). Так возник региональный культ Елецкой Божией Матери — покровительницы города.

Бежал Тимур, трясась от страха,
Десницей Божией гоним;
Елец возник давно из праха,
И русский стан неодолим.
Доселе в памяти народной
Живет то чудо из чудес;
И славит сын Руси свободной
Царицу светлую небес.

Это стихотворение принадлежит перу ельчанина Е. И. Назарова (1848—1900), участника суриковского кружка поэтов-самоучек, о творчестве которого была написана первая критическая статья И. А. Бунина. В этой статье Бунин называет Назарова своим учителем.

В преддверии пятисотлетнего юбилея явления в 1395 г. в Ельце Богородицы, в 1890 г. в Думу города было подано прошение о постройке храма-памятника в честь этого знаменательного события: «Потомки отцов, отбравших своей грудью нашествие иноплемеников в отдаленные времена исторического созидания Русской земли, пусть проникнутся до глубины души

⁸ Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1994. Т. 5. С. 62.

сознанием величия Божия и положат первый камень в основание здания, воздвигаемого во славу мудрому Творцу, его Божественной Матери, и святого угодника, и пророка, спасших своими молитвами и заступничеством наш город и весь русский народ от величайших несчастий» [5, с. 299]. Ходатайство было поддержано, и уже весной 1893 года были начаты земляные работы.

Проект постройки новой церкви (рис. 5) выполнил Александр Степанович Каминский, московский архитектор, один из наиболее плодотворных мастеров поздней эклектики. В столице Каминский спроектировал первое здание Третьяковской галереи, храм святых Софии и Татианы в Московской детской больнице имени Н. Ф. Филатова, несколько частных и общественных зданий. Являлся строителем Спасо-Преображенского собора Николо-Угрешского монастыря Московской епархии. Композиция и архитектурное оформление елецкого храма свидетельствует о том, что за образец Каминский взял древнерусские церковные постройки XVI—XVII веков.

Рис. 5. Храм Елецкой иконы Божией Матери

Так церковь Елецкой иконы Божьей Матери стала украшением и доминантой южной части города. Мощная вертикаль церковной колокольни уравновешивает современную многоэтажную застройку Лучковского городского района. В годы советской власти храм постигла участь большинства елецких церквей — он был отдан под зернохранилище. Но, возможно, именно превращение церкви в склад спасло ее от окончательного разрушения. В 1989 г. храм был возвращен верующим; к настоящему времени полностью отреставрирован и имеет большое количество прихожан. Как эмблематический локус «елецкого текста» он вдохновляет современных писателей и поэтов города, посвящающих ему проникновенные строки. Так, елецкий поэт Юрий Ширяев посвятил церкви Елецкой иконы Божьей Матери стихотворение «Храм»:

Храм Божий, храм души народа,
Как долго был ты осквернен!
Но в пыльных гулких высях свода
Хранилась тайно связь времен.

...

И дрогнул Тамерлан — каратель,
Не покорив мечом Елец,
Елец хранила Божья Матерь.
Поворотил на Юг хромец.
И Русь вздохнула с облегченьем...

В нашей статье упомянута лишь часть архитектурно-храмового комплекса города Ельца, занимающая значимую роль в парадигматике «елецкого текста». К символически значимым локусам также можно отнести елецкие монастыри и часовни. В семиотической интерпретации Ельца православный код, на наш взгляд, является самым главным. В [7] подчеркивается важность процесса использования названия одного города для перифрастического обозначения другого: «Наиболее продуктивным в русской языковой картине мира является название “Венеция”: Бангкок — “азиатская Венеция”, Брюгге и Ленинград — “Северная Венеция”, Вилково — “украинская Венеция”, Кьоджо — “маленькая Венеция”. Связано это с когнитивной ролью данного объекта как прототипа населенного пункта, испещренного сетью каналов».

Такое перифрастическое название имеет и Елец. А. Воскресенский, описывая взаимоотношения святителя Тихона и ельчан, отмечает: «И ельчане очень любили св. архипастыря. При его отъездах в Задонск толпы народа провожали его за р. Сосну, несколько раз стремясь под его святительское благодатное благословение. Отъехав версты три от города, св. Тихон поклонялся городским церквам, и, остановив подводку, спрашивал зачастую келейника: “Что за город позади?” — “Елец”, — говорил проводник. “Нет не Елец, — любовно возражал святитель, — а Сион-новый, Божие жилище”, — намекая на обилие благоукрашенных елецких храмов с обителями Св. Троицы и Знамения Пречистой»⁹. Идея провиденциальной ценности локуса, святости места определяет основные образцы и модели городского семиозиса, а елецкая храмовая архитектура материализует и репрезентует культурно-мифологические представления в реальный облик города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сивков Д. Ю. Иммунологическая концепция архитектуры и ее влияние на формирование городского пространства // Социология города. 2013. № 1. С. 27—38.
2. Люсый А. П. Текстуализация и регионализация: Локальный текст культуры как реализация схемы «Вызова и Ответа». URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/289--l-r.html> (дата обращения: 21.05.2014).

⁹ Воскресенский А. Город Елец в его настоящем и прошлом. (Опыт исторического очерка). URL: <http://allelets.ru/biblioteka/knigi-o-elce> (дата обращения: 21.05.2014).

3. *Абашиев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
4. *Ахметова М. В.* «Русскость» как тоpos «локального текста»: случай Муром. URL: <http://www.vevivi.ru/best/Russkost-kak-topos-lokalnogo-teksta-sluchai-Muroma-ref90849.html> (дата обращения: 21.05.2014).
5. *Клоков А. Ю., Найденов А. А., Новосельцев А. В.* Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Елец — Липецк, 2006. 512 с.
6. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
7. *Слышкин Г. Г., Чиж Н. В.* Город как социокультурная ценность: перспективы лингвосомиотического исследования // Социология города. 2008. № 1. С. 12—20.

REFERENCES

1. Sivkov D. Yu. [Immunological conception of architecture and its influence on formation of urban space]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2013, no. 1, pp. 27—38. (In Russ.).
2. Lyusyi A. P. *Tekstualizatsiya i regionalizatsiya: Lokal'nyi tekst kul'tury kak realizatsiya skhemy «Vyzova i Otвета»* [Textualization and regionalization: Local text of culture as realization of the scheme “Challenge and Response”]. Available at: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/289--l-r.html> (accessed 21.05.2014). (In Russ.).
3. Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of XX century]. Perm: Perm University Publ., 2000. 404 p.
4. Akhmetova M. V. “Russkost” kak topos “lokal'nogo teksta”: sluchai Muroma [“Russianness” as topos of “local tex”: Murom’s case]. Available at: <http://www.vevivi.ru/best/Russkost-kak-topos-lokalnogo-teksta-sluchai-Muroma-ref90849.html> (accessed 21.05.2014).
5. Klovov A. Yu., Naidenov A. A., Novoseltsev A. V. *Khramy i monastyri Lipetskoi i Eletskei eparkhii* [Temples and monasteries of Lipetsk and Elets eparchy]. Elets — Lipetsk, 2006. 512 p.
6. Zamyatin D. N. *Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space. Modeling of geographical patterns]. Moscow, Znack Publ., 2006. 488 p.
7. Slyshkin G. G., Chizh N. V. [City as a socio-cultural value: prospects of lingvosemeiotic research]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2008, no. 1, pp. 12—20. (In Russ.).

© Трубицина Н. А., 2014

Поступила в редакцию в мае 2014 г.

Ссылка для цитирования: Трубицина Н. А. Нарративные возможности архитектурного пространства городов с традиционной русской культурой (на примере г. Ельца) // Социология города. 2014. № 2. С. 20—32.

For citation: Trubitsina N. A. [Narrative opportunities of architectural space of the cities with traditional Russian culture (by the example of the town of Elets)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 20—32. (In Russ.).

УДК 330.532:330567.6

**О. В. Максимчук,
Т. А. Першина****ОЦЕНКА УРОВНЯ
И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОЖАН
С ПОЗИЦИЙ КОМФОРТНОСТИ
ПРОЖИВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ
(на примере крупных городов
ЮФО)**

*Статья выполнена в рамках гранта РГНФ
№ 13-32-01009 «Совершенствование
государственного менеджмента в усло-
виях инновационного развития эконо-
мики как направление повышения
социально-экономического уровня и
качества жизни населения субъекта РФ».*

Объектом исследования является город, представленный в виде целостной социально-экономической системы. В отличие от большинства работ современных авторов, мы попытались оценить существенную составляющую городской среды, а именно уровень качества жизни горожан, с позиций важнейшего интегративного показателя — комфортности городской жизни с учетом энергоэффективности инфраструктуры. Для этого были решены следующие задачи: выявлены предпосылки дисгармонии и диспропорций в развитии социально-экономических систем современных городов и обоснована необходимость изменения их функциональной роли; проведен сравнительный анализ теоретических подходов и методов оценки качества жизни городского населения; разработан и апробирован количественный подход к оценке комфортности проживания с учетом параметров энергоэффективности городских систем. Методологическую основу исследования составили комплексный и системный подходы, в рамках которых использованы методы сравнительного, ретроспективного, статистического, математического, логического анализа, моделирования и прогнозирования. В ходе исследования получены следующие

Предпосылки и тенденции снижения уровня и качества жизни в современных городах. Вопросы повышения уровня и качества жизни населения в городских поселениях до сих пор остаются не достаточно изученными и проработанными, несмотря на большое количество работ, посвященных этой теме [1, 2]¹.

В первую очередь это относится к феномену системной неустойчивости современных городов. Несмотря на положительные результаты в развитии отдельных из них, постоянно растет разрыв в уровне жизни различных слоев населения, растут диспропорции в распределении и потреблении благ, воспроизводственный процесс населения как человеческого ресурса протекает неравномерно, нерациональное природопользование обуславливает обострение экологических проблем, что не позволяет говорить о высоком качестве жизни населения в современном городе.

Что же следует понимать под уровнем и качеством жизни населения в современном городе? Каким способом можно измерить их параметры с тем, чтобы определить желаемый оптимум? В поиске ответов на эти вопросы авторы руководствуются следующим:

исследование проблемы повышения уровня и качества жизни населения в современном городе основывается на признании определяющей роли социальной и экологической систем города;

базовым признается принцип Парето в авторской интерпретации: повышением уровня и качеством жизни населения в современном городе можно считать форму организации жизнедеятельности населения города, обеспечивающую повышение экономической эффективности деятельности населения, но не за счет ущемления социальных и экологических интересов;

использован междисциплинарный подход в определении уровня и качества жизни населения города с позиций оценки комфортности проживания населения с учетом фактора энергоэффективности;

¹ Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3—14 июня 1992 г. Т. 2. Отчет о работе Конференции. Нью-Йорк, 1993. С. 19, 31, 40—60, 64, 71; Программа развития Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/ga/undp/> (дата обращения: 18.05.2014).

результаты: разработана авторская классификация показателей качества жизни горожан; показаны возможности использования авторского подхода при научном обосновании программ социально-экономического развития российских городов.

Ключевые слова:

качество жизни, социальная система, экономическая система, интегральная оценка, среда жизнедеятельности, уровень жизни, комфортность проживания, энергоэффективность, город, социально-экономическое развитие.

*O. V. Maksimchuk,
T. A. Pershina*

**LEVEL AND QUALITY OF LIFE
TAKING INTO ACCOUNT
THE ASSESSMENT OF COMFORT
OF LIVING
FOR THE POPULATION
IN A MODERN CITY
(on the example of large cities of
the Southern Federal District)**

Gratitude: the article is written within a grant of the Russian Foundation of Humanities No. 13-32-01009 "Improvement of the state management under conditions of innovative development of economy as the way of increase of social and economic level and quality of life of the population in the subjects of the Russian Federation".

The object of the research is a city represented in the form of entire social and economic system. Unlike the majority of works by modern authors, we tried to estimate a significant component of the

особый акцент в исследовании сделан на изучении динамики развития крупных городов как частных случаев социо-эколого-экономических систем большего масштаба.

Авторы отмечают, что исследование сложного образования, каковым является современный крупный российский город, актуализирует то обстоятельство, что он находится в крайне неопределенном состоянии, при этом происходит постепенная подмена самого объекта исследования. Состояние современных городов, характер проблем их развития, содержание программ социально-экономического развития городов, широко представленных в средствах массовой информации и изученных авторами при написании данной работы, дают основание говорить о том, что в понимании большинства современных политиков, экономистов, управленцев различных уровней преобладает представление о городе как предприятии, назначение которого — приносить доход. Причем очень часто — собственнику градообразующих предприятий, перспективных с точки зрения развития городских земель, не являющемуся непосредственно горожанином, не проживающим в пределах этого города. Это следствие тенденции, заложенной в перестроечный период. Понимание города как сложного социально значимого образования, как многогранной среды жизнедеятельности и обитания, включающей все формы нематериальной и материальной культуры, узко замещено пониманием города как функциональных элементов городского хозяйства, отраслей, сфер деятельности. Априори город — социо-эколого-экономическая система, детерминантами в которой являются социальная и экологическая системы, а обеспечивающей компонентой второго порядка выступает экономическая.

² Или же сформирована для определенных целей на основе стихийно образовавшихся и территориально закрепившихся социальных групп.

³ Причем в широком ее смысле: физическая безопасность индивидов, объединившихся в социальную группу; безопасность территории, благоприятной для проживания этих индивидов; экономическая безопасность индивидов, объединивших свои силы (физические и интеллектуальные) и материальные ресурсы для целей ведения общего хозяйства; военная безопасность как обеспечение защиты от внешних врагов. Этимология термина «город» исходит от того же корня, что и «огород», «огораживать». «Город» в буквальном смысле этого слова огороженное, укрепленное поселение.

urban environment, namely the level of the quality of life of citizens from the perspective of the most important integrative index – comfort of city life taking into account energy efficiency of the infrastructure. The following tasks were solved for this purpose: preconditions for disharmony and disproportions in the development of social and economic systems of modern cities are revealed and the necessity to change their functional roles is proved; the comparative analysis of theoretical approaches and assessment methods of quality of life of urban population is carried out; quantitative approach to the assessment of comfort of living taking into account the parameters of energy efficiency of city systems is developed and approved. The methodological basis of the research includes complex and system approaches within which the methods of comparative, retrospective, statistical, mathematical, logical analysis, modeling and forecasting are used. The authors received the following results: author's classification of indicators of quality of life of citizens is developed; the possibility to use the author's approach at scientific justification of programmes of social and economic development of Russian cities is shown.

Key words:

quality of life,
social system,
economical system,
integral estimation,
living environment,
living standards,
comfort of living,
energy efficiency,
city,
social and economic
development.

Об авторах:

Максимчук Ольга Викторовна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления проектами в строительстве, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолГАСУ).
Российская Федерация, 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1

Maksimchuk Olga Viktorovna – Doctor of Economics, Professor of Economics and Management of Construction Projects Department, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSAUCE).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation

Современные города в постановке целей и стратегий развития политиков являют собой «картины-перевертыши»: во главу ставятся чисто экономические интересы (часто — отдельных персоналий или корпораций) в ущерб базовым интересам общества, населяющего город.

Такой подход отчасти и является причиной утраты родового значения города как социальной системы, которая целесообразно создана² для реализации вполне определенных интересов людей во все времена: 1) обеспечение безопасности³; 2) обеспечение стабильности (территориальной, ресурсной, социальной); 3) обеспечение воспроизводства (ресурсного, социального); 4) формирование, закрепление и передача культурных ценностей. Первые три позиции можно смело отнести к необходимым условиям развития индивидов. Определим эту совокупность одним термином «инновационный фактор». Четвертая — это необходимое условие сохранения присущих индивидам (и только им) и их отношениям свойств, что обеспечивает стабильность. Определим это как «преемственность».

Современный город постепенно утрачивает свое историческое предназначение и становится хозрасчетным «предприятием», которое должно быть самообеспечиваемым и конкурентоспособным. С точки зрения политики, в том числе и экономической, это, может быть, и правомочная постановка вопроса. Однако город, как выше авторы уже отмечали, это не только политическое образование. Города исторически создавались с учетом территориальных особенностей, транспортно-географического положения и наличия/отсутствия природных ресурсов. Сейчас все границы стираются, и города унифицируются, теряя свою индивидуальность, и вместе с ней теряется преемственность опыта эффективной в социальном, экологическом и экономическом аспектах жизнедеятельности населения в его пределах и вне их. Особенно остро это ощущается в отношении производственных видов деятельности и «тяжелых» отраслей в сравнении с непроизводственными и сферой услуг. Авторы допускают мысль о том, что такое положение вещей в краткосрочном периоде оправдано ввиду череды непрекращающихся экономических кризисов и стагнации производства. Однако стратегически

Першина Татьяна Александровна –
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
и управления проектами в строительстве,
Волгоградский государственный
архитектурно-строительный университет
(ВолГАСУ).
Российская Федерация, 400074,
Волгоград, ул. Академическая, 1

Pershina Tat'yana Aleksandrovna –
Candidate of Economics,
Docent of Economics and Management
of Construction Projects Department,
Volgograd State University of Architecture
and Civil Engineering (VSUACE).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074,
Russian Federation

это может привести к принципиальному перераспределению производительных сил в сегмент отраслей нематериального производства и сферы услуг и утере производственного потенциала.

Данность такова, что российские города «держатся» на материальном производстве, и соотношение с нематериальным в оптимуме составляет 70/30. Изменение этой пропорции — еще один индикатор деградации городов. Так, например, город Волгоград старожилы называют сегодня умирающим городом. Не углубляясь в исторический экскурс возникновения, становления Волгограда, справочно отметим, что в предперестроечный период промышленность Волгоградской области и Волгограда характеризовалась высоким потенциалом. На конец 2001 г. в промышленности насчитывалось 378 крупных и средних предприятий с объемом продукции свыше 54 млрд р. Промышленностью области выпускалось около двух процентов от объемов промышленного производства Российской Федерации.

В структуре промышленной продукции наибольший удельный вес занимала тяжелая промышленность — 79,2 %, в том числе топливно-энергетический комплекс (30,8 %), металлургия (17,4 %), химическая и нефтехимическая промышленность (15,6 %), машиностроение и металлообработка (15,4 %). Производилась разнообразная продукция: тракторы, автомобильные шины, каустическая сода, синтетические смолы и пластические массы, дизельные двигатели, подшипники, нефтеаппаратура, продукты нефтепереработки, древесноволокнистые и древесностружечные плиты, керамические плитки, цемент и др.

Подавляющая часть всего промышленного производства Волгоградской области сосредоточена в восьми крупных городах: Волгограде, Волжском, Камышине, Михайловке, Урюпинске, Фролово, Жирновске, Котово. В Волгограде функционировали крупные градообразующие предприятия: ОАО «Волгоградский тракторный завод им. Дзержинского», ЗАО «Металлургический завод “Красный Октябрь”», ОАО «ПО “Волжский трубный завод”», ООО «ЛУКойл-Нижневожскнефть», ООО «ЛУКойл-Волгограднефтепереработка», ОАО «Волтайр», ОАО «Химпром», АООТ «Каустик», ОАО «Оргсинтез», ОАО «Волгоградский моторный завод» и др.

На сегодня большая часть из них уже не существует или находится в состоянии банкротства. При этом предприятия-банкроты являются основными должниками по страховым взносам, что снижает уровень и качество жизни населения в этих городах. По состоянию на 1 января 2014 г. в Волгограде общая сумма долга по страховым взносам на обязательное пенсионное и обязательное медицинское страхование составляет 2 млрд 121,6 млн р., из них 73,3 % приходится на предприятия-банкроты. За предыдущие четыре года это рекордный показатель. В 2010 г. доля предприятий-банкротов в общей сумме недоимки составила 25,6 %, в 2011 г. — 50 %, в 2012 г. — 62,9 %. Основная часть задолженности предприятий-банкротов, а именно 84 %, приходится на 7 градообразующих предприятий города Волгограда: ЗАО «ВМЗ “Красный Октябрь”» (997,6 млн р.), ВОАО «Химпром» (395,8 млн р.), ОАО «ВЗ ЖБИ-1» (113,1 млн р.), ОАО «Волгоградский судостроительный завод» (84,2 млн р.), ОАО «Волгограднефтегазстрой» (41,1 млн р.), ООО «Волгоградский завод спецмашиностроения» (31,9 млн р.), ООО «Автостройсервис» (36,3 млн р.)⁴.

Монопрофильный город Котово в целом характеризуется регрессией в связи со сворачиванием градообразующих производств ООО «ЛУКОЙЛ — Коробковский газоперерабатывающий завод», Котовский филиал ООО «ВНИИБТ — Буровой инструмент».

Предпосылки такой ситуации заложены в период тотальной приватизации (1992—1994 гг.). По методологии расчетов, принятой в ГКИ РФ, к началу 1998 г. сменили форму собственности 59 % всех предприятий от их количества на момент начала приватизации. Подобно многим другим, этот показатель характеризовался существенной межрегиональной дифференциацией, которая хорошо просматривается при группировке всех субъектов РФ по данному классификационному признаку.

Волгоградская область наряду с Бурятией, Ставропольским краем, Орловской, Рязанской, Белгородской, Саратовской, Оренбургской, Челябинской, Томской, Читинской, Сахалинской областями относится к группе регионов со значительной глубиной приватизации, при которой 80 % предприятий перешло в негосударственный сектор [3]. Реальная сторона изменения отношений собственности на средства производства подвержена серьезному воздействию макроэкономической и политической ситуации. Причиной сложившегося положения стал финансовый кризис, накопление его предпосылок, начавшееся еще с сентября 1997 г., и его последствия. При падении цен на нефть и цветные металлы в первой половине 1998 г. и сокращении выпуска на предприятиях, зависимых от импортного сырья, полуфабрикатов, комплектующих, которые после девальвации рубля были вынуждены сократить или прекратить свое производство. Очевидно, что данные факторы коснулись прежде всего негосударственного сектора индустрии, костяк которого наряду с естественными монополиями составляют нефтяные компании, гиганты черной и цветной металлургии, а также предприятия обрабатывающих отраслей промышленности, связанные с иностранным капиталом.

⁴ Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Котово на период 2010—2020 годы. URL: http://www.investvolga.com/upload/documents/kompleksnii_invest_plan_modernizacii_kotovo.doc (дата обращения: 30.04.2014).

Промышленная ориентация российских городов, в том числе и Волгограда, во многом определила и специфику жизнедеятельности населения. Промышленные предприятия практически полностью выполняли функции социального обеспечения своих работников, включая жилье, инфраструктуру и объекты социального назначения, обеспечивающие полноценную жизнедеятельность, отдых, оздоровление, культурное развитие и пр. Приватизация привела к дроблению предприятий как имущественных комплексов и распродаже их по частям с изменением функционального назначения. Новые собственники изначально не были заинтересованы в развитии предприятий как точек роста города и развития горожан. Кадровые и социальные программы были свернуты, что негативно отразилось на уровне и качестве жизни населения, особенно тех районов города, где сосредоточены промышленные предприятия. Современный Волгоград из промышленного города постепенно превращается в торговый. Приведет ли это к положительной динамике в социальном и экономическом аспектах? По мнению авторов, нет.

В настоящее время при разработке стратегий развития отдельных городов в качестве главного направления развития выбирают экономическое, а не социокультурное. Нарушение гармоничных отношений между социальными, экологическими и экономическими подсистемами является главной причиной возникающих противоречий и кризисов. Экономическая система города не может развиваться обособленно от социальной и экологической систем. Для того чтобы снять противоречия между ними, необходимо, чтобы при стратегическом планировании развития города во главу были поставлены цели обеспечения высокого уровня и качества жизни населения города. В имеющихся для рассмотрения стратегиях социально-экономического развития городов России наблюдается следование традиционному планированию по отраслям и сферам деятельности, что с учетом вышесказанного не актуально.

Теоретико-методический подход к оценке комфортности проживания с учетом фактора энергоэффективности. В связи с вышесказанным авторами на основе изученного опыта ученых и практиков в предметной области измерения уровня и качества жизни предлагается теоретико-методический подход к определению содержания и измерению уровня и качества жизни населения города в контексте *комфортности проживания с учетом энергоэффективности инфраструктуры жизнедеятельности*. В разработке данного подхода авторы исходили из положения, что стратегия является способом реакции на внешние факторы косвенного и прямого воздействия, основная ее задача — достижение системой долгосрочных возможностей развития. Ключевую роль в ее реализации играют факторы преемственности (вместе с адаптацией) и инновационный процесс как механизм запуска выбранной стратегии.

Адекватность выбранной стратегии обеспечивается системным подходом к управлению факторами развития. Оценка реализации стратегии с позиций системного подхода производится и с экономической позиции (конкурентоспособности города), и с социальной позиции (комфортности проживания населения в городе). Гармоничность, баланс социальной и экономической систем в современном городе обеспечивают соразмерность и определенную стабильность уровня и качества жизни всех слоев населения. Важнейшей функцией города является создание условий для формирования, воспроизводства и раз-

вития человеческого потенциала жителей города. Источники этого потенциала — внутренние человеческие ресурсы и привлечение новых посредством создания среды комфортного проживания (пространственной, психологической, экологической, экономической) и жизнедеятельности.

Следует отметить, что показатели качества жизни, разработанные как для международных, так и межрегиональных сопоставлений, специфичны и не вполне подходят для городов России. Кроме того, не существует единого методического подхода к оценке качества жизни населения ни на уровне региона, ни на уровне города. В связи с этим важным является определение типовых показателей качества жизни населения на уровне города и выбор методики их оценки. Анализ теоретического и методического инструментария оценки качества жизни населения показал, что в настоящее время существует три подхода к решению проблемы определения и измерения уровня и качества жизни: объективный, субъективный и интегральный. Наиболее распространены и используются объективные методики измерения качества жизни, представленные комбинацией различных статистических показателей. Субъективные индикаторы качества жизни строятся на субъективных оценках, основанных на результатах социологических опросов (табл. 1).

Авторы считают, наиболее полную и объективную оценку качества жизни населения и региона, и крупного города позволяет получить именно интегральный подход, который предполагает, что объективные и субъективные показатели необходимо рассматривать как равнозначные. При этом остается открытым вопрос о том, как вычислить интегральную оценку качества жизни населения крупного города.

Необходимым представляется формирование системы показателей, на основе которой будет рассчитываться интегральная оценка. В рамках предлагаемого теоретико-методического подхода авторы предлагают в качестве отсчетных статистических показателей оценки качества жизни населения крупного города использовать 5 групп показателей: образование, здравоохранение, физическое и психическое здоровье, материально благосостояние, комфортность проживания с учетом фактора энергоэффективности (рис. 1).

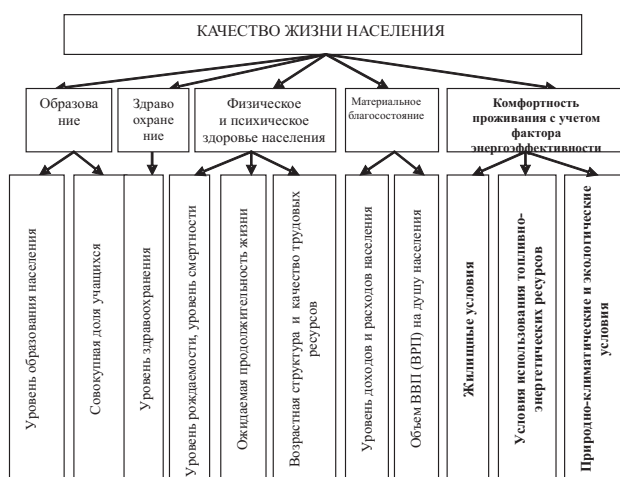

Рис. 1. Показатели оценки качества жизни населения на уровне крупного города

Таблица 1

Теоретико-методические подходы к определению и оценке уровня и качества жизни населения

Авторы методик	Показатели оценки
<i>Объективный подход</i>	
Организация Объединенных Наций (ПРООН)	Продолжительность жизни, уровень образования и величина ВВП на душу населения
Комиссия ЮНЕСКО по народонаселению и качеству жизни	Здоровье, образование, рациональное питание, экологически чистая окружающая среда, безопасность, здравоохранение, участие в жизни общества, создание необходимых услуг для развития общества; справедливость, равенство мужчин и женщин ⁵
И. А. Гундаров, В. Н. Крутько, Д. С. Львов, А. А. Пригарин, В. А. Лишук и Ф. М. Руднинский	Ожидаемая продолжительность жизни, естественное воспроизводство населения, неудовлетворенность жизнью, агрессивность общества, неадекватность решения проблем собственности, неустойчивость семейных отношений ⁶
Институт комплексных стратегических исследований	Благосостояние, доступность и качество образования, доступность медицинской помощи и состояние здоровья, доступность жилья и качество жилищных условий, состояние социальной среды ⁷
А. П. Егоршин, А. К. Зайцев, А. А. Лебедева	Финансово-экономические показатели, медико-экологические показатели, показатели материального благосостояния, показатели духовного благосостояния [4, 5]
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	Здоровье, образование, занятость и качество трудовой жизни, досуг и отдых, состояние потребительского рынка товаров и услуг, состояние окружающей среды, личная безопасность и т. д.
С. А. Айвазян	Качество населения, благосостояние населения, качество социальной сферы, качество экологической ниши, природно-климатические условия [7]
Т. В. Гаврилова	Уровень жизни, уровень развития социальной инфраструктуры, экологическое состояние среды, состояние здоровья, личная безопасность, уровень образования, занятость (безработица), качество трудовой жизни, качество досуга и отдыха, демографическая ситуация, социальная уверенность, социальные связи, неравенство, финансово-экономическое состояние территории, природно-климатические условия [7]

⁵ Организация экономического сотрудничества и развития. URL: <http://oecd.ru/social.html> (дата обращения: 30.04.2014).

⁶ http://www.duel.ru/200406/?06_5_1.

⁷ Индикаторы конкурентоспособности и качества жизни: инструмент оценки и результативности госполитики / Ин-т комплекс. стратег. исслед. М.: ТЕИС, 2004. 37 с.

<i>Субъективный подход</i>	
Е. А. Неретина, Т. А. Салимова и М. Ш. Салимов	Здоровье, уровень доходов, семейное счастье, жилищные условия, уровень и качество образования, душевный комфорт, независимость и свобода, уважение окружающих, гарантии занятости, качество медицинского обслуживания, уверенность в будущем, защищенность от преступных посягательств, экологическая обстановка, мир и согласие в обществе, досуг и отдых, благоустроенность населенного пункта, власть, религиозные убеждения [8]
В. Ф. Безъязычный	Удовлетворенность человека качеством жизни по следующим направлениям: социальное положение, система безопасности региона, состояние здоровья, труд, образование, круг общения, семейные отношения [9]
Е. М. Акулич, В. В. Коновалов	Совокупность показателей: образование, уют, уровень жизни, чистота, архитектура, исторические места, инфраструктура, доброжелательность горожан, доступное жилье, природа, благоустройство города, занятость населения, состояние жилищно-коммунальных услуг, здравоохранение, социальные услуги, дороги, транспорт, уровень преступности, занятость населения, уровень управления [10]
<i>Интегральный подход</i>	
Н. С. Маликов	Трехуровневая система, включающая в себя оценку индекса развития человеческого потенциала по методике ПРООН, оценку социального самочувствия и степень отклонения от социально-экономического стандарта [11]
Научно-исследовательская лаборатория по проблемам качества жизни населения (г. Белгород)	4 группы показателей: показатели, характеризующие жизненные потребности людей; индикаторы, определяющие уровень реализации потребностей; показатели степени удовлетворенности людей и индикаторы, позволяющие определить параметры меры ⁸
В. В. Дробышева, Б. И. Герасимов	Ожидаемая продолжительность жизни, ВРП на душу населения (в долларах на основе паритета покупательной способности (ППС)), достигнутый уровень образования [12]
Б. А. Навроцкий, Л. Я. Полянинов	Экология, общественная мораль, цены и инфляция, преступность, безработица, коррупция, социальная защищенность, здравоохранение, жилищно-коммунальные услуги [13]
О. В. Максимчук, Т. А. Першина	5 групп показателей: образование, здравоохранение, физическое и психическое здоровье населения, материальное благосостояние, комфортность проживания с учетом фактора энергоэффективности

⁸ URL: www.bel.edu.ru/lab. (дата обращения: 21.03.2014).

1. Образование. Это процесс, посредством которого население города через дошкольные учреждения, школы, колледжи, техникумы, училища, университеты и другие образовательные учреждения целенаправленно передает свое культурное наследие в виде накопленных ценностей, знаний, навыков и умений от одного поколения горожан к другому.

Измеряется экономико-статистическими методами:

средним объемом финансирования образования, тыс. р. на 1 чел.;

средним объемом образовательных услуг, кол-во услуг на 1 чел.;

числом образовательных организаций, кол-во;

удельной долей студентов в численности населения, %;

уровнем грамотности взрослого населения, %.

2. Здоровоохранение. Ограничимся традиционным определением здравоохранения как комплекса социальных, экономических и медицинских мероприятий, направленных на сохранение и повышение уровня здоровья каждого отдельного человека и населения города в целом.

Измеряется экономико-статистическими методами:

средним объемом финансирования мероприятий по здравоохранению в расчете на 1 чел.;

средним объемом медицинских услуг в расчете на 1 чел.;

обеспеченностью населения мощностями здравоохранения;

числом больничных коек на 1000 жителей.

3. Физическое и психическое здоровье населения. Многие заболевания, физические, психические нарушения обусловлены образом жизни и неизбежно требуют его преобразования, включая материализованную основу и ценностное отношение к жизни человека.

Известно, что в городе всегда более высок уровень заболеваний и деприваций в силу воздействия множественных факторов, в том числе интенсивности жизнедеятельности, связанной с нервными перегрузками, материальной дифференциацией. Широко распространенный в настоящее время диагноз «синдром хронической усталости» можно априори поставить практически каждому жителю современного крупного города, находящемуся в состоянии половозрастной зрелости и трудовой занятости. Отклонение от нормы комфортного проживания человека свидетельствует о отсутствии у него возможностей материально обустроить свою жизнедеятельность и шкалы приоритетных ценностей [14]. Напрямую эти условия влияют на способность к воспроизводству человеческих ресурсов и измеряются методами статистики: рождаемостью; смертностью; заболеваемостью; инвалидностью; ожидаемой продолжительностью жизни; способностью образовывать и сохранять семьи.

4. Материальное благосостояние. Как правило, возможности материально обустроить свою жизнедеятельность и шкала приоритетных ценностей — это вещи взаимосвязанные, а не взаимоисключающие. Безусловно, на определенном этапе развития общества улучшение качества жизни начинается все в большей степени зависеть от усилий самой личности, от особенностей ее характера [15]. Однако в полной мере создать материальную основу жизни и те ее материализованные формы, в которых организован отдых, досуг, оздоровление и профилактика здоровья человека, самостоятельно среднестатистический житель любого города мира не может. Иначе все предпочли бы организацию жизни в виде индивидуальных, рассеянных территориально до-

мохозяйств. Как локальные индивидуальные стратегии жизнедеятельности такие формы возможны и имеют место в современном обществе (чаще всего это маргинальные примеры) [16]. Для больших сообществ людей, реализующих стратегию коллективной жизнедеятельности по причинам, обозначенным ранее в этой статье, образующих совместные поселения в виде городов, решить задачу материального и материализованного обустройства этой жизни самостоятельно невозможно.

Материальное благосостояние измеряется методами экономико-статистического анализа:

- величиной доходов в реальном выражении;
- среднемесячной заработной платой работников организаций;
- распределением доходов по направлениям использования и различным социально-экономическим группам населения;
- структурой потребительских расходов населения;
- наличием в домашних хозяйствах потребительских товаров длительного пользования;
- накоплением имущества и ценностей;
- фактическим потреблением домашних хозяйств;
- индексом потребительских цен;
- уровнем безработицы и бедности;
- суммой начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг за отчетный период (тыс. р.);
- ВРП на душу населения (тыс. р.);
- числом жилых квартир в расчете на 1000 человек населения (ед.).

5. Комфортность проживания с учетом фактора энергоэффективности. Показатель комфортности проживания населения в городе является, по мнению авторов, интегральным, и предыдущие четыре показателя в большей или меньшей степени представляют собой его детализацию. Если первые четыре группы показателей в разных вариациях встречаются у многих специалистов, занимающихся проблемами оценки качества жизни населения, то эта группа показателей — комфортность проживания с учетом фактора энергоэффективности — является оригинальной. Применительно к уровню города нет единого подхода в определении этого показателя и метода его измерения. Известное ограничение «порога сложности», в соответствии с которым человек при адекватной оценке любого события или явления в состоянии одновременно принять во внимание не более 7—10 характеризующих его показателей, требует использования в практике социально-экономического управления формализованных методов свертки анализируемых факторов с целью перехода к сравнительно небольшому числу интегральных индексов качества жизни населения [17].

Рост уровня жизни создает возможности для улучшения качества жизни, которое отражает обеспеченность жизненными условиями, комфортность проживания, их соответствие современным требованиям энергоэффективности. Термин «комфорт» (*comfort*) означает условия жизни, пребывания, обстановки, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют⁹.

⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Определение комфорта показывает емкость данного понятия и интегрирование им трех факторов: удобство, спокойствие, уют. Удобный — приятный при пользовании; уют — удобный порядок, приятная устроенность быта, обстановки; спокойствие — отсутствие движения, забот, тревог. Отсюда следует, что определяющим в понятии «комфорт» является субъективный фактор — восприятие человеком среды обитания, индивидуальное для каждого человека и затрагивающее как его внутреннее состояние (первая составляющая комфорта), так и параметры окружающей среды (вторая составляющая комфорта). Комфортность проживания населения — это характеристика физического, психологического, эмоционального и социального восприятия людьми своего положения в жизни в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами. Поэтому оценка комфортности проживания населения только с помощью экономических показателей не является корректной.

Например, В. М. Молчанов использует метод социально-функционального моделирования городского жилища с точки зрения архитектурных канонов и принципов эргономики, определяя жилище горожан юга России через показатели наружной и внутренней планировки, функциональности, соразмерности, удобства жилища в целом и в частности каждого помещения в нем [18, с. 36—37]. На основе результатов проведенных им опросов нуклеарных городских семей (выборка составила 320 семей г. Ростова-Дону в 1999—2001 гг.), горожане предпочитают не просто отдельно стоящий односемейный дом (73 %), но в обязательном порядке предусматривающий условия для творческого труда, физической культуры и общения, нахождение жилища в экологической зеленой зоне [18, с. 39]. В большей степени такой подход характеризует комфортность жилища. Ценовые предпочтения также в нем присутствуют, однако по данным исследования можно сделать вывод о доминировании социокультурных и экологических признаков организации жизнедеятельности жителем современного города.

Экологическая проблематика волнует население крупных городов во всех без исключения странах мира. Городское население в большинстве своем единодушно ставит экологию на первое место по отношению к общественной морали, ценам и инфляции, росту преступности, угрозе безработицы, коррупции, социальной незащищенности, низкому качеству здравоохранения, жилищно-коммунальным проблемам [13, с. 41—42]. «Только в Волгограде в среднем за год образуется около 970 тыс. тонн отходов. Просто бытового мусора образуется около 400 кг на 1 человека в год. В городе, по мнению экспертов, нет ни одной обустроенной свалки. Мусор не сортируется. Нет специальной подстилки. Грязь идет в почву и грунтовые воды, возвращается на колесах автомашин обратно в город... Резко возросло загрязнение от автотранспорта... на его долю приходится до 75 % валового выброса. Если контроль на трассе выявлял 5—7 % нарушений экологических норм, то сейчас — до 27—30 %. Эта тенденция растет, ибо улицы забиты автомобилями» [13, с. 49]. Эти выводы актуальны для Волгограда и в 2014 г.

Причины ухудшения экологического состояния крупных промышленных городов России:

низкий уровень экологического сознания и культуры;

малодейственные меры по урегулированию экологических проблем, предпринятые за последние 20 лет;

устойчивый рост энергоемкости и энергопотерь во всех сферах жизнедеятельности населения в городе.

Потенциал энергосбережения в России составляет около 400 млн т условного топлива в год, что эквивалентно примерно 40 % всего энергопотребления страны. В экономическом исчислении это миллиарды рублей экономии, а в экологическом плане это сотни миллионов тонн вредных веществ, которые не попадут в атмосферу. На выработку тепловой энергии расходуется около 30 % топливно-энергетических ресурсов нашей страны, на выработку электроэнергии — около 20 %, а основным потребителем тепловой энергии являются жилые здания — на их отопление расходуется около 45 % всей вырабатываемой в России тепловой энергии.

В связи с вышесказанным авторы *определяют комфортность проживания населения с учетом фактора энергоэффективности как совокупность условий жизнедеятельности — жилищных, природно-климатических — и условий использования топливно-энергетических ресурсов, которые обеспечивают образование, здравоохранение, физическое и психическое здоровье, материальное благополучие населения, при которых социальная, экологическая и экономическая среды города гармонизированы.*

Измеряется методами экономико-статистического, энергетического, экологического анализа и аудита:

качеством экологической ниши (данными о загрязнении воздушного пространства, воды, почвы, уровне биоразнообразия территории);

качеством условий, частотой и спецификой форс-мажорных ситуаций (наводнений, землетрясений, ураганов и других стихийных бедствий);

общей площадью занимаемого жилья на одного жителя;

обеспеченностью жилых помещений энергетическими ресурсами и наличием/отсутствием перебоев в их подаче;

текущими затратами на охрану окружающей среды (тыс. р.);

индексом активности в области энергосбережения, который включает в себя выполнение/невыполнение утвержденных программ энергосбережения, количество проведенных энергоаудиторских обследований, уровень информированности населения о необходимости энергосбережения, количество подготовленных в области энергоэффективности специалистов, индекс оснащенности приборами учета жилых помещений.

Авторы приводят здесь далеко не полный свод параметров и индикаторов, которыми могут быть измерены уровень и качество жизни населения. Но для иллюстрации и верификации гипотезы вышеописанного набора вполне достаточно.

Апробация и практическая значимость теоретико-методического подхода к оценке комфортности проживания с учетом фактора энергоэффективности. В соответствии с предложенным авторами теоретико-методическим подходом произведена оценка качества жизни населения крупных городов Южного федерального округа (Волгограда, Ростова-на-Дону, Краснодара, Астрахани). Результаты проведенного экономического анализа показателей, характеризующих качество жизни на уровне крупного города, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Динамика показателей, отражающих качество жизни населения крупных городов ЮФО

		2011 г.	2012 г.	2013 г.	Темп роста, %
Волгоград	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	69,9	70,2	70,5	100,86
	Уровень грамотности взрослого населения, %	99,5	99,5	99,5	100,00
	Сумма начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг за отчетный период (тыс. р.)	369184	337256	356491	96,56
	ВРП на душу населения (тыс. р.)	144,3	166	191,8	132,92
	Текущие затраты на охрану окружающей среды (тыс. р.)	3276394	2593641	3012643	91,95
	Число жилых квартир в расчете на 1000 человек населения (ед.)	386,4	394,5	401,7	103,96
	Среднемесячная заработная плата работников организаций (тыс. р.)	23179	24368	25715,8	110,94
	Значение индекса активности в области энергосбережения	23,41	32,1	47,54	203,08
Ростов-на-Дону	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70,1	70,4	70,8	101,00
	Уровень грамотности взрослого населения, %	99,6	99,6	99,6	100,00
	Сумма начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг за отчетный период (тыс. р.)	420161	424705	431547	102,71
	ВРП на душу населения (тыс. р.)	154,8	185,5	186,4	120,41
	Текущие затраты на охрану окружающей среды (тыс. р.)	1487337	1882328	1865437	125,42
	Число жилых квартир в расчете на 1000 человек населения (ед.)	400,21	401,7	402,3	100,52
	Среднемесячная заработная плата работников организаций (тыс. б.)	27189	28546	29473	108,40
	Значение индекса активности в области энергосбережения	47,2	56,8	64,85	137,39
Краснодар	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	71,7	71,9	72,2	100,70
	Уровень грамотности взрослого населения, %	99,5	99,5	99,5	100,00
	Сумма начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг за отчетный период (тыс. р.)	110456	114123	116731	105,68
	ВРП на душу населения (в тыс. р.)	165,6	196,9	233,9	141,24
	Текущие затраты на охрану окружающей среды (тыс. р.)	566701	1395583	903478	159,43
	Число жилых квартир в расчете на 1000 человек населения (ед.)	421	425,7	425,9	101,16
	Среднемесячная заработная плата работников организаций (тыс. р.)	31009	31279	32724	105,53
	Значение индекса активности в области энергосбережения	20,5	28,4	36,85	179,76
Астрахань	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	69	69,3	69,6	100,87
	Уровень грамотности взрослого населения, %	99,4	99,4	99,4	100,00
	Сумма начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг за отчетный период (тыс. р.)	132373	155294	153478	115,94
	ВРП на душу населения (в тыс. р.)	133	143,4	168,5	126,69
	Текущие затраты на охрану окружающей среды (тыс. р.)	1558410	2884748	2893437	185,67
	Число жилых квартир в расчете на 1000 человек населения (ед.)	365	375,2	377,2	103,34
	Среднемесячная заработная плата (тыс. р.)	25378	26345	26612	104,86
	Значение индекса активности в области энергосбережения	19,4	23,8	25,93	133,66

Расчет и анализ показателей, отражающих качество жизни населения крупных городов ЮФО, авторы производили на основе данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 года № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения».

Графически результаты анализа показателей оценки качества жизни населения за 2011—2013 гг. представлены на рис. 2—3.

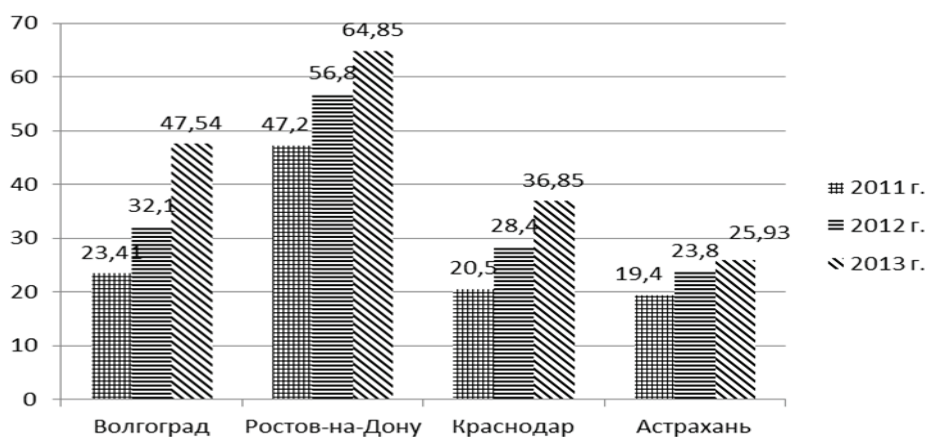

Рис. 2. Изменение индекса активности в области энергосбережения крупных городов Южного федерального округа за период 2011–2013 гг.

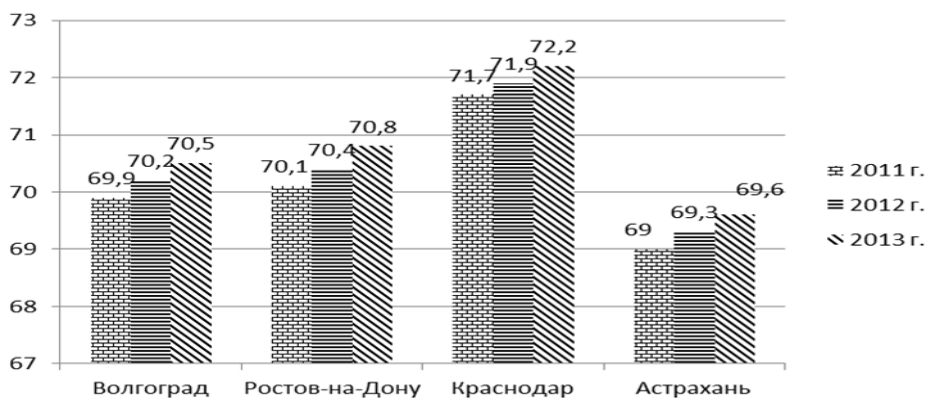

Рис. 3. Изменение показателя ожидаемой продолжительности жизни населения крупных городов Южного федерального округа за период 2011–2013 гг.

Сравнивая динамику изменения активности в области выполнения ФЗ № 261 «Об энергосбережении...», можно сделать вывод о стабильности темпов роста во всех анализируемых городах Южного федерального округа. За рассматриваемый период Ростов-на-Дону по индексу активности в области энергосбережения занимал более высокое место по сравнению с другими городами. Это свидетельствует о повышении комфортности проживания населения и улучшении среды жизнедеятельности.

По показателю ожидаемой продолжительности жизни населения крупных городов Южного федерального округа за период 2011—2013 гг. на первое место выходит Краснодар, темп роста показателя которого составил 0,7 %.

Анализ разных показателей оценки качества жизни населения показал разноречивые результаты, не позволяющие с высокой степенью достоверности определить наиболее комфортные для проживания города. Поэтому необходимо рассчитать интегральные показатели оценки качества жизни населения, учитывающие тенденции изменения объективных и субъективных показателей качества жизни.

Качество жизни — социальная, экологическая и экономическая категория, которую трудно отразить глубоко и определенно любым из интегральных показателей. Для наиболее яркой характеристики качества жизни населения воспользуемся часто применяемой методикой расчета индекса развития человеческого потенциала, разработанной международной организацией «Программа развития ООН»:

$$I_i = \frac{x_i - x_{i\min}}{x_{i\max} - x_{i\min}}, \quad (1)$$

где x_i — фактическое значение i -го показателя; $x_{i\min}$ и $x_{i\max}$ — соответственно минимальное и максимальное значение i -го показателя.

Прежде чем определить сам интегральный показатель, необходимо рассчитать индексы для каждого из аспектов, которые выражаются величиной от 0 до 1 и исчисляются по формуле (1). Предельно допустимые значения показателей для расчета индексов базовых показателей представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Предельно допустимые значения для расчета индексов базовых показателей
уровня и качества жизни населения города**

Показатель	Максимальное значение	Минимальное значение
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	85	25
Уровень грамотности взрослого населения, %	100	0
ВРП на душу населения (тыс. р.)	250	100
Число жилых квартир в расчете на 1000 человек населения (ед.)	500	100
Среднемесячная заработная плата работников организаций (тыс. р.)	35	15
Значение индекса активности в области энергосбережения	70	15
Текущие затраты на охрану окружающей среды на 1 человека (тыс. р.)	4	1

Итоговая интегральная оценка качества жизни населения крупного города рассчитывается по формуле

$$I_{\text{к.ж}} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n I_i,$$

где n — число индексируемых показателей; $I_{\text{к.ж}}$ — итоговая интегральная оценка качества жизни.

На основе представленных показателей авторами определены интегральные оценки качества жизни населения городов ЮФО, таких как Волгоград, Ростов-на-Дону, Краснодар, Астрахань.

Из числа базовых показателей в рамках предложенного методического подхода авторами использовались следующие: ожидаемая продолжительность жизни, достигнутый уровень грамотности взрослого населения, ВРП на душу населения, число жилых квартир в расчете на 1000 человек населения, среднемесячная заработная плата работников организаций, индекс активности в области энергосбережения, текущие затраты на охрану окружающей среды на 1 человека. При максимальной оценке, равной 1, предложена следующая классификация качества жизни:

- 1) уровень качества жизни выше среднего (ИОКЖ от 0,670 и выше);
- 2) средний уровень качества жизни (ИОКЖ от 0,620 до 0,670);
- 3) уровень качества жизни ниже среднего (ИОКЖ от 0,570 до 0,620);
- 4) низкий уровень качества жизни (ИОКЖ от 0,520 до 0,570).

Результаты расчетов интегральной оценки качества жизни населения позволили проранжировать крупные города Южного федерального округа по комфортности проживания (табл. 4).

Таблица 4

Оценка уровня и качества жизни населения крупных городов Южного федерального округа

Город	Уровень качества жизни населения		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Волгоград	Ниже среднего	Ниже среднего	Выше среднего
Ростов-на-Дону	Ниже среднего	Выше среднего	Выше среднего
Краснодар	Ниже среднего	Средний уровень	Выше среднего
Астрахань	Ниже среднего	Ниже среднего	Средний уровень

Промежуточные расчеты интегральной оценки качества жизни населения в крупных городах Южного федерального округа представлены в табл. 5, 6.

Данные, полученные в результате применения методического подхода, свидетельствуют о медленно повышающемся уровне качества жизни населения всех исследуемых городов. Интегральные показатели качества жизни населения в Волгограде выросли на 0,12 пунктов за исследуемый период с 2011 по 2013 гг., стремясь к максимально возможному значению среди четырех крупных городов ЮФО (рис. 4).

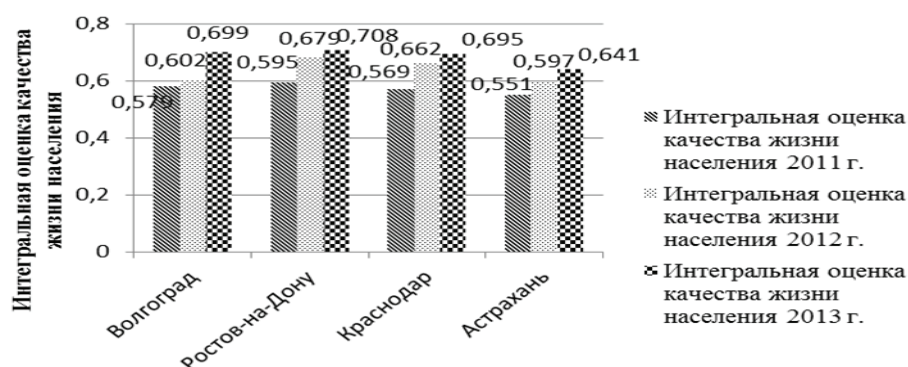

Рис. 4. Интегральная оценка качества жизни населения крупных городов Южного федерального округа за период 2011–2013 гг.

Таблица 5

Динамика изменения интегрального индекса качества жизни крупных городов Южного Федерального округа

Город	Индекс ожидаемой продолжительности жизни			Индекс достигнутого уровня образования			Индекс ВРП на душу населения			Индекс средней обеспеченности населения жильем ¹⁰			Индекс активности в области энергосбережения			Индекс текущих затрат на охрану окружающей среды			Индекс среднемесячной заработной платы работников		
	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013	2011	2012	2013
Волгоград	0,748	0,753	0,758	0,995	0,995	0,995	0,295	0,44	0,612	0,716	0,736	0,754	0,152	0,31	0,593	0,74	0,513	0,653	0,408	0,468	0,53
Ростов-на-Дону	0,751	0,756	0,763	0,996	0,996	0,996	0,365	0,57	0,576	0,75	0,754	0,755	0,585	0,76	0,91	0,12	0,238	0,23	0,6	0,677	0,723
Краснодар	0,778	0,781	0,786	0,995	0,995	0,995	0,43	0,646	0,89	0,8	0,814	0,815	0,1	0,243	0,397	0,08	0,34	0,1	0,8	0,813	0,88
Астрахань	0,733	0,738	0,743	0,994	0,994	0,994	0,22	0,289	0,456	0,66	0,688	0,693	0,08	0,16	0,198	0,66	0,74	0,82	0,51	0,567	0,58

Таблица 6

Интегральные оценки качества жизни населения крупных городов Южного федерального округа

Город	Сумма семи индексов			Интегральная оценка качества жизни населения			Место, занимаемое в регионе		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Волгоград	4,054	4,215	4,895	0,579	0,602	0,699	2	3	2
Ростов-на-Дону	4,167	4,751	4,953	0,595	0,679	0,708	1	1	1
Краснодар	3,983	4,632	4,863	0,569	0,662	0,695	3	2	3
Астрахань	3,857	4,176	4,484	0,551	0,597	0,641	4	4	4

¹⁰ Потребительская оценка стоимости жилья и удовлетворенность жилищными условиями. URL: <http://www.rgs.ru/media/Analitika.pdf> (дата обращения: 12.05.2014).

Предложенный авторами методический подход позволяет определить перспективные направления повышения качества жизни в крупных городах на основе сравнения со средними значениями по региону (рис. 5—6).

Рис. 5. Сравнительные эпюры индексов, составляющих интегральную оценку качества жизни населения крупных городов (Волгоград и Ростов-на-Дону)

На рис. 5 наглядно представлены направления повышения качества жизни населения, в частности, для Ростов-на-Дону — повышение доли текущих затрат на охрану окружающей среды, а для Волгограда — повышение активности города в области энергосбережения.

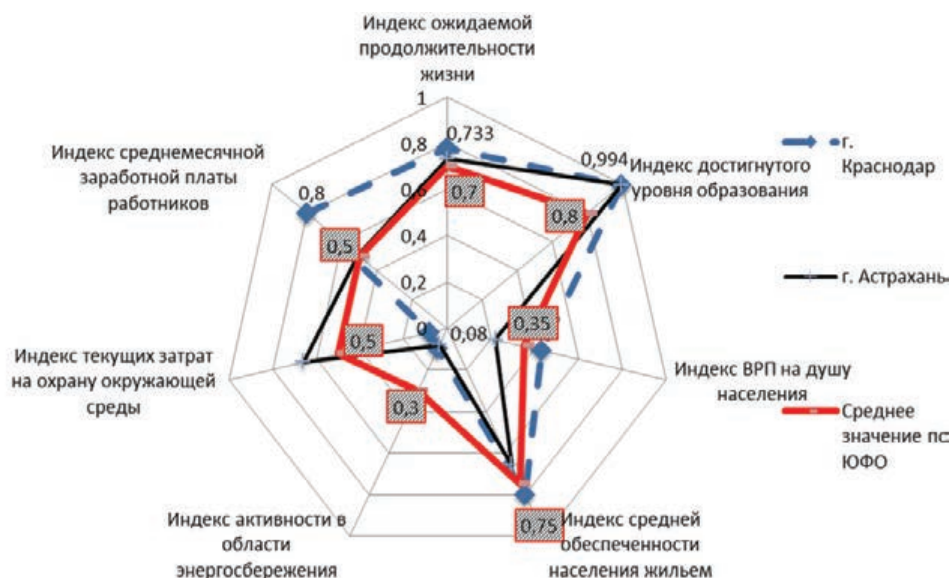

Рис. 6. Сравнительные эпюры индексов, составляющих интегральную оценку качества жизни населения крупных городов (Краснодар и Астрахань)

Для таких городов, как Краснодар и Астрахань, основными направлениями являются повышение активности города в области энергосбережения и обеспеченности населения жильем, так как происходит значительное отставание этих показателей от средних значений по региону. У Астрахани также занижены на 13 пунктов значения индекса ВРП на душу населения, что оказывает негативное влияние на уровень жизни населения.

Для возможности прогнозирования интегральных оценок качества жизни населения исследуемых городов в целях применения их при разработке стратегий социально-экономического развития были синтезированы многофакторные модели [17, 19]. Так, для Волгограда представлена полиномиальная модель второй степени:

$$y = 0,037x^2 - 0,088x + 0,63.$$

Прогнозируемое по модели полинома второй степени значение интегральных оценок качества жизни населения по Волгограду в 2014 г. составит 0,712. Эта величина индекса является показателем качества жизни выше среднего в соответствии с классификацией качества жизни.

Для Ростов-на-Дону синтезирована степенная модель с величиной достоверности аппроксимации $R^2=0,9802$.

$$y = 0,5982x^{0,1617}.$$

Для Краснодара синтезирована логарифмическая модель с величиной достоверности аппроксимации $R^2=0,9861$.

Графическое изображение динамики (тренда) индекса качества жизни по Краснодару отражено на рис. 7.

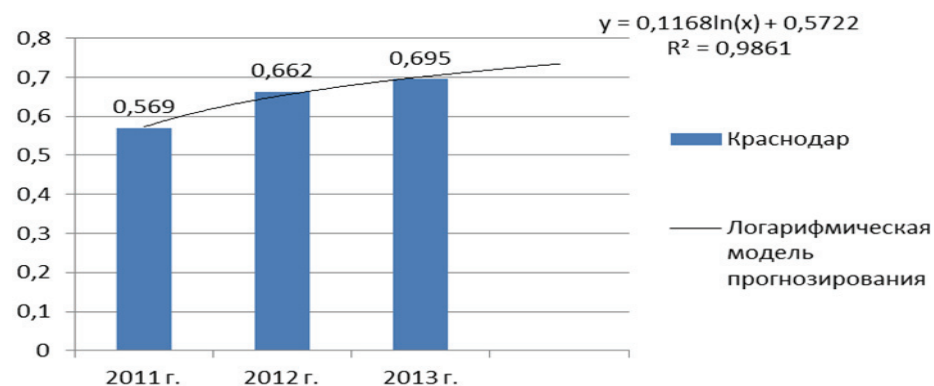

Рис. 7. Прогнозируемые значения интегральной оценки качества жизни населения Краснодара

Ростов-на-Дону признан самым комфортным с позиций оценки среды жизнедеятельности, второе место поделили между собой Волгоград и Краснодар, и на четвертом месте находится город Астрахань с интегральной оценкой 0,641. Полученные оценки могут быть учтены при корректировке стратегий развития исследуемых городов ЮФО¹¹.

¹¹ Стратегический план устойчивого развития Волгограда до 2025 года. URL: <http://www.volgadmin.ru/ru/MPDevelopment/StrategyPlanning.aspx> (дата обращения: 12.05.2014); Стратегия социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на

Таким образом, по результатам апробации авторского методического подхода к измерению уровня и качества жизни населения города в контексте комфортности проживания с учетом фактора энергоэффективности инфраструктуры жизнедеятельности очевидно, что он позволяет объективно выявлять позитивный или негативный вклад конкретного города в динамику целого региона, определять ключевые направления совершенствования социальной политики отдельного города и региона в целом, что определяет основные контуры социального, экономического, экологического развития города с точки зрения значимости для его населения.

Авторы с уважением относятся к научно-практическому опыту ученых, как зарубежных, так и отечественных, к разработкам которых они обращались в работе над данной статьей, и считают, что в развитие этого опыта предлагаемый ими подход обладает преимуществами: высокой степенью достоверности, универсальностью и сопоставимостью, возможностью верификации прогноза уровня комфортности проживания населения, которые обуславливают целесообразность его использования в процессе разработки и научного обоснования программ и стратегий социально-экономического развития городов России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ortega F., Peri G.* The Causes and Effects of International Labor Mobility: Evidence from OECD Countries 1980—2005. Human Development Research Paper 2009/06. United Nations Development Programme. New-York. P. 46.
2. *Sunderland N., Catalano T., Kendall E.* Missing discourses: concepts of joy and happiness in disability // *Disability & Society*. 2009. Vol. 24. № 6. October. P. 703—714. doi: 10.1080/09687590903160175.
3. *Каныгина О. В.* Инвестиционно-строительная политика как инструмент механизма формирования и развития рынка промышленной недвижимости: дисс... канд. экон. наук. Волгоград, 2009. 140 с.
4. *Егоришин А. П., Зайцев А. К.* Качество жизни населения региона // *Народонаселение*. 2005. № 1. С. 14—27.
5. *Лебедева А. А.* Позитивная психология как альтернатива традиционному клиническому подходу к изучению качества жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья // *Современная зарубежная психология*. 2012. № 2. С. 17—28. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/SZP022012/Lpp-017.htm> (дата обращения: 14.05.2014).
6. *Айвазян С. А.* Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции // *Уровень жизни населения регионов России*. 2002. № 11. С. 5—41.
7. *Гаврилова Т. В.* Принципы и методы исследования качества жизни населения // *Технологии качества жизни*. 2004. Т. 4. № 2. С. 1—11.

период до 2025 года. URL: <http://www.rostov-gorod.ru/> (дата обращения: 12.05.2014); Стратегия развития муниципального образования «город Астрахань» до 2021 года. URL: http://administration.astrgorod.ru/sites/default/files/strategiya_astrahani.pdf (дата обращения: 12.05.2014); Стратегия инвестиционного развития МО город Краснодар до 2030 года. URL: <http://investment.krd.ru/krasnodar/strategy/> (дата обращения: 12.05.2014).

8. Неретина Е. А., Салимова Т. А., Салимов М. Ш. Субъективные индикаторы качества жизни в регионе // Стандарты и качество. 2004. № 11. С. 52—55.
9. Безъязычный В. Ф., Шилков Е. В. Качество жизни : учеб. пособие. Рыбинск : РГТА, 2004. 96 с.
10. Акулич Е. Н., Коновалов В. В. Социальные ожидания жителей Тюмени как условие формирования имиджа города // Социология города. 2013. № 2. С. 34—43.
11. Маликов Н. С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 2. С. 1—6.
12. Дробышева В. В., Герасимов Б. И. Интегральная оценка качества жизни населения региона. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 108 с.
13. Навроцкий Б. А., Полянинов Л. Я. Человек. Город. Экология. Волгоград : Комитет по печати, 1996. 112 с.
14. Boyce C. J., Wood A. M. Personality Prior to Disability Determines Adaptation: Agreeable Individuals Recover Lost Life Satisfaction Faster and More Completely // Psychological Science. 2011. Vol. 22. № 11. P. 1397—1402. doi: 10.1177/0956797611421790.
15. Hajiran H. Toward a quality of life theory: net domestic product of happiness // Social Indicators Research. 2006. Vol. 75. № 1. P. 31—43.
16. Albrecht G. L., Devlieger P. J. The disability paradox: high quality of life against all odds // Social Science & Medicine. 1999. Vol. 48. № 8. P. 977—988. doi: 10.1016/S0277-9536(98)00411-0.
17. Айвазян С. А., Степанов В. С., Козлова М. И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (Самарская область и ее субъектов) // Прикладная эконометрика. 2006. Т. 2. Вып. 2. С. 18—84.
18. Молчанов В. М. Социально-функциональное моделирование городского жилища для Юга России // Социология города. 2009. № 2. С. 35—40.
19. Спиридонов С. П., Нижегородов Е. В., Герасимов Б. И. Институциональные индикаторы качества жизни. Тамбов: ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. 136 с.

REFERENCES

1. Ortega F., Peri G. *The Causes and Effects of International Labor Mobility: Evidence from OECD Countries 1980—2005. Human Development Research Paper 2009/06*. United Nations Development Programme, New-York. P. 46.
2. Sunderland N., Catalano T., Kendall E. Missing discourses: concepts of joy and happiness in disability. *Disability & Society*, 2009, vol. 24, no. 6, October, pp. 703—714. doi: 10.1080/09687590903160175.
3. Kanygina O. V. *Investitsionno-stroitel'naya politika kak instrument mekhanizma formirovaniya i razvitiya rynka promyshlennoi nedvizhimosti* [Investment and construction policy as a tool of mechanism of formation and development of industrial property market. Can. econ. sci. diss.]. Volgograd, 2009. 140 p.
4. Egorshin A. P., Zaitsev A. K. [Quality of life of the population in region]. *Narodonase-lenie* [Human Population], 2005, no. 1, pp. 14—27. (In Russ.).
5. Lebedeva A. A. [Positive psychology as an alternative to traditional clinical approach to study of quality of life in people with physical disabilities]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2012, no. 2, pp. 17—28. Available: <http://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52252.shtml> (accessed 26.06.2014). (In Russ.).
6. Aivazyan S. A. [Analysis if synthetical categories of quality of life of population in the subjects of the Russian Federation: their dimension, dynamics, main tendencies]. *Uroven' zhizni*

naseleniya regionov Rossii [Level of life in the regions in Russia], 2002, no. 11. pp. 5—41. (In Russ.).

7. Gavrilova T. V. [Principles and methods of research of quality of life of the population]. *Tekhnologii kachestva zhizni* [Quality of Life Technology], 2004, vol. 4, no. 2, pp. 1—11. (In Russ.).

8. Neretina E. A., Salimova T. A., Salimov M. Sh. [Subjective indicators of life quality in region]. *Standarty i kachestvo* [Standards and quality], 2004, no. 11, pp. 52—55. (In Russ.).

9. Bez'yazychnyi V. F., Shilkov E. V. *Kachestvo zhizni* [Quality of life]. Rybinsk, RGATA Publ., 2004. 96 p.

10. Akulich E. M., Konovalov V. V. [Social expectations of the residents of Tyumen as a factor promoting the city image]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no. 2, pp. 34—43. (In Russ.).

11. Malikov K. S. [To the issue of content of concept “quality of life” and its dimension] *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Level of life in the regions in Russia], 2002, no. 2, pp. 1—6. (In Russ.).

12. Drobysheva V. V., Gerasimov B. I. *Integral'naya otsenka kachestva zhizni naseleniya regiona* [Integral estimation of living standards of the population in region]. Tambov, Tambov State Tech. Univ. Publ., 2004. 108 p.

13. Navrotskii B. A., Polyaniinov L. Ya. *Chelovek. Gorod. Ekologiya* [Person. City. Ecology]. Volgograd, Press Committee Publ., 1996. 112 p.

14. Boyce C. J., Wood A. M. Personality Prior to Disability Determines Adaptation: Agreeable Individuals Recover Lost Life Satisfaction Faster and More Completely. *Psychological Science*, 2011, 22(11), pp. 1397—1402. doi: 10.1177/0956797611421790.

15. Hajiran H. Toward a quality of life theory: net domestic product of happiness. *Social Indicators Research*, 2006, vol. 75, no. 1, pp. 31—43.

16. Albrecht G. L., Devlieger P. J. The disability paradox: high quality of life against all odds. *Social Science & Medicine*, 1999, 48(8), pp. 977—988. doi: 10.1016/S0277-9536(98)00411-0.

17. Aivazyan S. A., Stepanov V. S., Kozlova M. I. [Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy (Samara Region and its Constituent Territories). *Prikladnaya ekonometrika* [Applied econometrics], 2006, 2(2), pp. 18—84. (In Russ.).

18. Molchanov V. M. [Socio-functional modeling of town dwelling for south Russia]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2009, no. 2, pp. 35—40. (In Russ.).

19. Spiridonov S. P., Nizhegorodov E. V., Gerasimov B. I. *Institutsional'nye indikatory kachestva zhizni* [Institutional indicators of living standards]. Tambov, Tambov St. Tech. Univ. Publ., 2010. 136 p.

© Максимчук О. В., Першина Т. А., 2014

Поступила в редакцию в апреле 2014 г.

Ссылка для цитирования: Максимчук О. В., Першина Т. А. Оценка уровня и качества жизни горожан с позиций комфортности проживания в современном городе (на примере крупных городов ЮФО) // Социология города. 2014. № 2. С. 33—55.

For citation: Maksimuk O. V., Pershina T. A. [Level and quality of life taking into account the assessment of comfort of living for the population in a modern city (on the example of large cities of the Southern Federal District)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 33—55. (In Russ.).

УДК 330+316.4+711

*М. В. Малаховская,
Н. Г. Цап***ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ
МНОГОПРЕДМЕТНОГО БЛАГА
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
УРБАНИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ
ПО УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА***Исследование выполнено
при финансовой поддержке РГНФ
(грант 14-12-70004)*

Основным предметом исследования является урбанистическая среда, обеспечивающая оптимальный режим воспроизводства и развития человеческого капитала. Сложный и многоаспектный характер урбанистической среды, включающей экологический, социологический, экономический и другие аспекты, требует адекватного подхода к ее изучению. Авторы используют в качестве такового многопредметный подход, включающий структурную иерархию «урбанистическое пространство — урбанистическая система — урбанистическая среда», которая определяет условия развития человеческого капитала. «Урбанистическая среда» интерпретируется нами как предметная реальность, в которой осуществляется воспроизводство человеческого капитала, а «урбанистическая система» понимается как способ существования человеческого капитала, как деятельность, протекающая в условиях урбанистической среды. Урбанистическое пространство в этом контексте определяет сложное взаимоотношение, создаваемое коэволюционным сосуществованием урбанистической системы и урбанистической среды. Отдельно выделена рекреационная функция урбанистической среды, обеспечивающая восстановление трудоспособности и трудоготовности индивидуального и совокупного носителя человеческого капитала. В качестве подтверждения и для иллюстрации процесса получения выводов используются результаты проведенного авторами социологического исследования представлений горожан о возможностях развития индивидуального и общего челове-

В решении задач воспроизводства общества существенно значение пространственной и средовой организации жизни человека. Именно среда обеспечивает возможность воспроизводства (ограничения) работоспособности и работоготовности участников хозяйственной системы, которые выступают носителями и пользователями человеческого капитала (индивидуального и агрегированного).

Урбанистическая среда как среда обитания человека включает экологический, экономический, эстетический, культурный аспекты, влияющие и составляющие качество жизни населения, реализуя воспроизводственные, в том числе рекреационные функции, приводящие к восстановлению трудоспособности, являясь условием решения социальных задач (например, создания семьи), обеспечивая формирование производной человеческого капитала — социального капитала, влекущего требующуюся для управленческой деятельности согласованность действий. Если среда рассматривается как система благ, формирующих условия жизни, то, рассматривая урбанистическую среду, урбанистическое пространство существования человека, следует обратить внимание на сложность ее состава, так как состав определяет специфику возможностей развития человеческого капитала. Применение методологии многопредметного блага [1] к исследованию урбанистического пространства продуктивно ввиду того, что, определяя строение среды воспроизводства человеческого капитала, мы получаем, тем самым, представление об инструментах прямого и косвенного влияния на сам человеческий капитал. Важным условием, определяющим корректность применения подхода многопредметности, является дефиниционная бесспорность предмета исследования. Предпринятые попытки терминологического и дискурсного анализа публикаций исследователей из различных отраслей научного знания показывают имеющуюся пока высокую неопределенность в интерпретировании структур «урбанистическое пространство — урбанистическая система — урбанистическая среда», что подтверждает, в частности, состоятельность междисциплинарного синтеза.

ского капитала (исследование урбанистического пространства Томска как исторического, инновационного и научно-образовательного центра). Многопредметность микроурбанистической системы (в качестве наиболее характерного объекта урбанистического пространства взят многоквартирный жилой дом) представлена как способ поиска инструментов управления человеческим капиталом.

Ключевые слова:

человеческий капитал,
урбанистическая среда,
урбанистическое пространство,
урбанистическая система,
многопредметное благо.

*M. V. Malakhovskaya,
N. G. Tsap*

**USING THE METHODOLOGY
OF MULTI-DISCIPLINARY WELFARE
FOR THE RESEARCH
OF OPPORTUNITIES
OF URBAN ENVIRONMENT
ON MANAGEMENT OF HUMAN
CAPITAL DEVELOPMENT**

*Gratitude: the research is carried out
with the financial support of RFH
(grant 14-12-70004)*

The main object of the research is an urban environment that provides optimal regime for the reproduction and development of human capital. Complicated and multi-aspect nature of urban environment, including ecological, sociological, economical and other aspects, requires suitable approach to its study. Thus, the authors use multi-disciplinary approach that includes structural hierarchy "urban space – urban system – urban environment", which determines the conditions for the development of human capital. "Urban environment" is understood as objective reality in which reproduction of human capital is performed, and "urban system" is understood as means of existence of human capital, as activity existing under conditions of urban environment. In this context urban space defines complex relations created by co-evolutional coexistence of urban system and urban environment. The authors separate recreational function of urban environment that provides vocational

Примем в качестве рабочей конструкции (понимая ее небезупречность, но полагая состоятельным ее инструментально-исследовательский потенциал) следующую иерархию понятий и скрывающихся за ними категорий. Наиболее широким примем понятие «урбанистическое пространство»: в его составе станем подразумевать не только все опредмечиваемые и неопредмечиваемые виды благ, его формирующих, и определяющих существование и воспроизводство человеческого капитала, но и саму деятельность и общественные отношения, осуществляющиеся в очерчиваемых ими пределах и развивающие эти пределы. Понятие «урбанистическая среда» может быть рассмотрено через состав благ, формирующих определенность и качественное своеобразие «мест обитания современного человека». За понятием «урбанистическая система» станем видеть собственно способ существования человеческого капитала (систему отношений участников).

Представление о человеческом капитале сопряжено в современной науке с его восприятием как главного конкурентного преимущества экономики. Именно он дает возможность осуществления инноваций, адаптации к глобализации экономики, достижения высокой конкурентоспособности производимых благ. Не подвергается ревизии представление о том, что качественный человеческий капитал является незаменимым условием социально-экономического развития, определяя в конечном итоге его уровень [2]. Важность развития подхода в современном социально-экономическом анализе подтверждается тем, что большинство экономических показателей оцениваются в человеческом измерении.

Несмотря на отсутствие единства в подходе к исследованию человеческого капитала, преимущественным направлением разработки теории является «инвестиционная» трактовка человеческого капитала. На микроуровне ключевая проблема исследования человеческого капитала состоит при этом в оценке эффективности инвестиций в различные его компоненты, на макроуровне — в оценке влияния инвестиций в способности человека на экономический рост. Крайне важным аспектом, подлежащим исследованию, является среда существования челове-

rehabilitation and readiness to work of individual and general human capital's holder. Some results of the authors' study of the ideas of citizens concerning the opportunities of development of individual and general human capital (research of urban space of Tomsk as historical, innovative and scientific and educational center) are used as the evidence base and illustration of the process used to draw conclusions. Complexity of micro-urban system (block of flats is considered as the most characteristic object of urban space) is presented as a way to search tools for human capital management.

Key words:

human capital,
urban environment,
urban space,
urban system,
multi-disciplinary welfare.

Об авторах:

Малаховская Марина Владимировна —
доктор экономических наук,
профессор,
зав. кафедрой экономики,
Томский государственный архитектурно-
строительный университет.
Российская Федерация, 634003,
Томск, ул. Соляная, 2,
marina_tgasy@mail333.com

Malakhovskaya Marina Vladimirovna —
Doctor of Economics, Professor,
Head of Economics Department,
Tomsk State University of Architecture
and Civil Engineering.
2, Solyanaya St., Tomsk, 634003,
Russian Federation,
marina_tgasy@mail333.com

Цап Наталья Геннадьевна —
старший преподаватель
кафедры экономики,
Томский государственный архитектурно-
строительный университет.
Российская Федерация, 634003,
Томск, ул. Соляная, 2,
tsapng@rambler.ru

Tsap Natal'ya Gennad'evna —
Senior Lecturer of Economics Department,
Tomsk State University of Architecture
and Civil Engineering.
2, Solyanaya St., Tomsk, 634003,
Russian Federation,
tsapng@rambler.ru

ского капитала как область прямых и косвенных инвестиций в его формирование и реализацию. Следует обратить внимание и на специфику формы, представляющей текущее состояние феномена, — трактование ее как капитала.

Теоретическая конструкция «капитал», подчеркивая инвестиционный характер его происхождения, отнесение в состав хозяйственных благ (созданных человеком и не существующих вне его созидательной функции), тем не менее не исчерпывает содержания категории. Важнейшей, но недостаточно исследованной составляющей ее понимания является структура бенефициарности (состав, характер получения выгод, ущербов и их распределение между выгодополучателями, инвесторами). Урбанистическое пространство, изучаемое в подходе многопредметности, способно дать ответы на эти важнейшие для эффективного управления как самим урбанистическим пространством, так и человеческим капиталом, существующим в нем, вопросы.

Понятие человеческого капитала характеризуется изменившимся восприятием человеческого фактора в экономике, поскольку, во-первых, трансформирует представление о нем из затратного в инвестиционное и, во-вторых, расширяет представление о нем в составе национального богатства и национального благосостояния. В узком смысле «человеческий капитал» можно рассматривать как систему физических возможностей, навыков, знаний и иных возможностей, характеризующих способность человека к производительному труду, а также условий их расширенного воспроизводства. В широком смысле «человеческий капитал» представляет систему экономических отношений по поводу накопления, формирования и использования навыков, знаний и иных свойств человека в социально-экономической деятельности [3].

Структурно включающий физическое, духовно-нравственное и социально-профессиональное развитие людей, человеческий капитал — результативная характеристика урбанистической системы, так как формируется из взаимодействия текущего и накопленного человеческих потенциалов живущих и действующих в том или ином регионе пересекающихся социально-демографических и социально-профес-

сиональных общностей. Человеческий капитал можно рассматривать и как совокупность потребностей и способностей участников урбанистической системы, с одной стороны, и готовности, с другой, к реализации этих способностей посредством выполнения функций и ролей, необходимых для существования человеческого капитала и урбанистической системы как способа его существования. Непрямым измерителем состояния человеческого капитала является достаточно известный Индекс человеческого развития. Если Россия заняла 55 место среди 187 стран по значению Индекса (0,788), то Томская область по этому показателю занимает 9 место (0,852) среди регионов России¹.

Если человеческий потенциал как первичная форма и предпосылка человеческого капитала урбанистической системы имеет сложную внутреннюю иерархическую структуру, включающую трудовую, профессионально-квалификационную, демографическую и другие составляющие, то сам человеческий капитал является основанием еще более сложных иерархических систем — научного, инновационного, социального потенциалов урбанистического пространства. Это означает, что воспроизводственный цикл человеческого капитала должен включать не только осуществление производственной деятельности, но и качественное восстановление человеческого капитала.

Воспроизводство человеческого капитала предполагает еще и динамичное развитие его составных элементов, что требует инвестиций в значимые факторы при условии изменчивости состава этих факторов. Экономический смысл расширенного воспроизводства человеческого капитала состоит в полноценном развитии человека. Сущность такого развития заключается в совершенствовании и расширении элементов человеческого капитала. Воспроизводство происходит экстенсивно, если во главу ставятся количественные цели, т. е. приобретение дополнительных знаний. Воспроизводство осуществляется интенсивно в том случае, если совершенствуется компетентностная функция человеческого капитала (адекватная моменту способность к извлечению и применению надлежащих знаний и навыков как на индивидуальном уровне, так и на уровне ассоциированного участника), происходит его накопление, систематизация и совершенствование.

Условий для воспроизводства человеческого капитала больше в урбанистической системе. С одной стороны, качество и количество человеческого капитала зависят от положения дел на конкретной территории, с другой стороны, устойчивое развитие территории связано с высоким развитием человеческого капитала. Урбанистическая система — это коллективный разум, «условие сотрудничества, которое является основой ярчайших успехов человечества» [4]. Поэтому воспроизводство человеческого капитала невозможно вне среды его обитания. Среда обитания решает важную задачу: объяснения условий рекреации человеческого капитала, следовательно, его носителя, на индивидуальном и совокупном уровне.

¹ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. С. 150—151. URL: <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf> (дата обращения: 02.04.2014).

Непреходящее значение в устойчивости воспроизводства человеческого капитала, современной формой существования которого является урбанистическая система, имеют ресурсы обеспечения полноты восстановления производительных качеств человеческого капитала, предоставляемые самой урбанистической системой. В этой связи продуктивно выделять производительный и рекреационный периоды в функционировании человеческого капитала.

Рекреация² — это неизываемый из процесса воспроизводства человеческого капитала этап восстановления подвергнувшейся износу способности к труду, сопряженного с ней здоровья и иных личностных и коллективных свойств, обеспечивающих совместную продуктивную деятельность, — создание благ и благосостояния, требующихся для функционирования человеческого капитала (как минимум в производственной системе, шире — в социальных системах). Рекреация, представляя собою избирательный вид деятельности, становится необходимым условием нормальной человеческой жизни, средством компенсации напряжения, средством восстановления работоспособности и условием продолжения самого производства. Если считать определяющими признаками рекреации осуществимость ее в свободное время, деятельностный характер, построение на добровольной, самостоятельной основе, то расширение пространств и процессов рекреационной деятельности в урбанистической системе, создание общедоступных публичных пространств и формирование культуры их «присвоения-освоения-усвоения» можно рассматривать как проблемное поле управления человеческим капиталом.

Внимание к вопросу и актуальность исследования возможностей управления человеческим капиталом со стороны рекреации подтверждаются публикациями с широкой географией [5—7].

Используя исследовательскую модель многопредметного блага, рассмотрим урбанистическую среду, которая многопредметна, во-первых, ввиду того, что состоит из множества предметов, объектов, взаимодействуя с которыми или находясь среди которых, работник обеспечивает реализацию восстановительной функции за пределами производственной системы, мотивируется к поиску источников повышения результативности и эффективности собственной производственной деятельности. Во-вторых, многопредметность урбанистической среды является следствием разнородности и разнокачественности объектов, ее слагающих (это системы образования и здравоохранения, инженерного жизнеобеспечения, парковые и бульварные зоны и пр.). В-третьих, многопредметность урбанистической среды обуслов-

² Рекреационная деятельность — деятельность людей, направленная на расширенное воспроизводство их живых сил и характеризующаяся относительным разнообразием поведения людей и самоценностью процесса. Рекреационная деятельность характеризуется сменой окружения человека и разнообразием деятельности. Для того чтобы выделить виды рекреационной деятельности, необходимо обратиться к структуре рекреационного времени. Рекреационное время — часть социального времени личности, группы, общества, используемая для сохранения, восстановления и развития физического, духовного здоровья и интеллектуального совершенствования. Структура рекреационного времени в течение жизни человека включает инклюзивное, ежедневное, нерабочее (еженедельное, отпускное, пенсионное).

лена множественностью участников различного институционального порядка и уровня, что объясняет различие целей в использовании ими объектов урбанистической среды. Урбанистическая среда многослойна вследствие удовлетворения потребностей от базовых (физиологических) до потребностей более высокого порядка. В частности, духовные потребности реализуются через созерцание культурных ценностей. Например, город Томск, имеющий статус исторического поселения, спецификой которого является деревянная архитектура, задает особые конструкции преемственности в воспроизводстве культуры рекреации (как способа восстановления трудоспособности и трудоготовности человеческого капитала). В каждой исторической эпохе способ удовлетворения потребностей различен в связи с различием социальных слоев общества, жизненных запросов людей [8]. Насущной потребностью постиндустриального общества являются новые знания. Именно знания, информация, образование становятся приоритетными благами настоящего времени, и Томск как научный и образовательный центр, университетская «мекка и медина» Сибири, имея многопрофильный университетский комплекс (десять вузов, реализующих программы высшего образования, в том числе шесть государственных университетов, из них два национальных исследовательских), способен обеспечивать системность исследовательской, образовательной и инновационно-внедренческой деятельности, поддерживаясь одиннадцатью НИИ, шестью институтами ТНЦ СО РАН, шестью институтами ТНЦ РАМН, предполагая активное взаимодействие студентов, профессоров и ученых разных университетов между собой. Потребности производств, необходимость использования ими ресурсосберегающих технологий требуют новых идей, усиливая роль человеческого капитала. Тем более важна та урбанистическая среда, в которой человеческий капитал находится. От того, насколько обеспечивается режим расширенного воспроизводства, экономического и социального роста в урбанистической среде, зависит качество воспроизводимого человеческого капитала.

Состав урбанистической среды можно рассматривать, например, как пространство архитектурной деятельности, складывающееся из архитектурно-строительных объектов, дизайнерских решений, сосредоточение зданий различного вида и назначения: жилых и общественных, культурно-бытовых. Это формирует развитие личности, способ восприятия окружающей среды, условия восстановления трудоспособности и трудоготовности в составе индивидуального и совокупного человеческого капитала.

С позиции историзма урбанистическая среда может быть представлена как результат многовековой культуры. Важнейшим компонентом в условиях территориального развития урбанистической среды становится как транспортная система, оказывающая влияние на всю городскую среду посредством множества транспортных потоков, так и автомобильный транспорт как основной элемент транспортной системы, удовлетворяющий потребности общества в перевозках грузов и пассажиров [9]. Дорожная инфраструктура, в том числе состояние (качество дорог), месторасположение, развитость и разветвленность дорожной сети, выступают условиями формирования рациональной маршрутной сети общественного и частного транспортных потоков, организуют пространство публичной и частной человеческих практик.

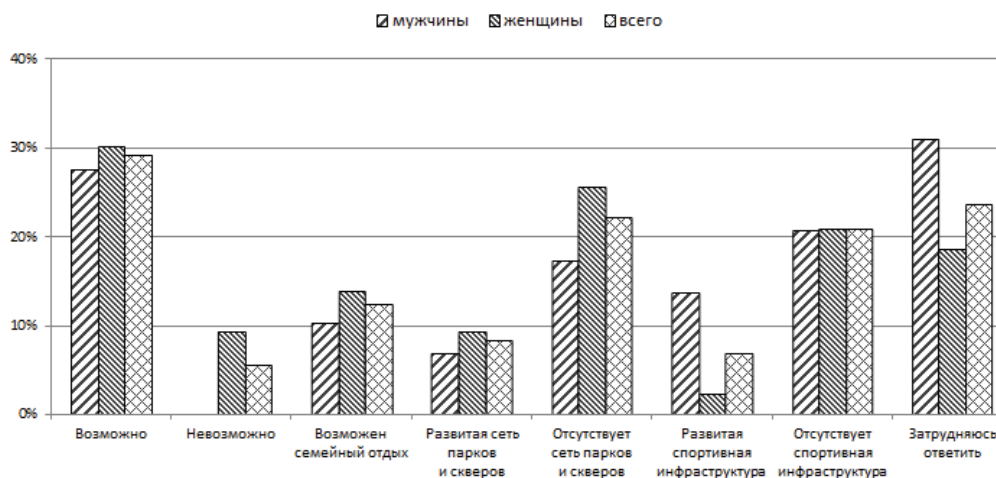
Урбанистическая среда как фоновый по отношению к производительной функции феномен не может не содержать объектов, где обеспечивается режим отдыха, реализуется рекреационная функция [10, с. 12—13]. В частности, лесопарковые зоны вокруг городов, городские парки, объекты озеленения вокруг жилых домов, другие экологические центры, рассматриваемые по признаку рекреационных отношений, являются составляющими урбанистической системы. К рекреационным лесам относят городские леса, лесополосы, леса лесопарковых частей зеленых зон, зеленые зоны социальной инфраструктуры (гостиниц, лечебно-оздоровительных учреждений), пешеходно доступные горожанам в рабочие и выходные дни.

С расширением урбанистического пространства возрастает роль лесопарков как мест массового отдыха, профилактики заболеваний, но одновременно усиливается давление (все повышающееся в связи с автомобилизацией) мобильности горожан на природные объекты. Восстановление здоровья на лоне природы, благоприятный климат, лечебные воды, грязи, естественные ландшафты, тишина, туристические походы, спортивно-оздоровительный отдых являются частью урбанистической системы и характеризуются как удовлетворяющие социальные потребности не только индивидуального, но и общественного носителя человеческого капитала. Возникает сфера услуг отдыха, туризма, которая обеспечивает обслуживание населения, развитие сети баз отдыха, поиск экологически чистых территорий для отдыха. Это позволяет включать в состав урбанистической среды природные блага, которые ассимилируют экологически вредные выбросы, поддерживают чистоту урбанистической среды, непосредственно предоставляя «экологические услуги».

Функционирование человеческого капитала и его существование связаны с понятием здоровья, здоровый человек — это благоприятная окружающая среда. Если не удовлетворяются базисные потребности носителя человеческого капитала в здоровом образе жизни с точки зрения экологической безопасности, то удовлетворение индуцированных потребностей вряд ли способно компенсировать ущерб. Каждый человек желает жить в благополучном районе с низким содержанием загрязняющих веществ в воздухе, в зеленых зонах. Это позволяет ему эффективно проявлять себя как работнику и дает возможность более качественного восстановления работоспособности в период отдыха, воспроизводства рабочей силы, что непосредственно (в более широком смысле) связано с экономическим благополучием в национальной экономике [11]. Таким образом, если состояние окружающей среды прямо влияет на здоровье человека, отражаясь на его самочувствии, трудовой деятельности, то не подлежит сомнению и его влияние на воспроизводство национального богатства (значимым компонентом которого является человеческий капитал) в целом. В формировании «качества» человеческого капитала, а значит и в воспроизводстве человеческого капитала, участвуют природные блага, чем также обнаруживается непосредственная взаимосвязь между человеческим и природным капиталом. Социологическое исследование показало представления горожан о рекреационных возможностях, предоставляемых урбанистическим пространством (рис. 1)³.

³ Исследование проведено при нашем участии в октябре — ноябре 2013 г. методом личного интервью среди жителей г. Томска.

Восстановление трудоспособности в черте города

Рис. 1. Представления горожан о рекреационных возможностях города

Урбанистическая система как феноменологическая совокупность, связанная причинно-следственной зависимостью с урбанистической средой, не может исключать экономического аспекта, приобретающего большое значение в связи с различием имеющихся в наличии ресурсов (вовлекаемых в производственную деятельность в качестве факторов производства), которые определяют возможности и варианты хозяйственного развития территорий. Экономическое развитие урбанистических систем с очевидностью определяет развитие страны (не только экономической, но и социальной систем) в целом.

Согласование интересов в системе экономических отношений осуществляется посредством институтов (например, социальных — семья; политических — органы местного самоуправления, полиция; финансовых — банки), через систему норм (правил) экономического и социального поведения. Институциональный аспект урбанистической системы представляется через процесс упорядочения, придания определенности структуре отношений, характеризующейся дисциплиной с правилами взаимодействия и правилами контроля [12]. Культура коммуникации выступает обязательным условием существования человеческого капитала, предоставляя возможности создания производных от него форм символического и социального капиталов. Репутационные (рассматриваемые как яркая и явная форма символического капитала) механизмы урбанистической системы функционируют как на уровне элементарных единиц экономической и социальной активности (организационном), так и на уровне ассоциированном — создавая репутацию Томска как сообщества школ научной и практической деятельности высочайшего качества, подготовивших и обеспечивающих статус ИНО-города, ежегодно становящегося коммуникационной площадкой INNOVUS. Предпринятое исследование показало, что 61 % опрошенных томчан считают Томск «растущим» (рис. 2) (при этом на вопрос об индустриальном профиле города 68,1 % опрошенных дали ответ «город науки» и 20,8 % опрошенных выбрали ответ «инновационный» (рис.3)).

Как Вы оцениваете возможности вашего города

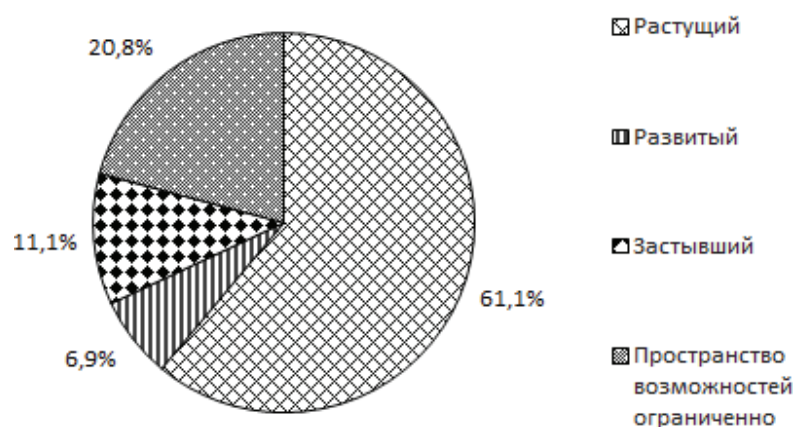

Рис. 2. Представления горожан о характере воспроизводства человеческого капитала Томска

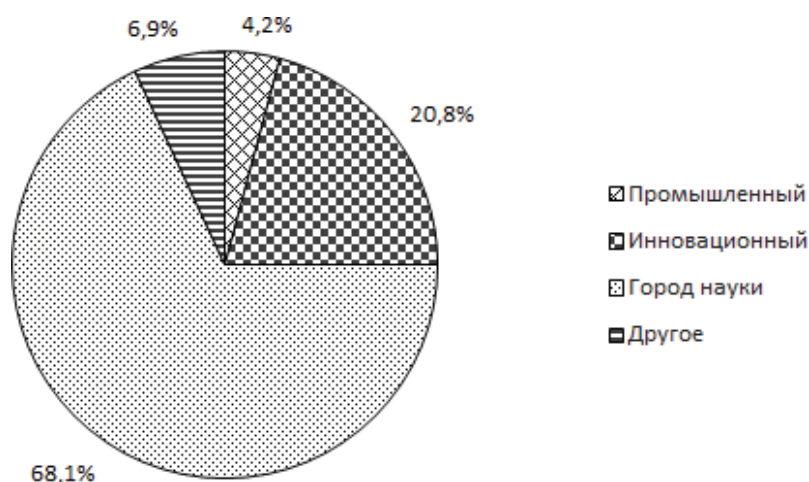

Рис. 3. Представления горожан о содержании воспроизводства человеческого капитала Томска

Урбанистическая система, которая не только обеспечивает базовые потребности населения, но и создает возможности для самообразования, самореализации, ведения бизнеса, не может быть отвлечена от задач, решаемых обществом и государством. Такая система не может существовать вне политики как механизмов управляющего воздействия на локальном и национальном уровнях [13]. Влияние политической деятельности (в частности, принятия решений на местном уровне) на экономику очевидно и не всегда благоприятно отражается на продуктивно-работоспособных жизненных аспектах, истоки которых находятся в жилищной среде и среде взаимоотношений, что отражается на производительности труда отдельных работников, способных влиять на деятельность компаний и фирм.

Участники урбанистической системы являются одновременно участниками систем экономики региона, области, страны. Высокая социальная дифференциация, разница в доходах, существенно влияющие на уровень и качество жизни горожан, свидетельствуют о неравенстве и неоднородности

участников и возможных различиях, возникающих в силу этого в урбанистическом пространстве. Наблюдающиеся, например, существенные диспропорции в оплате труда и структуре отраслей определяют специфические условия осуществления и качество производственных функций человеческого капитала урбанистической системы. Они способны выразиться в «переливах» человеческого капитала в перспективные, например, для «новобранцев» рынка труда и отсутствующие в урбанистической системе отрасли экономики, рождая при этом территориальные «переливы» человеческого капитала, обостряя материальное и социальное неравенство страны по региональному признаку. Наблюдаются не только региональные диспропорции в дифференциации доходов, но и эффекты «запустынивания» урбанизированных ранее, а ныне выбывших пространств как сред существования национального человеческого капитала. В этом отношении томские возможности создания собственных бизнесов поддерживаются бизнес-инкубаторами, рассматриваемыми как приоритетные объекты в политике поддержки предпринимательства (являющегося функцией человеческого капитала) как на уровне вузовского комплекса (бизнес-инкубаторы функционируют при всех университетах), так и на уровне административной власти. Урбанистическая среда — это и система множества противоречий, оказывающих влияние на обеспечение согласования общественных интересов и непосредственного интереса отдельных участников.

Современная урбанистическая среда, организация общественного пространства обращает внимание на материальное и нематериальное окружение (объекты, предметы среды), их взаимодействие с человеком, что влечет социальные и различные другие последствия, формирует человеческие ценности. При этом можно говорить о категории «благо», характеризующейся как способность удовлетворять жизненные потребности людей, приносить пользу. В контексте урбанистической среды понятие «благо» состоит в обширности объектных оснований, подразумевая различные по происхождению и использованию предметы, услуги, феномены природы и неопредмечиваемые явления. Потребности непосредственно связаны с функциями благ, так как функции возникают только тогда, когда появляется необходимость вовлечения благ в воспроизводство (возникает потребность). Так, здравоохранение в структуре города как общественное благо, выполняя воспроизводственную функцию, удовлетворяет потребности населения в объемах предоставляемых услуг, товарах здравоохранения (лекарствах), в лечебных учреждениях (поликлиниках, больницах) и др. Здравоохранение как объект городского пространства является многофункциональным (многофункциональным благом), способным удовлетворять разные потребности. Образовательные учреждения в структуре города предоставляют профильные услуги широкого формата, содержание и качество которых непосредственно связаны с педагогическим сообществом, создаваемым учебно-методическим материалом и другими составляющими, удовлетворяющими научные, культурные, интеллектуальные потребности города. Однако многофункциональность любого блага урбанистической среды складывается не только на основе многих компонентов и не является самостоятельно существующим феноменом. Даже при том, что многофункциональность множества благ урбанистической системы прежде всего становится следствием сложности устройства объекта,

сложности его состава, тем не менее, сам состав объекта создает возможность его «разбора», спонтанного или намеченного заранее разъединения на более мелкие объекты, представляющие собою сравнительно самостоятельные блага. Однако можно обнаружить объекты урбанистической среды, не являющиеся разборными, но, тем не менее, выполняющие множество функций. У таких объектов могут появляться различные пользователи, в результате действий которых возникают функциональные и институциональные взаимоотношения (субъект-субъектные, субъект-объектные), закрепляющие множественность предметов взаимодействий по освоению полезных свойств благ. Категория многопредметности способна показать, что чаще всего источником многофункциональности является сложное соединение интересов пользователя и вариативности способа извлечения полезных свойств блага сложного состава. Объяснительный потенциал категории многопредметности особенно полезен в рассмотрении высококонцентрированных (по отношению к человеческой практике) урбанистических пространств, представляя возможность выявить зависимость между структурой блага, структурой пользователей и приоритетами общественного воспроизводства, обеспечиваемыми бесконфликтностью извлечения полезных свойств благ участниками урбанистической системы с различными интересами.

На уровне методики теоретического анализа многопредметность урбанистической среды представлена как система признаков, которую образуют сложносоставность, многоуровневость, территориальность.

Процесс и факт трансформации урбанистических благ в ходе их вовлечения в воспроизводство человеческого капитала наилучшим образом можно отразить именно в модели многопредметного блага (одновременно развивающей и углубляющей научные представления о многофункциональности) ввиду ее приспособленности к установлению связи между качеством состава среды и качеством воспроизводимых составляющих человеческого капитала [14]. В частности, многоквартирный дом, наиболее типичный объект урбанистической среды, можно определить не только как средовой феномен, но и как относительно обособленное микроурбанистическое пространство (ввиду того, что, представляя собою систему взаимосвязанной предметной реальности, он одновременно выступает коммуникационной формой (системой отношений) для владельцев и пользователей).

Многоквартирный дом представляет собою «функционирующую в реальном мире многопредметность». В зависимости от того, рассматриваются ли объектом управления на уровне многоквартирного дома урбанистическая микросреда или микроурбанистическая система, в качестве предмета управления могут быть определены не только возможности воспроизводства работоспособности и работоготовности участников городского пространства, но и его профильные подсистемы, потому что многоквартирный дом следует рассматривать как микроурбанистическое пространство, содержащее социальную, техническую, технологическую, экономическую, управленческую, информационную и иные системы, требующие управленческих вмешательств [15]. Если многоквартирный дом — не только совокупность множества материальных (предметных) составляющих, например материалов, конструкций, механизмов, интерьеров и пр., но и объект, выполняющий множественные жизнеобеспечивающие индивидуального и ассоциированного носителей

человеческого капитала функции, то многофункциональность многоквартирного дома (со всей очевидностью) не может не быть признана составной. Каждая из функций, ожидаемых участниками от существования многоквартирного дома как микроурбанистического пространства, состоит из переплетения функций многих компонентов (например, обеспечение теплового контура многоквартирного жилого дома в отопительный период — результат надлежащего выполнения функции теплоснабжения всеми приборами во всех помещениях — есть следствие не только исправности приборов, но и «исправности» сложного институционального «контракта» жителей дома, инженерных служб и администрации города), вследствие этого мы говорим о сложносоставности многоквартирного дома как блага.

Рассмотрим возможности выделения управляющих по отношению к человеческому капиталу составляющих микроурбанистического пространства на примере многоквартирного жилого дома, применив к нему подход многопредметного блага (рис. 4).

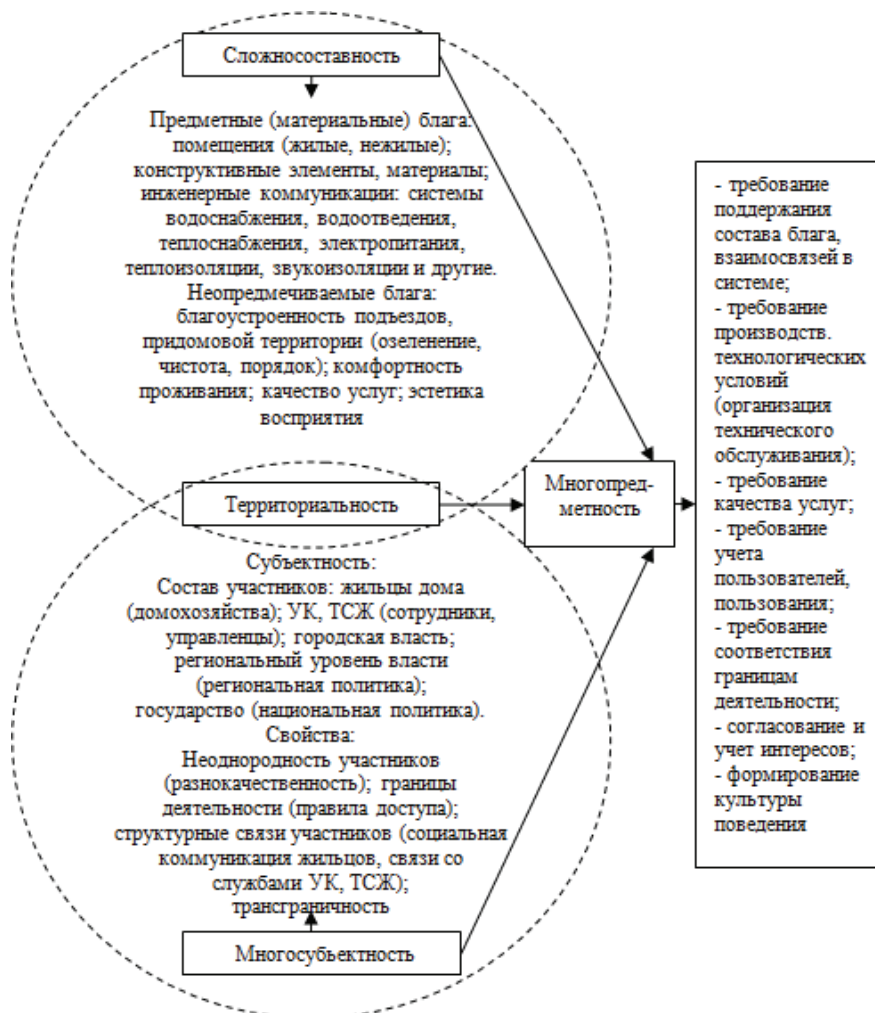

Рис. 4. Многопредметность микроурбанистической системы (многоквартирный дом) как пространство возможностей поиска инструментов управления человеческим капиталом

Под составом блага в таком случае понимается наиболее полный набор элементов, позволяющих получить наибольшую полезность от его использования всем заинтересованным участникам. Все элементы состава блага значимы для надлежащего выполнения многоквартирным домом ожидаемых функций. Состав блага важен еще и тем, что определяет его качество и способность обеспечивать воспроизводственную функцию. Сложность определяется многообразием состава блага и прочностью/разрывностью связей между элементами. В частности, многоквартирный дом включает в себя предметные элементы (блага), например инженерные коммуникации (тепло-, водоснабжение), электропитание, детскую площадку, двор, подъездную территорию и другие структурные и инфраструктурные составляющие.

Несмотря на то, что многоквартирный жилой дом — это сложносоставное и сложносвязанное благо, одновременно можно констатировать неоднородность отдельных составляющих и неустойчивость связей между ними: например, система водоснабжения включает трубопроводы, задвижки, вентили, насосы, бойлер, термометры, манометры и другие элементы, однако их качество, размер, годность к выполнению функций не являются типичными, обладая свойством индивидуальности. Многоквартирный жилой дом включает жилые, нежилые помещения (чердак, подвал) различающейся комфортности (класса «эконом», «люкс», «премиум») и различной степени износа. Разнородность как свойство, указывающее на широту характеристик состава блага (благом при этом рассматривается многоквартирный дом), может быть следствием различия по сроку службы, качеству составляющих помещений или инженерных сетей.

Социальные элементы (блага), такие как социальная коммуникация жильцов, связь со службами управляющей компании; институциональные элементы — множество собственников квартир и тех, кто снимает жилье, поддерживают многосубъектность и многофункциональность многоквартирного жилого дома.

Между элементами состава блага существуют связи, при которых изменения от одного элемента способны передаваться другому. Остановка насоса на вводе в дом приводит к прекращению подачи воды потребителям в квартиры. Загрязнение воды (взвеси, ржавчины, песок) является основанием к приостановлению водоснабжения многоквартирного дома. При этом становится понятно, что основную функцию реализует не один элемент системы, а их совокупность (интегрированность).

Выявленные составляющие микроурбанистического пространства многоквартирного дома, свойство их связанности свидетельствуют о целостности (объединенности) блага, которая может быть нарушена под воздействием причин регулярного или экстраординарного характера, что приводит к изменению качества, количества отдельных составляющих блага, порождая изменение его функций, свидетельствуя не только об изменчивости (подвижности) самого блага, но и изменении его влияния на воспроизводство человеческого капитала. Так, с течением времени может происходить ухудшение качества подаваемой воды (наблюдаемым проявлением чего может становиться изменение вкусовых качеств, ненаблюдаемым следствием — возможное ухудшение здоровья), что может быть связано, например, с износом коммуникационных сетей. Потенциал трансформации социальной практики

из бесконфликтной в конфликтную форму со всей очевидностью содержится в неосвоенных институтах ликвидации подрываемой, например, износом полноты состава микроурбанистической среды [16].

Если каждый значимый в воспроизводстве человеческого капитала признак выделить среди остальных, двигаясь через последовательное описание характеристик блага (которые, в свою очередь, содержат уже характеристики исследуемых признаков), то обнаруживается значение свойства размерности (размера), под которым подразумевается пространственная протяженность. Размер единицы хозяйства — предприятия, фирмы, бизнеса — имеет значение в части нахождения оптимальных границ их эффективной деятельности в урбанистической системе (создавая факторы износа/восстановления человеческого капитала). С увеличением размера хозяйственной единицы (в нашем примере — многоквартирного дома) изменяются устойчивость, структура управления (штатное расписание), объемы работ, изменяется потребность в ресурсах. При этом изменяется распределение ответственности в самой микроурбанистической системе: повышается ответственность, возложенная на каждого ее участника в процессе индивидуального «потребления» многоквартирного дома; качество индивидуального потребления влияет на качество и возможность совместного существования в микроурбанистическом пространстве. Эта связанность определяет коммунальность как основной тип институциональных отношений в урбанистических пространствах.

Усугубляется значение качества надлежащего индивидуального потребления микроурбанистического пространства тем, что множество составляющих блага, их разнородность порождает «разборность» как возможность выделения элементов в качестве обособливаемых феноменов из состава многопредметного блага. Во многих случаях выделенный компонент способен представлять собой самостоятельную ценность и может быть обособлен в использовании как несубституциональное благо (его выделение из широкого состава многопредметности урбанистической среды может сопровождаться установлением оплаты доступа и повышением индивидуальных издержек воспроизводства человеческого капитала). Типичным примером может служить кабельное телевидение в структуре дома. Во многих случаях отделимость части блага свидетельствует о нарушении целостности исходной микроурбанистической системы, вследствие чего необходима забота о сохранении связей в ее оставшейся «ненарушенной» части. Водопровод, отопление, канализация, электричество и прочие коммунальные блага настолько привязаны к многоквартирному дому, так необходимы людям, что представить иную жизнь в современных условиях для общества сложно [17]. Обособливаемость (отделимость блага) можно рассмотреть с точки зрения замкнутости внутренних процессов и наличия границ, отделяющих его от внешней среды. Границы могут быть как материальными (в виде стен и заборов), так и нематериальными — в виде запретов и ограничений. Именно с этим связано представление о границе личного пространства, требующегося для нормального воспроизводства человеческого капитала, каковы его маркированные рубежи: двери отдельной квартиры, дверь подъезда многоквартирного дома, границы двора, границы урбанистической системы. Крайне важным является разрешение этих вопросов об идентичности для особого типа многоквартирного дома — студенческого общежития [18].

Благо, являясь средством удовлетворения потребностей, связано с носителем данной потребности. Вследствие этого признак субъектности учитывает состав участников, границы их деятельности, так как каждый уровень реализует свои интересы, формируя возможность конфликтов вследствие отсутствия инструментов их разрешения. Многоквартирный дом, где отдельные жильцы имеют равные права и обязанности, рождает проблемы согласования противоречивых интересов (вытекающие из различных представлений о качестве жизни, организации обслуживания, обусловленных различием социального статуса соседей по дому и окружающей территории, различием манер поведения): например, требование открывать или не открывать водозаборную арматуру в ночное время суток (тогда как в многоквартирных домах Германии, например, с определенного часа этого делать нельзя в связи с тем, что объективно водопроводные и водоотводные системы шумят). Нечеткость границ микроурбанистической системы позволяет сделать очевидной такой инфраструктурный объект города, как дорога, конкретно — место парковки автомобилей, где взаимодействуют участники дорожного движения и жильцы прилегающего к дороге дома: от согласованности действий всех участников зависит безопасность жителей дома⁴.

Необходимость учета пользователей связана, таким образом, с требованиями, которые они предъявляют к тем или иным благам, в том числе к состоянию лестничной площадки, территории вокруг дома, мест парковки автомобилей, природным объектам, систем вентиляции и другим. Согласование интересов в системе экономических отношений осуществляется посредством институтов, через множество норм (правил) поведения, которым должны следовать субъекты. Потребность в упорядочении возникает от того, что большинство благ могут использоваться различными способами. Корректно специфицированные права собственности дают возможность участникам использовать ресурсы в своих целях, не нарушая условий воспроизводства других участников. Право собственности на квартиру означает права владения, использования, распоряжения жилым помещением, что позволяет решить проблемы доступа, вопросы ответственности за сохранение блага. Отдельную насущнейшую проблему в становящихся институциональных системах, в число которых, без сомнения, входят урбанистические системы, представляет вменение собственникам обязанностей в отношении объектов, на которые собственность закрепляется. Обнадеживающие исключения, содержащие «обратную связь», отражающую качество исполнения обязательств собственником, представляют собою обнародованные номера телефонов санитарной милиции, позволяющие сообщать о нарушениях городского благоустройства, и «горячую линию» по качеству ямочного (текущего) ремонта дорожной сети улиц Томска⁵.

Состав участников, вовлекающих блага в свое воспроизводство, может быть различен. Существуют блага, потребляемые всеми участниками и

⁴ «Горячая линия» по вопросам дорожного ремонта открылась в Томске. URL: http://dorinfo.ru/star_detail.php?ELEMENT_ID=13857 (дата обращения: 30.04.2014).

⁵ Санитарная милиция Томска открыла телефонные линии для каждого района. URL: <http://www.70rus.org/more.php?UID=31052>. (дата обращения: 11.11.2013).

обнаруживающие отличные свойства от всех других благ (например, природные блага, обладающие свойством неисключаемости из потребления). Пользование детскими площадками при жилых домах стало местом конфликта жителей с теми, кто нарушает общественный порядок (в основном в ночное и вечернее время). Посещают такие публичные и квазипубличные места жители не только данного жилого дома, но и других домов, районов (свойство разнокачественности участников), что не может не порождать институциональной неопределенности, которая при недостатке социального капитала и институциональной нестабильности способна выражаться в локально множественной конфликтности, конфронтационности и даже противостоянии. Разрушительность конфронтационных форм развития человеческого и социального капиталов (ущерб, создаваемый такой социальной практикой, превышает выигрыш от обучения на опыте ошибок) заставляет жителей дома задуматься о необходимости повышения уровня спецификации прав собственности (оформления земельного участка при доме в собственность (детская площадка, территория двора, стоянка)) с целью определения границ и правил доступа (забор, ограждение, шлагбаум). Внутренние границы деятельности подвижны, они определяются установленными правилами, например уставом ТСЖ. Ответственность за функционирование микроурбанистической системы, представленной в виде такого сложного блага, как многоквартирный дом, распределена между всеми участниками товарищества. Многоквартирный дом — вынужденная (коммунальная) система, а не просто совокупность пользователей разных национальных культур, возрастов, языков восприятия и донесения информации. Неоднородность участников жилого дома влечет различия в манере поведения и уровне жизни, которые способны увеличивать возможность возникновения конфликтов. Следовательно, имеющийся в составе человеческого капитала культурный запас способен предотвратить развитие конфронтационных форм существования в урбанистической системе и упрочить ее консолидационные основания. Это обстоятельство обращает внимание на обязательность инвестиций в формирование и наращивание культуры в составе человеческого капитала. Конструктивный опыт конкурса «Томский дворик», имеющего семнадцатилетнюю историю, подтверждает продуктивность инвестирования в солидаризационные формы социальной практики, развивающие человеческий и социальный капиталы урбанистической системы.

Структурные связи участников урбанистической системы отражают взаимосвязи между ними по поводу владения, пользования, распоряжения, охраны урбанистического пространства или — уже — урбанистической среды как многопредметного блага. Они определяются спецификой блага, местом блага в системе экономических отношений (в системе жизнедеятельности), территориальным размещением блага (в частности, престиж района, экономическая и социальная инфраструктура района), по отношению к которым можно рассмотреть уровень ответственности участников, взаимоотношения между участниками и государством (местной администрацией). В частности, управление в многоквартирном доме может быть успешным только при наличии такой производной человеческого капитала, как социальный капитал, а он требует времени (тоже форма инвестиций). Лишь

социальный капитал формирует социальную общность внутри данного пространства, наличие общей цели, объединяющей всех членов правления, жильцов, так как есть общие жизнеобеспечивающие системы, при функционировании и управлении которыми необходимы согласованные решения. Трансграничность, рассматриваемая как свойство, учитывающее степень воздействия (вероятность нанесения ущерба прилежащим территориям) в предметной среде двора, тоже выступает значимой характеристикой урбанистической системы, что подтверждается потенциальной конфликтностью экзогенных процессов использования блага микроурбанистической системы (реализация сервитутов). Возникает необходимость в ограничении и сокращении использования благ, в частности общей детской площадки, автомобильной стоянки, двора. Организация производства благ, связанная с процессами удовлетворения потребностей, является источником противоречивых интересов. Соответственно, требуется расширительный подход к числу субъектов, чьи интересы связаны в микроурбанистической системе. Таким образом, управление урбанистическим пространством не может осуществляться эффективно при исключении такого признака многопредметного блага, как многоуровневость (многосубъектность) пользователей.

Ключевым признаком, определяющим многопредметность блага, связанность составности с носителем потребностей, удовлетворяемых им, является территориальность. Территориальность функционирует как признак, объединяющий сложносоставность и многоуровневость (многосубъектность), так как и одно, и другое реализуют себя пределах одного и того же пространства. Многоквартирный жилой дом — это внутренняя и внешняя среда (уличное пространство), где соприкасаются интересы жителей разных домов и осуществляется значительная доля воспроизводственных процессов человеческого капитала в урбанистических системах. Высокая плотность жилой застройки становится ограничением в реализации потребностей горожан в передвижении, с чем связаны многочисленные нервно-психологические расстройства, стрессовые, конфликтные ситуации. Назначение территории, «вместимость» населения рассматривается как условие воспроизводства качественного человеческого капитала. Высокие издержки согласования «соседского» поведения и иные причины мотивируют «расширение личного пространства» и поддерживают участие горожан в строительстве индивидуальных домов. Так, 2013 г. Томск и пригороды ввели в строй 1258 индивидуальных домов общей площадью 170,6 тыс. м² — в 1,47 раза больше, чем в 2012 г. Доля малоэтажной застройки в общем объеме введенного жилья увеличилась с 24 до 32 %. В областном центре в прошлом году введено в эксплуатацию 85,3 тыс. м² индивидуального жилья — в 1,5 раза больше, чем годом ранее. Томский район на втором месте: построено 49,4 тыс. м² индивидуального жилья, рост — на 29,7 тыс., или в 2,5 раза⁶.

Таким образом, в современных условиях возникает понимание того, что если человеческий капитал рассматривается как основной ресурс, то урбанистическая система (как преимущественный вид существования человеческого

⁶ Завьялова Н. Любой дохляк способен построить себе дом. URL: <http://znaigorod.ru/reviews/lyuboy-dohlyak-sposoben-postroit-sebe-dom> (дата обращения: 01.03.2014).

капитала) содержит функциональной особенностью многопредметность, которая дает возможность управлять, создавать условия для его развития. Такой подход указывает на необходимость поддержания качества состава, учета неединственного пользования и пользователя (условие многосубъектности), на условие территориальной определенности как обязательного в существовании урбанистического пространства и обеспечении им надлежащих условий воспроизводства человеческого капитала. Для обеспечения среды человеческого существования необходимы концептуальные основы управления воспроизводственными условиями, создаваемыми в том числе многоквартирными домами как компонентами урбанистического пространства. Анализ опубликованных и собственных исследовательских материалов свидетельствует о возможности регулирования урбанистического пространства города. В структуре проблемного поля управления развитием урбанистического пространства возможно и продуктивно выделение эндоурбанистических и экзоурбанистических по происхождению, микроурбанистических и макроурбанистических по действию групп факторов и рождаемых ими инструментов. К эндоурбанистическим (внутренним) могут быть отнесены: жилищная политика, производственные и технологические условия, определяющие вовлечение человеческого капитала в хозяйственный процесс и степень загрязненности территории, уровень и качество системы здравоохранения, образовательной системы и рождаемого при ее посредстве культурного, коммуникационного, профессионально-квалификационного уровня горожан, уровень доходной дифференциации (распределение доходов) и иные компоненты, порождаемые изнутри урбанистической системы рассматриваемого масштаба. В составе экзоурбанистических (внешних для урбанистического пространства в его социальной или территориальной организации) факторов системы рассматриваемого масштаба — природные, институциональные (государственное устройство, государственная политика: социальная, демографическая, экономическая, инвестиционная и др.), геополитические и иные объективно связанные в воспроизводстве человеческого капитала. Качество действия эндо- и экзогенных факторов определяется уровнем урбанистической системы, тогда как микроурбанистическую систему формирует пространство более высокого (город) порядка, которое диалектически само формируется взаимодействием микроурбанистических систем. В микроурбанистической системе значительно воздействие персонализируемых составляющих: анализ социальной практики показывает, что за событийным рядом, создающим урбанистическую систему и рождающим урбанистическое пространство, как правило, скрыто качество человеческого капитала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Малаховская М. В., Цап Н. Г. Значение методологии многопредметного блага в формировании экономической лесной политики // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 140—142.
2. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Human capital and regional development // *The Quarterly Journal of Economics*. 2013. Pp. 105—164. URL: http://scholar.harvard.edu/files/shleifer/files/human_capital_qje_final.pdf (дата обращения: 10.05.2014). doi:10.1093/qje/qjs050.

3. *Malahovskaya M. V.* Necessity of relationship registration of endo- and exogenous factors of motivation for innovative practice regulation of the participants of economic system // *The Strategies of Modern Science Development: Proceedings of the International scientific-practical conference* (Yelm, WA, USA, 29—30 March 2013). Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2013. P. 87—91.
4. *Глейзер Э.* Города приумножают богатство, здоровье и счастье // *Опек.Ру*. URL: <http://www.opes.ru/1571534.html> (дата обращения: 03.05.2014).
5. *Чучулина Е. В.* Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития региона // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. 2014. № 1. С. 52—57.
6. *Гаврильчак Н. И., Сапелько С. Н.* Влияние рекреационной деятельности на развитие человеческого капитала // *Вестник Российской академии естественных наук* (Санкт-Петербург). 2012. № 2. С. 88—91.
7. *Брюханова В. Б.* Условия и факторы формирования организованного рекреационного пространства в регионе // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 2. С. 132—137.
8. *Saffer H., Dave Dh., Grossman M., Leung L. A.* Racial, Ethnic, and Gender Differences in Physical Activity // *Journal of Human Capital*. 2013. Vol. 7. № 4. Pp. 378—410. doi: 10.1086/671200.
9. *Monchambert G., Palma de A.* Public transport reliability and commuter strategy // *Journal of Urban Economics*. 2014. Vol. 81. Pp. 14—29. doi: 10.1016/j.jue.2014.02.001.
10. *Малаховская М. В., Матюгина Э. Г., Ярушкина Н. А., Саркисов Ю. С.* Организационные подходы к рекреации: институциональные основания, механизм управления, экологические условия: монография. Томск: Изд-во Томск. гос. архит.-строит. ун-та, 2013. 180 с.
11. *Borger De B., Proost St.* Traffic externalities in cities: The economics of speed bumps, low emission zones and city bypasses // *Journal of Urban Economics*. 2013. Vol. 76. Pp. 53—70. doi: 10.1016/j.jue.2013.02.004.
12. *Ye L.* Urban Transformation and Institutional Policies: Case Study of Mega-Region Development in China's Pearl River Delta // *Journal of Urban Planning and Development*. 2013. Vol. 139. Iss. 4. Pp. 292—300. doi: 10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000160.
13. *Koh H.-J., Riedel N., Böhm T.* Do governments tax agglomeration rents? // *Journal of Urban Economics*. 2013. Vol. 75. Pp. 92—106. doi: 10.1016/j.jue.2012.11.004
14. *Цан Н. Г., Малаховская М. В.* Обоснование необходимости компенсационного подхода в использовании ресурсов на основе развития модели многофункционального блага // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 367. С. 123—127.
15. *Casas Castro Marins de K.R., Andrade Romero de M.* Urban and Energy Assessment from a Systemic Approach of Urban Morphology, Urban Mobility, and Buildings: Case Study of Agua Branca in San Paulo // *Journal of Urban Planning and Development*. 2013. Vol. 139. Iss. 4. Pp. 280—291. doi: 10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000149.
16. *Lutz G. A., Babl A.* Alas, my home is my castle: On the cost of house ownership as a screening device // *Journal of Urban Economics*. 2014. Vol. 81. Pp. 57—64. doi: 10.1016/j.jue.2014.02.004.
17. *Glaeser E. L., Gyourko J., Morales E., Nathanson C. G.* Housing dynamics: An urban approach // *Journal of Urban Economics*. 2014. Vol. 81. Pp. 45—56. doi: 10.1016/j.jue.2014.02.004.
18. *Орлова В. В., Шестакова Д. К.* Влияние социальной адаптации на чувство локального патриотизма у приезжих студентов // *Социология города*. 2013. № 3. С. 18—26.

REFERENCES

1. Malakhovskaya M. V., Tsap N. G. [The importance of methodology of multicompositional wealth in forming economic forest policy]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Tomsk State University Journal], 2011, no. 343, pp. 140—142. (In Russ.).
2. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. Human capital and regional development. *The Quarterly Journal of Economics*, 2013, pp. 105—164. Available at: http://scholar.harvard.edu/files/shleifer/files/human_capital_qje_final.pdf (accessed 10.05.2014). doi:10.1093/qje/qjs050.
3. Malakhovskaya M. V. Necessity of relationship registration of endo- and exogenous factors of motivation for innovative practice regulation of the participants of economic system. *The Strategies of Modern Science Development. Proc. Int. Sci.-Pr. Con.* (Yelm, WA, USA, 29—30 March 2013). Yelm, WA, USA, Science Book Publishing House, 2013, pp. 87—91.
4. Gleizer E. [Cities multiply wealth, health and happiness]. *Opek.Ru*. (In Russ.). Available at: <http://www.opec.ru/1571534.html> (accessed: 03.05.2014).
5. Chuchulina E. V. [Human capital as a factor of socio-economic development of the region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Perm University Herald. Economy], 2014, no. 1, pp. 52—57. (In Russ.).
6. Gavrilchak N. I., Sapelko S. N. Influence of recreational activity on the development of human capital. *Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk (Sankt-Peterburg)* [Vestnik of Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg)], 2012, no. 2, pp. 88—91.
7. Bryukhanova V. B. [Conditions and factors of organized recreational space forming in the region]. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 2011, no. 2, pp. 132—137. (In Russ.).
8. Saffer H., Dave Dh., Grossman M., Leung L. A. Racial, Ethnic, and Gender Differences in Physical Activity. *Journal of Human Capital*, 2013, 7(4), pp. 378—410. doi: 10.1086/671200.
9. Monchambert G., Palma de A. Public transport reliability and commuter strategy. *Journal of Urban Economics*, 2014, vol. 81, pp. 14—29. doi: 10.1016/j.jue.2014.02.001.
10. Malakhovskaya M. V., Matyugina E. G., Yarushkina N. A., Sarkisov Yu. S. *Organizatsionnye podkhody k rekreatsii: institutsional'nye osnovaniya, mekhanizm upravleniya, ekologicheskie usloviya* [Organized approaches to recreation: institutional basis, management mechanisms, ecological conditions]. Tomsk, Tomsk Univ. of Arch. and Civil Eng. Publ., 2013. 180 p.
11. Borger De B., Proost St. Traffic externalities in cities: The economics of speed bumps, low emission zones and city bypasses. *Journal of Urban Economics*, 2013, vol. 76, pp. 53—70. doi: 10.1016/j.jue.2013.02.004.
12. Ye L. Urban Transformation and Institutional Policies: Case Study of Mega-Region Development in China's Pearl River Delta. *Journal of Urban Planning and Development*, 2013, 139(4), pp. 292—300. doi: 10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000160.
13. Koh H.-J., Riedel N., Böhm T. Do governments tax agglomeration rents?. *Journal of Urban Economics*, 2013, vol. 75, pp. 92—106. doi: 10.1016/j.jue.2012.11.004.
14. Tsap N. G., Malakhovskaya M. V. [Necessity of compensatory approach in use of resources by multi-functional good model development]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Tomsk State University Journal], 2013, no. 367, pp. 123—127. (In Russ.).
15. Casas Castro Marins de K.R., Andrade Romero de M. Urban and Energy Assessment from a Systemic Approach of Urban Morphology, Urban Mobility, and Buildings: Case Study of Agua Branca in San Paulo. *Journal of Urban Planning and Development*, 2013, 139(4), pp. 280—291. doi: 10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000149.

16. Lutz G. A., Babl A. Alas, my home is my castle: On the cost of house ownership as a screening device. *Journal of Urban Economics*, 2014, vol. 81, pp. 57—64. doi: 10.1016/j.jue.2014.02.004.

17. Glaeser E. L., Gyourko J., Morales E., Nathanson C. G. Housing dynamics: An urban approach. *Journal of Urban Economics*, 2014, vol. 81, pp. 45—56. doi: 10.1016/j.jue.2014.02.004.

18. Orlova V. V., Shestakova D. K. [The influence of social adaptation on the sense of local patriotism in the visiting students (studying in Tomsk)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no. 3, pp. 18—26. (In Russ.)

© Малаховская М. В., Цап Н. Г., 2014

Поступила в редакцию в июне 2014 г.

Ссылка для цитирования: Малаховская М. В., Цап Н. Г. Использование методологии многопредметного блага для исследования возможностей урбанистической среды по управлению развитием человеческого капитала // Социология города. 2014. № 2. С. 56—76.

For citation: Malakhovskaya M. V., Tsap N. G. [Using the methodology of multi-disciplinary welfare for the research of opportunities of urban environment on management of human capital development]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 56—76. (In Russ.).

УДК 316.422

*В. А. Титова***НАПРАВЛЕНИЯ ДЕКОНСТРУКЦИИ
ИМИТАЦИОННЫХ ПРАКТИК
В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ**

Исследуется проблема применения имитационных практик в современном муниципальном управлении. Отмечается, что имитации в муниципальном управлении системно выстроены и распространяются на все компоненты управленческого процесса. Имитационные практики способствуют деградации системы муниципального управления, подменяя ключевые смыслы его функционирования формально-ритуальными артефактами.

В статье предложены направления деконструкции имитационных практик, среди которых: деконструкция системы оценки деятельности муниципальных служащих, реинжиниринг организационной культуры муниципальной службы, деконструкция внешних коммуникаций муниципального управления. Первое направление предполагает трансформацию системы оценки, изменение ценностных оснований формирования такой оценки. Деконструкция организационной культуры представляет собой кардинальный пересмотр принципов, норм и процедур функционирования управленческой среды. Деконструкция внешних коммуникаций направлена на построение новой системы взаимоотношений между властью и местным сообществом.

Ключевые слова:

бюрократия,
имитационные практики,
муниципальное управление,
информационная открытость,
организационная культура,
система оценки органов
местного самоуправления,
коммуникации,
деконструкция,
реинжиниринг,
технологизация,
социальные технологии.

За последние годы произошли глубокие преобразования территориальной системы управления России, связанные с переносом «центра тяжести» на муниципальный уровень, постановкой перед местной властью принципиально новых задач, значительным расширением и усложнением деятельности муниципальных служащих. В основе реформирования местного самоуправления лежала идея приближения власти к населению, а следовательно, формирования аппарата управления, максимально восприимчивого к интересам и потребностям жителей. Казалось бы, реформирование должно было привести к качественным изменениям в организации и деятельности органов муниципального управления, однако практика показывает, что при наличии отчетливо выраженной общественной потребности в дееспособной и ответственной местной власти муниципальные служащие не всегда готовы к решению стоящих перед ними социальных задач.

Как справедливо отмечает К. А. Антипьев, местная власть довольно часто идет по пути игнорирования общественного мнения, не учитывает значимые интересы местного сообщества [1, с. 36]. Открытость, отзывчивость власти, социальная эффективность управления нередко имитируются административными структурами. Широкое распространение получают имитационные практики, вследствие которых решение реальных проблем подменяется демонстрацией активной деятельности и презентацией общественности якобы достигнутых результатов, которые, фактически, представляют собой симулякры. Такие практики становятся все более типичными для современного муниципального управления.

Возможность применения имитационных практик в муниципальном управлении вытекает из самой природы бюрократии как системы управления, предполагающей максимальное количество формальных регуляторов повседневной деятельности чиновников. Классики теории бюрократии подчеркивали, что бюрократия представляет собой

*V. A. Titova***THE DIRECTIONS
OF DECONSTRUCTION
OF IMITATING PRACTICES
IN THE MUNICIPAL MANAGEMENT**

The problem of application of imitating practices in the modern municipal management is analyzed in the article. The author notes that imitations in municipal management are systemically arranged and extend to all components of administrative process. Imitating practices promote degradation of the system of municipal management, substituting key meanings of its functioning for formal and ritual artifacts. The author offers the directions of deconstruction of imitating practices among which are the deconstruction of the evaluation system of activity of municipal employees, reengineering of organizational culture of municipal service, deconstruction of external communications of municipal management. The first direction assumes transformation of evaluation system, the change of the valuable bases of formation of such assessment. The deconstruction of organizational culture represents cardinal revision of the principles, norms and procedures of functioning of the administrative environment. The deconstruction of external communications is focused on the creation of a new system of relationship between the authorities and local community.

Key words:

bureaucracy,
imitating practices,
municipal management,
information transparency,
organizational culture,
assessment of the activity
of local authorities,
communications,
deconstruction,
reengineering,
technification,
social technologies.

форму осуществления административно-политического управления в модернизированных обществах, основанную на массовом распространении деперсонализированных и формализованных практик, позволяющих достичь наибольшей объективности при принятии решений и эффективности при их реализации [2—5]. Вместе с тем следование бюрократическим правилам и нормам может не только способствовать, но и препятствовать эффективности управления. На проявления различного рода дисфункций в бюрократических организациях указывал еще Р. Мертон, который считал, что бюрократические процедуры, предписывающие строгое следование правилам (инструкциям), оказывают сильное давление на чиновника [6]. Ориентация на формальные процедуры, подмена первоначальных целей организации второстепенными «инструментальными» ценностями создают предпосылку для устранения из процесса управления смыслов, подмены их формально-ритуальными компонентами, подкрепленными нормативными актами. Это, в частности, воплощается в стремлении подменить функциональное содержание власти как средства социального управления, решения проблем общества и муниципального управления, его чиновничьей интерпретацией, при которой главное значение приобретают не цели управления, а технологии. Поскольку же технологии социального управления являются монополией чиновников, постольку в сознании последних формируется деформированное представление о собственной значимости и месте в обществе. Складывается особое бюрократическое отношение, в котором управленческий формализм превалирует над политическим рассудком, здравым смыслом, целями и идеалами общественно-го развития.

Стоит отметить, что имитации в муниципальном управлении системно выстроены и распространяются практически на все компоненты управленческого процесса. К наиболее типичному их проявлению

Об авторе:

Титова Виктория Александровна –
ассистент кафедры
социальных технологий,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет (БелГУ).
Российская Федерация,
308015, Белгород, ул. Победы, 85,
vinyar@bsu.edu.ru

Titova Viktoriya Aleksandrovna –
Assistant of Social Technologies Department,
Belgorod National Research University.
85, Pobedy St., Belgorod, 308015,
Russian Federation, vinyar@bsu.edu.ru

можно отнести: формулировку внешне привлекательных, но недостижимых целей; изображение служащими бурной деятельности при реальной пассивности; создание функционально необоснованных структур; проведение формальных процедур, не влияющих на принятие решений; организацию мероприятий «для галочки». Фиксируемые общественным мнением имитации являются одной из причин неудовлетворенности населения деятельностью муниципальных служащих, что усиливает взаимное отчуждение граждан и власти.

Имитации во многих случаях являются своего рода защитной реакцией муниципальных чиновников на массированное распространение формально-бюрократических отношений, предполагающих бесконечные бумажные потоки, заседания и совещания, отчеты и доклады, программы и планы, акты и протоколы, проверки и ревизии, инструкции и регламенты.

Опасность инклюзии имитационных практик в сферу муниципального управления состоит в подмене реального управленческого процесса, направленного на развитие муниципальных образований и решение местных проблем, действиями, результат которых никак не отражается на качестве социальной среды либо оказывает на нее негативное воздействие. Имитационные практики создают специфическое виртуальное пространство муниципального управления, формируя у муниципальных служащих искаженные представления о реальности. Как справедливо отмечал Жан Бодрийяр, реальность подменяется «гиперреальностью», реальностью, лишенной глубины, некой поверхностностью, дающей выхолощенную, но зачастую эффектную и привлекательную картинку действительности, причем эта картинка оказывается более реальной, так как представленное на ней изображение идеализирует, «раскрашивает», развоплощает и обнажает реальность [7].

В силу указанных обстоятельств возрастает необходимость в минимизации негативных последствий имитационных практик, которую мы связываем с реализацией концепции деконструкции.

Понятие деконструкции наиболее адекватное отражение нашло в философской (социально-философской) концепции Ж. Деррида [8], ставшей, по мнению Н. Б. Маньковской, «одним из основных концептуальных источников постмодернистской эстетики» [9, с. 14]. В понимании Ж. Деррида деконструкция — операция, применяющаяся к «традиционной структуре или архитектуре основных понятий западной онтологии или метафизики» и предполагающая ее разложение на части, расслоение, дабы понять, «как некий ансамбль был сконструирован, реконструировать его для этого» [10]. Деконструкция эквивалентна переконструированию, «перестройке» (как шутливо разъяснил Ж. Деррида, находясь в Москве) [11]. Таким образом, в деконструкции сохраняется связь с традиционной структурой, и в то же время внутри нее производится что-то новое.

Деконструкция имитационных практик в системе муниципального управления представляет собой весьма сложную задачу, поскольку имитации представляют собой отнюдь не случайное явление и не ограничены исключительно сферой муниципального управления. В определенной мере имитации представляют собой вполне устоявшийся институт российской системы управления, позволяющий с минимальными издержками достичь формального соответствия архаичных практик нормативам современного типа.

Смысл деконструкции, на наш взгляд, заключается, во-первых, в постижении смыслов, выявлении раздвоения смыслов, понимании логики их формирования; во-вторых, в конструкции новых замыслов и технологий. Оптимальная организация процесса деконструкции имитационных практик в системе муниципального управления, на наш взгляд, возможна на основе социально-технологического подхода, суть которого состоит во внедрении в управленческую практику социальных технологий и технологизации управления.

Социально-технологическая деконструкция имитационных практик в муниципальном управлении представляет собой специфический вид проектной деятельности, направленной на выявление логики формирования имитаций и структурирование новой системы, которая минимизирует ценностные, институциональные и процедурные основания имитаций.

Естественно, масштабная деконструкция имитационных практик не может быть ограничена лишь средой муниципального управления. Последняя, несмотря на специфическую корпоративную культуру, представляет собой открытую систему, элементы которой не только взаимосвязаны друг с другом, но и реагируют на многочисленные интенции со стороны государственного управления, местных сообществ с их культурой, предпринимательской среды и пр. Тем не менее, в рамках настоящей работы речь будет идти, прежде всего, о муниципальном управлении, хотя ряд концептуальных предложений и прикладных разработок, безусловно, может быть применен и к другим управленческим средам, например к государственной службе.

В содержательном отношении мы считаем оптимальной реализацию деконструкции имитационных практик по трем направлениям. Выбор данных направлений обусловлен необходимостью комплексного воздействия на систему муниципального управления: 1) как на профессионально-корпоративную структуру со свойственной ей логикой функционирования — с использованием внутренних регулятивных механизмов; 2) как на элемент социальной среды — с применением мер внешнего контроля.

В первом случае систему необходимо реформировать посредством внесения в ее структуру новых элементов, принципиально меняющих логику ее функционирования — прежде всего это связано с трансформацией системы внутренней оценки деятельности муниципальных служащих и организационной культуры муниципальной службы; во втором — с изменениями в системе внешней оценки муниципального управления — со стороны государства и общественности. На основании данных механизмов мы выделяем три ключевых направления деконструкции имитационных практик:

1. Деконструкция системы оценки деятельности муниципальных служащих.

2. Реинжиниринг организационной культуры муниципальной службы.

3. Деконструкция внешних коммуникаций муниципального управления.

Деконструкция системы оценки деятельности муниципальных служащих предполагает понимание смыслов действующей системы, выявление расхождений и построение на основе анализа новой системы оценки. Деконструкция подразумевает не просто изменение критериев оценки, а изменение ценностных оснований их формирования.

При разработке и введении системы показателей результативности муниципальные служащие должны рассматриваться не столько как неукоснительные исполнители распоряжений вышестоящих органов и руководства, сколько как специалисты, предоставляющие населению комплекс социальных благ и услуг, ориентированные, в первую очередь, на удовлетворение потребностей и запросов отдельных социальных групп либо населения в целом. С помощью организационного механизма и кадровых технологий необходимо сознательно формировать и укреплять ориентацию служащих на «общественное благо», включать эту ориентацию в оценку социальной эффективности профессиональной деятельности.

В деконструкции системы оценки деятельности муниципальных служащих необходимо следовать логике трехчастной оценки в зависимости от субъектов и оценки и характера оценочных процедур.

Первый аспект оценки деятельности должен исходить из необходимости измерения эффективности муниципального управления — его способности реализовывать ключевые направления развития муниципалитета. В данном случае основными субъектами оценки являются специально уполномоченные государственные органы, разрабатывающие систему показателей оценки муниципального управления. В на-

стоящее время такая система оценки существует. Она функционирует на основе Указов Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (в ред. Указов Президента РФ от 13 мая 2010 г. № 579 и от 14 октября 2012 г. № 1384) и включает 13 показателей оценки, а также регламентирует процедуру оценивания.

Однако к недостаткам действующей системы оценки следует отнести, во-первых, то, что выбор показателей оценки ориентирован не на стратегические, а, скорее, на тактические, инструментальные цели. К ним, например, относятся: доля многоквартирных домов, расположенных на земельных участках, в отношении которых осуществлен государственный кадастровый учет; удельная величина потребления энергетических ресурсов (электрическая и тепловая энергия, вода, природный газ) в многоквартирных домах (из расчета на 1 м² общей площади и (или) на одного человека) и др. Во-вторых, данные системы имеют статичный характер.

Между тем эффективность управления муниципальным образованием заключается в решении принципиальных задач, связанных с реализацией потенциала развития территории. В структуре потенциала развития территории особое значение имеют демографический и экономический потенциал. Соответственно, показатели оценки должны исходить из возможности их адекватного измерения. В частности, для оценки демографического потенциала целесообразно использовать показатели роста численности экономически активного населения и населения в возрасте до 15 лет. Экономический потенциал муниципалитета связан, прежде всего, с возможностью самостоятельно формировать местный бюджет и планировать его расходы. Соответственно, показателем оценки должна выступать динамика доли собственных доходов бюджета муниципального образования.

Введение данных показателей взамен существующих позволит, во-первых, существенно сократить объем «отчетной» деятельности муниципальных служащих и, во-вторых, изменить смысловую составляющую муниципального управления, поставив во главу угла не средства, а цели.

Второй аспект связан с необходимостью оценить эффективность и результативность деятельности муниципальных служащих, а также уровень их профессиональной компетентности, и предполагает формирование корпоративной системы оценки, основанной на показателях качества и организации труда. Соответственно, в качестве субъекта оценки должны выступать руководители муниципальных органов и их подразделений. В данном случае также количество показателей, во-первых, не должно быть избыточным, во-вторых, соответствовать смыслу деятельности муниципальных служащих, в-третьих, отвечать задаче профессионализации работников.

В организации труда муниципальных служащих это следующие показатели: соблюдение трудовой дисциплины, своевременность и оперативность выполнения поручений. В качестве работы это показатели: функциональной грамотности при подготовке документов и вы-

полнении обязанностей, способности самостоятельно организовывать и планировать выполнение порученных заданий, быстро адаптироваться к новым условиям и требованиям.

Руководители муниципальных органов, выведенные из внутрикорпоративной системы оценки, могут оцениваться по специальной методике с привлечением государственных и корпоративных субъектов. В частности, пилотная система тестирования мэров крупных городов с 2014 г. начинает внедряться Администрацией Президента РФ в сотрудничестве со Сбербанком¹.

Третий аспект связан с необходимостью получения общей оценки социальной эффективности муниципального управления со стороны местного сообщества. В этих целях нужно сформировать несложную систему понятных всем показателей социологической оценки, а также технологию реактивной оценки работы муниципальных служащих. Для социологической оценки эффективности муниципального управления необходима разработка максимально дешевой методики оценки и компактного инструментария, включающего набор показателей в соответствии с основными задачами муниципального управления и развития территории: состояние и динамика ЖКХ, здравоохранения, образования, а также оценка деятельности власти. Технология реактивной оценки деятельности муниципальных служащих должна предполагать оборудование рабочих мест муниципальных служащих, в функциональные обязанности которых входит оказание муниципальных услуг, кнопками оценки удовлетворенности их работой.

Реинжиниринг организационной культуры муниципальной службы. Реинжиниринг является относительно новым управленческим подходом и представляет собой одно из современных направлений в теории и практике управления бизнес-изменениями, при помощи которого достигаются качественные преобразования в системе управления предприятием. В целом реинжиниринг — это не просто сложная функция управления бизнес-процессами, а эффективный метод управления и экономическими, и управленческими процессами. М. Хаммер и Д. Чампи определили реинжиниринг как принципиальное переосмысление и радикальную перестройку бизнес-процессов для достижения кардинального улучшения показателей эффективности [12].

При переносе технологии реинжиниринга на почву муниципального управления следует отметить, что принципиальной его особенностью является кардинальный пересмотр принципов, норм и процедур функционирования управленческой среды. А поскольку речь идет о реинжиниринге организационной культуры муниципального управления, то этот пересмотр необходимо начинать с миссии муниципальной службы.

Алгоритм реинжиниринга организационной культуры представляет собой систему рационально обоснованных процедур, осуществляемых в виде следующих этапов:

¹ Мэры выстроились в очередь на тестирование // Независимая газета. 2013. 28 октября.

- 1) оценка текущего состояния организационной культуры муниципального управления — сложившихся в ней ценностей, норм и стереотипов;
- 2) определение миссии муниципальной службы и муниципального органа, определение стратегии, основных целей, нормативных приоритетов, принципов;
- 3) выявление диссонанса между нормативно-проективными и дескриптивными ценностями, нормами и поведенческими практиками;
- 4) разработка комплекса мероприятий, направленных на снижение нормативно-ценностного диссонанса, на формирование, развитие и закрепление желательных ценностей, норм и стандартов поведения.

Распространение имитационных практик в системе муниципального управления в первую очередь обусловлено специфической системой ценностей, для которой нормативно воплощенное средство оказывается гораздо более значимым, чем содержательно обусловленная цель. Специфической особенностью любой бюрократической организации является формализация требований к деятельности ее отдельных элементов, а также организации в целом. Это позволяет рационализировать управленческие практики, но вызывает побочные эффекты, связанные с замещением формальными требованиями и показателями функциональных компонентов деятельности.

Противодействие имитациям в муниципальном управлении невозможно без критического переосмысления и модификации в первую очередь ценностно-мотивационных установок муниципальных служащих. Необходимо отметить, что в настоящее время в муниципальных органах власти становится высока потребность в руководителях и специалистах нового образца, отличающихся высокими интеллектуальными и нравственными качествами, эмоционально устойчивых, компетентных, высокообразованных, способных принимать на себя ответственность за результаты своей деятельности. Это должны быть личности, прямо противоположные образу чиновника-бюрократа, который ассоциируется с негативными нравственными качествами. Таким образом, возникла необходимость, во-первых, приблизить управление к конкретным нуждам людей и, во-вторых, сформировать новую организационную культуру чиновничества, внушающую доверие гражданам [13, с. 140]. Но, в то же время, это должна быть организационная культура, в которой найден баланс между «человеческими отношениями» и профессионализмом. Между тем эмпирические исследования конкретных структур муниципального управления позволяют сделать вывод о наличии определенного ценностного диссонанса между «традиционным» и «технократическим» типами организационной культуры муниципальной службы.

В традиционной культуре, доминирующей на низовом уровне и имеющей преимущественно неформальный характер, доминируют коммуникативные ценности общения, хороших отношений и т. п. В «технократической» культуре, транслируемой руководством муниципальных органов и их подразделений, задаются ценности результативности, эффективности муниципальной службы, приоритет количественных

показателей. Экспертный опрос, проведенный среди муниципальных служащих г. Волгограда в 2011 г. О. Фоминым и О. Байдаловой, показал достаточно серьезное расхождение между теми ценностями, которые считают необходимыми для муниципальных служащих они сами (а опрашивались служащие не менее чем с 7-летним стажем работы в муниципальных органах), и теми, которые востребованы их руководством. Если в отношении профессионализма наблюдалось относительное соответствие (его посчитали необходимым 78 % муниципальных служащих, а 67 % указали на то, что он востребован начальством), то в отношении честности и порядочности было зафиксировано радикальное расхождение. Если честность в качестве необходимого качества муниципальных служащих была отмечена 56 % экспертов, то на востребованность ею их руководством указали лишь 37 %. Еще большая «вилка» была зафиксирована в отношении порядочности: 52 % экспертов посчитали ее необходимой и всего 11 % — востребованной начальством [14, с. 138]. Среди личностных доминант муниципальных служащих данными авторами были выявлены «ориентация на стабильность, отсутствие персональной ответственности, страх перед нововведениями или возможной конкуренцией» [14, с. 139].

Совершенно очевидно, что разрывы в организационной культуре порождают имитационные практики. «Снизу» они выражаются в создании квазипатриархальной культуры отношений в организации и с потребителями услуг; «сверху» — в постановке нереалистичных целей и в применении к служащим необоснованных с точки зрения неформальной организационной культуры требований. Нарастание имитации ценностей в системе муниципального управления является частной тенденцией общей переоценки ценностей, утраты значительным количеством из них смысло-жизненного, терминального статуса. На смену ценностям морали, нравственности, знания приходят «прагматические» ценности пользы, комфорта, имиджа. В муниципальном управлении этот процесс выражается в инкорпорировании в систему ценностей муниципального управления изначально несвойственных ему экономических приоритетов и критериев, в формализации результатов деятельности, а также в навязывании муниципальным служащим задач, выходящих за пределы их непосредственной компетенции, но в реальности обладающих приоритетом при оценке их деятельности. Речь в данном случае идет о вынужденном участии муниципальных служащих в проектной деятельности, в проведении избирательных кампаний, в благоустройстве территории муниципального образования и других видах работ, выходящих за пределы функциональных обязанностей. В результате смещаются приоритеты деятельности муниципальных служащих, деформируются их представления о главном и второстепенном, истинном и ложном.

В настоящее время осуществляется попытка реконструкции организационной культуры муниципальной службы посредством разработки и принятия Этических кодексов муниципальных служащих. В октябре 2010 г. в соответствии с Программой Министерства здравоохранения и социального развития РФ разработан проект Типового кодекса этики и

служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, на основе которого предполагалось разрабатывать соответствующие кодексы в отдельных государственных органах Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также муниципалитетах и прилагать их при заключении служебного контракта с государственным и муниципальным служащим.

На основании Типового кодекса в муниципальных образованиях российских регионов были приняты собственные Кодексы этики и служебного поведения муниципальных служащих. Однако ценностно-нормативный и поведенческий диссонансы сохранились. Данные Кодексы по ряду причин не стали основой организационной культуры, а их принятие явило собой одну из имитационных практик.

Между тем кодификация профессиональной этики является важной технологией деконструкции организационной культуры. Однако при реализации данного направления реинжиниринга необходимо соблюдение комплекса требований:

1. Формулировка миссии муниципальной службы неэффективна вне местной конкретики. Она в обязательном порядке должна включать реализацию интересов местного сообщества с привязкой к традициям, историческому прошлому, социокультурной специфике муниципального образования. Соответственно, сам Этический кодекс должен включать преамбулу, содержащую краткую историко-культурную справку о муниципальном образовании, написанную не формальным, а литературным языком, с обязательным указанием на социокультурные и иные характеристики населения, нуждающиеся в сохранении и воспроизведении.

2. Опора на Типовой кодекс при разработке местных документов формально является способом формирования единого нормативно-ценностного и правового пространства муниципального управления в масштабе страны и региона. Однако калькирование его положений (а именно по такому пути идут муниципальные образования) дает муниципальным служащим четкий сигнал о формальности данного механизма. Деконструкция организационной культуры должна осуществляться более творческим путем.

3. Декларация принципов и правил служебного поведения муниципальных служащих, безусловно, является необходимым механизмом трансляции ценностей и норм организационной культуры. Однако без конкретизации, без включения ситуативного, дескриптивного компонента, привязывающего ценность к конкретной жизненной коллизии, эти положения могут не получить те функции регулятора служебного поведения, которые являются ключевыми для профессиональной этики. Соответственно, Кодексы должны быть доработаны: в каждое положение достаточно высокого уровня абстракции необходимо ввести иллюстрирующее его описание типичной коллизии, возникающей в профессиональной деятельности муниципальных служащих.

4. Организационную культуру нельзя сконструировать посредством введения кодекса профессионального поведения, должностных инструкций, регламентов. Она может играть роль основы организацион-

ного поведения лишь в том случае, если ее нормы, принципы, правила и образцы усвоены работниками. Немаловажную роль при этом играет единство этических требований по отношению к служащим различных уровней и функциональных обязанностей. Соответственно, этическое регулирование не должно ограничиваться, как это часто происходит, разработкой, принятием Этического кодекса и ознакомлением служащих с его содержанием. Знание его положений и умение их привязать к конкретной коллизии, связанной с профессиональной деятельностью, должны быть обязательными компонентами оценки муниципальных служащих.

К мерам по деконструкции имитационных практик в системе муниципальной службы необходимо отнести следующие:

1) сокращение практики нерефлексивного трансфера технологии управления проектами. Применение данной технологии должно быть обосновано, прежде всего, интересами и спецификой развития местного сообщества, а не интенциями региональной власти;

2) при использовании технологии управления проектами особое внимание следует обращать на разработку мероприятий и показатели результативности проекта. При этом мероприятия, являющиеся инструментальным средством, не должны отражаться в показателях результативности. Последние должны быть исключительно содержательными и отражать цели и задачи проекта;

3) при разработке регламентов, должностных инструкций и других нормативных документов в обязательном порядке необходимо закладывать смысловой компонент функциональных обязанностей муниципального служащего. У последнего не должно формироваться представление о самодостаточности мероприятий как смысле профессиональной деятельности;

5. При формировании кадрового резерва, подборе и отборе кадров муниципальной службы, помимо специальных компетенций и личностных качеств потенциальных специалистов муниципального управления, необходимо обращать особое внимание на их рефлексивные качества, выражающиеся в способности выявлять главные и второстепенные аспекты профессиональной деятельности. Для этого, помимо собеседования, можно использовать ряд диагностических методик. В качестве концептуальной основы кадровой деятельности в системе муниципального управления необходимо использовать гражданский трансфер, под которым мы понимаем продвижение в структуры муниципального управления креативно мыслящих, способных к рефлексии людей, конструктивных идей и технологий, обеспечивающих результативную деятельность без помощи деклараций, декораций и демонстраций;

5) поскольку риску имитации подвержены, прежде всего, молодые специалисты, именно на них необходимо обратить особое внимание при управлении их профессиональным ростом. Использование в данных целях механизмов наставничества, профессиональных тренингов, повышения квалификации должно сопровождаться предварительным анализом эффективности самих этих механизмов. Естественно, ключе-

вым условием эффективности кадровой работы в муниципальных органах является заинтересованность руководства в деконструкции существующей системы, в которой имитации являются не только приемлемыми, но и поощряемыми.

Деконструкция внешних коммуникаций муниципального управления предполагает построение системы, основанной на подлинных, а не декоративных коммуникациях. Ряд проблем социальной неэффективности муниципального управления связан с корпоративной замкнутостью муниципальной службы, внешние коммуникации которой, во-первых, ориентированы не на население, а преимущественно на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, во-вторых, выстроены в одностороннем порядке и не предполагают обратной связи. К сожалению, стоит констатировать, что в настоящее время внешние коммуникации носят псевдо-имиджевый характер.

Наличие имитации коммуникаций в системе муниципального управления во многом обусловлено требованием информационной открытости муниципальной власти. Являясь, по большому счету, внешним требованием, оно провоцирует муниципальные органы на формальную демонстрацию собственной открытости. Как отмечают эксперты, к сожалению, даже, создав собственные сайты, большинство органов власти ограничиваются формальным исполнением нормативов: заводят доменное имя, размещают там эмблему службы и фотографию ее здания, пускают по левой колонке несколько ссылок с не требующей обновления информацией. При этом коммуникативная активность муниципальных органов власти повисает в пустоте, поскольку, с одной стороны, в значительной степени имеет имитационный смысл и является безадресной, а, с другой, «гасится» информационной пассивностью местного сообщества. Таким образом, деконструкция имитаций коммуникаций бессмысленна вне контекста информационно-коммуникативной активности населения. Именно она является реальным тестом имитаций данного типа.

Соответственно, все предложения и рекомендации по наполнению контентом муниципальных СМИ, веб-сайтов муниципальных образований и других средств массовой коммуникации будут малоэффективны в условиях сохранения традиционного типа односторонней коммуникации. Безусловно, подобный характер коммуникации не является лишь результатом пассивности населения. Сама муниципальная власть во многом заинтересована в такой ситуации, поскольку она освобождает ее от общественного контроля и необходимости искать новые формы работы с информационно активными группами. В настоящее время «в процессе позиционирования муниципальной власти в электронных средствах массовой коммуникации преобладает информационная составляющая в ущерб коммуникационной, предполагающей обратную связь, интерсубъектность, на основе которой и должен рождаться дискурс современной муниципальной власти» [16, с. 45].

Работа по минимизации имитаций коммуникаций в системе муниципального управления должна осуществляться с двух сторон — местного сообщества и органов власти. Использование механизмов граж-

данского контроля в условиях недостаточной активности населения, особенно в муниципальных районах с преобладанием сельского населения и меньшим распространением Интернета, предполагает и определенные интенции со стороны государственной и муниципальной власти. Для активизации гражданского контроля мы считаем необходимым встраивание опций гражданского контроля в каналы коммуникаций. Прежде всего это относится к электронным ресурсам.

В той части, которая касается муниципальных органов, необходимы:

1) наполнение официальных веб-сайтов информацией, реально интересующей пользователей: это, прежде всего, перечень услуг, работа с обращениями граждан, социально значимые проекты. Более активно нужно использовать рубрику «Вопрос — ответ», позволяющую выстроить иерархию наиболее актуальных для населения тем. Опция гражданского контроля должна включать возможность оценки эффективности оказания услуг и реагирования на обращения;

2) мониторинг официальных веб-сайтов с целью устранения неактуальной информации и заполнения информационных «лаkun». Данная функция должна осуществляться не только соответствующими подразделениями местных администраций, но, прежде всего, активными пользователями;

3) более активное использование механизма общественных слушаний и экспертиз с привлечением для их осуществления целевых групп населения. Перед вынесением на общественное обсуждение той или иной темы целесообразно организовать гражданский мониторинг потребности в ее обсуждении;

4) оптимизация визуального контента, который должен представлять не только природные и архитектурные достопримечательности муниципальных образований, но и практическую деятельность органов власти, а также иллюстрировать проблемы муниципалитетов. В формировании последнего аспекта визуального ряда необходимо предусмотреть опцию гражданского контроля — размещения зарегистрированными пользователями соответствующего фото- и видеоряда.

Представленные направления деконструкции имитационных практик в системе муниципального управления могут быть реализованы как в виде последовательно реализуемых проектов, так и посредством отдельных мероприятий, объединенных общей идеей. Однако решение проблемы должно иметь системный характер. Сложность задачи заключается в том, что сами направления и механизмы содержат комплекс рисков, которые могут настолько трансформировать процесс изменений, что проблема имитации не только не будет решена, но и усугубится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антипов К. А. Конфликтное взаимодействие местного сообщества и муниципальной власти // Социология города. 2013. № 4. С. 33—41.
2. Битэм Д. Бюрократия // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 165—185.

3. Albrow M. *Max Weber's construction of social theory*. London: Macmillan, 1990. 316 p.
4. Риггз Ф. Бюрократия и конституция // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 88—98.
5. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1976.
6. Мертон Р. Бюрократическая структура и личность // Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 323—337.
7. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. University of Michigan Press, 1994. 312 p.
8. Derrida J. *De la Grammatologie*. Paris: Les Edition de Minuit, 1967. 450 p.
9. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб. : Алетейя, 2000. 347 с.
10. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53—57.
11. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 2007. 608 с.
12. Hammer M., Champy J. *Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution*. HarperBusiness Essentials, 2006. 272 p.
13. Исламова Ф. Ф. Ценностно-мотивационные детерминанты профессионального поведения служащих органов местного самоуправления: дисс... канд. социол. наук. М., 2011. 198 с.
14. Фомин О., Байдалова О. Социологический портрет муниципального служащего // Власть. 2012. № 6. С. 135—139.
15. Газизова Л. И. Формирование образа муниципальной власти в электронных средствах массовой коммуникации (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С. 37—47.

REFERENCES

1. Antip'ev K. A. [Conflict interaction between local community and municipal authorities]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2013, no. 4, pp. 33—41. (In Russ.).
2. Bitem D. [Bureaucracy]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1997, no. 4, pp. 165—185. (In Russ.).
3. Albrow M. *Max Weber's construction of social theory*. London, Macmillan Publ., 1990. 316 p.
4. Riggs F. [Bureaucracy and the constitution]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1994, no. 4, pp. 88—98. (In Russ.).
5. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1976.
6. Merton R. [Bureaucratic structure and personality]. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow, AST Publ., 2006, pp. 323—337. (In Russ.).
7. Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*. University of Michigan Press, 1994. 312 p.
8. Derrida J. *De la Grammatologie*. Paris, Les Edition de Minuit, 1967. 450 p.
9. Man'kovskaya N. B. *Esthetics of post-modernism* [Estetika postmodernizma]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 347 p. (In Russ.).
10. Derrida Zh. [A letter to a Japanese friend]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1992, no. 4, pp. 53—57. (In Russ.).
11. Skoropanova I. S. *Russkaya postmodernistskaya literatura* [Russian post-modernism literature]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007. 608 p.

12. Hammer M., Champy J. *Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution*. HarperBusiness Essentials, 2006. 272 p.

13. Islamova F. F. *Tsennostno-motivatsionnye determinanty professional'nogo povedeniya sluzhashchikh organov mestnogo samoupravleniya* [Value and motivational determinants of professional behavior of employees of local government. Cand. soc. sci. diss.]. Moscow, 2011. 198 p.

14. Fomin O., Baidalova O. [Sociological Portrait of Municipal Employee]. *Vlast'* [Power], 2012, no. 6, pp. 135—139. (In Russ.).

15. Gazizova L. I. [The Formation of the Image of Municipal Authority in the Electronic Media (on the example of the Republic Bashkortostan)]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2013, no. 3 (23), pp. 37—47. (In Russ.).

© Титова В. А., 2014

Поступила в редакцию в июне 2014 г.

Ссылка для цитирования: Титова В. А. Направления деконструкции имитационных практик в муниципальном управлении // Социология города. 2014. № 2. С. 77—91.

For citation: Titova V. A. [The directions of deconstruction of imitating practices in the municipal management]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 77—91. (In Russ.).

УДК 616.379-
008.64:614.23:616.314

*Е. Е. Маслак,
О. А. Чеботарева,
В. Н. Наумова*

**ДИАБЕТ В ГОРОДЕ:
СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ
ВРАЧЕЙ-СТОМАТОЛОГОВ
В БОРЬБЕ С БОЛЕЗНЬЮ**

В настоящее время в урбанистических центрах наблюдается пандемия сахарного диабета, чему косвенно способствует напряженный ритм городской жизни. В статье показана роль врача-стоматолога как первого специалиста, способного заподозрить у пациента диабет и мотивировать его на обследование у эндокринолога. Дается оценка комплаентности пациентов. Данные собственных исследований раскрывают аспекты взаимодействия врача и пациента на стоматологическом приеме в условиях крупного промышленного центра.

Ключевые слова:

урбанизация,
диабет,
ранняя диагностика,
врач-стоматолог,
социальная роль,
комплаентность,
крупный промышленный город.

*Е. Е. Maslak,
O. A. Chebotareva,
V. N. Naumova*

**DIABETES IN THE CITY:
THE SOCIAL ROLE OF DENTISTS
IN FIGHTING DISEASE**

Currently in urban centers pandemic of diabetes is observed, which indirectly contributes to stressful rush of the city life. The article explores the role of a dentist as the first specialist able to suspect diabetes and motivate the patient to be examined by an endocrinologist. The patient's compliance was assessed. The results of the research reveal particular aspects of communication between a patient and a dentist during the dental examination in the context of a large industrial center.

В современном мире сахарный диабет является важнейшей медико-социальной проблемой. Это обусловлено широкой распространенностью заболевания как среди взрослых, так и среди детей, лечением, которое необходимо продолжать в течение всей жизни, и высокой инвалидизацией больных.

В настоящее время в урбанистических центрах наблюдается пандемия сахарного диабета. Отчасти этому способствуют неблагоприятные внешние факторы: плохая экология, неправильное питание, стрессы. По данным ВОЗ, в 2000 г. в мире насчитывалось около 175 млн больных сахарным диабетом. К 2025 г. количество заболевших составит, по предварительным прогнозам, 300 млн человек. Среди больных сахарным диабетом 1-го типа 54 % составляют дети. Доля СД 2-го типа — 80—90 % всех вновь выявленных случаев, на территории РФ СД-2 диагностируется в 97 % случаев. Кроме того, сахарный диабет 2-го типа все чаще регистрируется у подростков [1, 2].

В России в настоящее время зарегистрировано около 2 800 000 больных сахарным диабетом. Однако данные эпидемиологических исследований, проведенных Эндокринологическим научным центром в различных регионах России, позволили предположить, что истинная численность больных диабетом в 3,5 раза превышает данные официальной статистики и составляет около 8 млн человек, или 5,5 % от всего населения страны. Таким образом, на одного больного сахарным диабетом, зарегистрированного официально, приходится 3—4 человека, которые не подозревают о своей болезни. Эти же данные были подтверждены результатами диспансеризации населения России, проведенной в рамках Национального проекта «Здоровье». Так, при диспансерном обследовании 6,7 млн здоровых человек трудоспособного возраста 35—55 лет, занятых в социальной сфере (педагогов, медицинских работников, деятелей искусства), сахарный диабет был впервые выявлен у 7,1 % обследованных [2].

Волгоградским центром медицинской профилактики в 2009 г. была разработана Анкета-скрининг риска СД 2-г типа. При ее реализации выявление СД составило 11,25 % [3].

Дебют заболевания у большинства пациентов развивается постепенно. Сахарный диабет 2-го

Key words:

urbanization,
diabetes,
early diagnosis,
dentist,
social role,
patient compliance,
large industrial city.

Об авторах:

Маслак Елена Ефимовна —
доктор медицинских наук,
профессор кафедры стоматологии
детского возраста,
Волгоградский государственный
медицинский университет (ВолГМУ).
Российская Федерация, 400131,
Волгоград, пл. Павших Борцов, 1

Maslak Elena Efimovna —
Doctor of Medical Science, Professor
of Pediatric Dentistry Department,
Volgograd State Medical University.
1, the Square of Fallen in Battle,
Volgograd, 400131, Russian Federation

Чеботарева Ольга Александровна —
кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии, биоэтики
и права с курсом социологии медици-
ны, Волгоградский государственный
медицинский университет (ВолГМУ).
Российская Федерация, 400131,
Волгоград, пл. Павших Борцов, 1

Chebotareva Ol'ga Aleksandrovna —
Candidate of Social Sciences,
Docent of Philosophy, Bioethics and Law
Department with Sociology of Medicine
Course, Volgograd State Medical University.
1, the Square of Fallen in Battle,
Volgograd, 400131, Russian Federation

Наумова Виктория Николаевна —
кандидат медицинских наук,
ассистент кафедры пропедевтики
стоматологических заболеваний,
Волгоградский государственный
медицинский университет (ВолГМУ).
Российская Федерация, 400131,
Волгоград, пл. Павших Борцов, 1,
Vika@as.ru

Naumova Viktoriya Nikolaevna —
Candidate of Medical Science,
Assistant of Propedeutics of Dental Diseases
Department,
Volgograd State Medical University.
1, the Square of Fallen in Battle,
Volgograd, 400131, Russian Federation

типа не проявляется классическими симптомами и не диагностируется в течение длительного времени. Выявление повышенного уровня глюкозы в крови происходит либо случайно при рутинном скрининге, либо в ходе диспансерного обследования пациентов с заболеваниями, часто сочетающимися с сахарным диабетом. При сборе анамнеза ретроспективно выявляются первые симптомы заболевания, на которые сам больной не обращает внимания и не жалуется лечащему врачу [4].

Сахарный диабет ведет к высокой смертности населения. Хроническая гипергликемия, развивающаяся при СД, сопровождается развитием осложнений многих органов и систем организма. Поздние сосудистые осложнения (ретинопатия, нефропатия, синдром диабетической стопы, полинейропатия, ИБС), развивающиеся у больных СД в 3—7 раз чаще, чем в популяции, являются главной причиной инвалидизации этого контингента населения [5, с. 111—123; 6].

Взаимосвязь сахарного диабета и стоматологической патологии описана в работах многих отечественных и зарубежных авторов [7]. Известно, что избыточное и нерациональное питание — основной фактор, способствующий ожирению. Употребление продуктов с большим содержанием холестерина, насыщенных жирных кислот (колбасы, копчености, фаст-фуд), легкоусвояемых углеводов и рафинированных продуктов приводит к ожирению и ускоренному развитию атеросклероза. По данным ВОЗ, ожирение I степени увеличивает риск развития СД 2-го типа в 3 раза; II степени — в 5 раз и III степени — в 10 раз. С другой стороны, эти же факторы приводят к развитию основных стоматологических заболеваний.

Связь заболевания пародонта с сахарным диабетом стала объектом множества исследований. Частота заболеваний пародонта при сахарном диабете колеблется от 51 до 98 %. В то же время у больных пародонтитом в 10 % случаев выявляется сахарный диабет. Часто первые подозрения на сахарный диабет у пациента высказывает стоматолог, так как у многих больных пародонтитом нередко диагностируется его начальная стадия.

В патогенезе развития заболеваний пародонта у больных СД основную роль отводят ангиопатиям. Пусковым моментом диабетических микроангиопатий является нарушение углеводного обмена, а также нарушение обмена гликозаминов, определяющих функциональную и структурную целостность базальной мембраны сосудов. Высокая концентрация глюкозы в десневой жидкости у больных СД способствует размножению микроорганизмов и быстрому образованию зубного камня.

В настоящее время в распоряжении врачей имеются научно обоснованные методы диагностики, лечения и профилактики осложнений сахарного диабета. Однако, несмотря на научные достижения, остаются не до конца решенными проблемы ранней диагностики, когда сахарный диабет не проявляется классическими симптомами.

Цель нашего исследования:

1) изучить активность врачей-стоматологов Волгограда в выявлении у пациентов с пародонтитом сахарного диабета как этиологического фактора развития хронических стоматологических заболеваний;

2) оценить комплаентность пациентов Волгоградского региона при выполнении рекомендаций стоматологов.

Материал и методы: пилотное исследование, в котором приняли участие 225 пациентов — посетителей пародонтологических кабинетов стоматологических поликлиник г. Волгограда и 100 врачей-стоматологов. Нами были разработаны авторские анкеты для обеих групп респондентов. Часть вопросов анкеты для врачей были открытыми, готовые варианты ответов коллегам мы не предлагали. Анкета для пациентов содержала вопросы, выясняющие, страдает ли респондент сахарным диабетом; взаимосвязь состояния полости рта (десен) с общим состоянием организма; изучение тщательности сбора анамнеза врачом-стоматологом на первичном приеме. Полученные результаты были обработаны с применением стандартных методов математической статистики [8].

Результаты и обсуждение. В анкетировании приняли участие 225 посетителей пародонтологических кабинетов стоматологических поликлиник: 189 женщин (84 %) и 36 мужчин (16 %). По возрастным группам респонденты распределились следующим образом: 25—34 года — 12 %; 35—44 года — 16 %; 45—54 года — 32 %; 55—64 года — 32 %, и 8 % составили люди старше 65 лет. 60 % относились к работающему населению, пенсионеры составили 28 % опрошенных; временно не работали 8 %, и 4 % находились на инвалидности. Среди респондентов сахарным диабетом страдали 144 человека (64 %). Каждый четвертый пациент не знал, болен ли он СД или другим эндокринным заболеванием (24 %). Двадцать семь опрошенных отрицали наличие эндокринных заболеваний (12 %).

На учете у эндокринолога с диагнозом «сахарный диабет» состояли 144 опрошенных (64 %); каждый пятый считал, что в визите к эндокринологу нет необходимости, каждый шестой респондент сообщил, что планирует обследоваться в будущем (20 и 16 % соответственно).

На вопрос «Как давно Вы страдаете заболеванием десен?» 81 респондент сообщил о давности заболевания свыше 10 лет (36 %); 72 пациента считали, что заболевание десен у них было всегда (32 %); 45 больных пародонтитом — 5—10 лет, и менее 5 лет, согласно опросу, страдали заболеванием десен 27 человек (20 и 12 % соответственно).

Изучая тщательность сбора анамнеза врачом-стоматологом, мы получили следующие данные. У каждого четвертого опрошенного (24 %) на первичном приеме стоматолог интересовался наличием эндокринных заболеваний, в том числе и сахарного диабета. Однако более чем трети респондентов (36 %), согласно данным анкетирования, врач не задавал таких вопросов. 90 пациентов пародонтологических кабинетов (40 %) сами сообщили стоматологу о своем заболевании.

Мы выяснили, рекомендовали ли стоматологи пациентам с хроническими заболеваниями десен пройти обследование у эндокринолога. Согласно результатам анкетирования, 144 респондента (64 %) ранее обследовались и уже состояли на учете у эндокринолога; 81 пациент сообщил, что стоматолог не рекомендовал консультацию эндокринолога (36 %); 36 человек (16 %), получив направление от стоматолога, к эндокринологу не обратились; только 18 пациентов из числа опрошенных нами впервые обратились к эндокринологу именно по рекомендации врача-стоматолога (8 %). При этом на вопрос «Если бы *стоматолог* порекомендовал Вам обследоваться у эндокринолога, последовали бы Вы его совету?» 24 % опрошенных ответили утвердительно; 60 % — «если бы нашли свободное время»; 16 % дали отрицательный ответ, что говорит о невысоком доверии пациентов к рекомендациям врача-стоматолога.

Более половины людей, принявших участие в опросе (56 % — 126 чел.), считали, что эндокринные заболевания влияют на состояние полости рта и ухудшают его. Каждый шестой респондент (36 чел. — 16 %) сообщил, что «не видит связи» между эндокринными и стоматологическими заболеваниями; каждый восьмой (12 %) затруднился с ответом; 18 опрошенных (8 %) считали, что стоматологические заболевания утяжеляют течение эндокринных заболеваний.

Улучшение состояния десен при снижении содержания глюкозы в крови отмечали 48 % опрошенных; 36 % не наблюдались у эндокринолога и не подозревали о взаимосвязи между состоянием десен и уровнем сахара в крови; 16 % респондентов «не замечали» либо «не обращали внимания».

Среди пациентов, принявших участие в анкетировании, 44 % посещали стоматолога, когда «находили свободное время»; 40 % опрошенных являлись на стоматологический прием от случая к случаю, т. к., опираясь на предшествующий опыт лечения, «знали, какие препараты назначит врач», и только 16 % не ждали обострения заболевания десен и обращались к врачу в профилактическом порядке.

Таким образом, несмотря на то что более половины пациентов пародонтологических кабинетов имели подтвержденный диагноз «сахарный диабет» (64 %), только каждый четвертый из них регулярно посещал врача-стоматолога, не дожидаясь обострения заболевания десен. Хотя 56 % опрошенных признавали, что наличие эндокринных заболеваний ухудшает состояние полости рта, только 24 % респондентов выразили готовность пройти обследование у эндокринолога по направлению врача-стоматолога. Полученные результаты говорят о невысоком уровне комплаентности пациентов, что согласуется с данными других авторов [9, 10].

В проведенном нами исследовании приняли участие 100 врачей-стоматологов — сотрудников муниципальных стоматологических поликли-

ник г. Волгограда. 44 % опрошенных стоматологов (44 чел.) принимали 1—5 первичных пациентов в неделю; 48 % (48 чел.) — 5—10 и 8 % врачей (8 чел.) — более 10 первичных пациентов.

Около половины врачей (44 %) сообщили, что в большей или меньшей степени все их пациенты страдают заболеванием тканей пародонта; 24 % стоматологов принимали не более 2 пациентов с заболеванием тканей пародонта в неделю; 16 % врачей — 3—5 пациентов с пародонтитом в неделю; «более 5 в неделю» либо «редко» принимали пациентов с заболеваниями тканей пародонта по 8 % врачей-стоматологов.

Мы изучили, интересуются ли врачи-стоматологи наличием у пациентов эндокринных заболеваний, в частности сахарного диабета, и получили следующие данные: 40 % врачей выясняли это только у пациентов с заболеванием тканей пародонта; 32 % стоматологов задавали этот вопрос, «если есть время на приеме» и «уточняли, если пациент сам говорил об этом» (по 16 %). Только каждый четвертый врач (24 %) всегда при сборе анамнеза интересовался наличием у пациентов эндокринных заболеваний. Один стоматолог сообщил, что таких вопросов пациентам не задает.

Согласно проведенному нами опросу, 44 % врачей-стоматологов направляли пациентов с заболеванием тканей пародонта к эндокринологу, но лечение назначали самостоятельно в соответствии с клинической картиной в полости рта. 36 % врачей советовали пациентам посетить эндокринолога, если «на приеме было время объяснить необходимость этого». 12 % из числа опрошенных нами стоматологов к эндокринологу не направляли, т. к. сразу приступали к лечению, и 8 % рекомендовали консультацию эндокринолога и только в соответствии с результатом строили план лечения (данные респонденты сообщили, что такую тактику они выбирают на приеме в частной многопрофильной клинике, где работают по совместительству).

Мы просили коллег сообщить, какие препараты они назначают пациентам с пародонтитом. Вопрос был открытым, мы предлагали врачам вписать свой вариант ответа и получили следующие данные.

Среди зубных паст пациентам с заболеваниями десен стоматологи наиболее часто рекомендовали «Parodontax», «SPLAT Актив», «Lacalut Aktiv».

Для лечения слизистой оболочки полости рта назначались кератопластики (масляный раствор витамина А, «Солкосерил», облепиховое масло).

Для купирования воспалительных процессов в пародонте применяли гель «Метрогил-Дента», бальзам и ополаскиватель «Асепта», «Хлоргексидин»; местно: инъекции «Линкомицина». Назначалось общее лечение: «Ибупрофен», «Найз»; антибиотики перорально «Амоксиклав», «Ципрофлоксацин».

Нами отмечено, что препараты, назначаемые стоматологами, широко представлены и легкодоступны для приобретения в аптечной сети города. За исключением антибиотиков, все они являются средствами безрецептурного отпуска. Однако никто из опрошенных нами врачей-стоматологов не указал, что рекомендует пациентам с подтвержденным диагнозом «диабет» средства для ухода за полостью рта, специально разработанные для этого контингента больных.

Среди особенностей лечения пациентов с сахарным диабетом врачи отмечали обязательное назначение антибиотиков (вопрос был открытым).

Мы уточнили, разъясняют ли врачи-стоматологи своим пациентам необходимость приема назначаемых препаратов. Согласно полученным данным, всегда давали пояснения менее половины стоматологов (44 %), часто — 24 %, если есть время на приеме — 12 %, если пациент сам спрашивает об этом — 12 %, иногда — 8 %, что говорит о невысокой активности врачей-стоматологов.

Большинство врачей-стоматологов видели связь между эндокринными заболеваниями организма и состоянием полости рта, признавая, что наличие сахарного диабета утяжеляет течение стоматологической патологии. При этом 36 % врачей считали, что и стоматологическая патология усугубляет течение эндокринных заболеваний.

Однако, несмотря на то что врачи-стоматологи признавали связь между эндокринными и стоматологическими заболеваниями, только 24 % опрошенных стоматологов систематически при сборе анамнеза интересовались у пациентов наличием этих заболеваний. Менее половины врачей, назначая лечение, всегда поясняли пациентам его важность и необходимость, мотивируя их выполнять назначенные рекомендации (44 %).

Нарушение углеводного обмена при сахарном диабете приводит к высокому содержанию глюкозы в крови десневой борозды и слюне. Таким образом провоцируется рост патогенной микрофлоры в полости рта. При отсутствии клинических проявлений сахарного диабета либо когда заболевание проявляется жалобами на сухость полости рта, гингивит, пародонтит, подвижность зубов, врач-стоматолог является первым специалистом, способным заподозрить диабет как возможный этиологический фактор развития стоматологической патологии.

Выявление факторов риска сахарного диабета в сочетании со стоматологическими заболеваниями должно стать поводом для стоматолога нацелить пациента на обследование у эндокринолога-диабетолога. В случае, когда у пациента выявляется неконтролируемый сахарный диабет, т. е. пациент, зная о своем диагнозе, не поддерживает уровень глюкозы крови в пределах нормы, контролируя его и принимая сахароснижающие препараты, стоматологическое лечение может быть неэффективно [11].

В условиях крупного промышленного центра, каковым является Волгоград, работающее население не всегда находит свободное время обратиться в лечебное учреждение для обследования, особенно когда нет серьезных жалоб на плохое самочувствие [12, 13, 14]. В этой ситуации большая ответственность в выявлении такого социально значимого заболевания, как диабет, ложится на врача-стоматолога. С целью улучшения ранней диагностики СД, повышения мотивации пациентов к эндокринологическому обследованию и улучшению менеджмента стоматологических пациентов были предложены методы скрининга уровня глюкозы крови на стоматологическом приеме. Наиболее удобным оказался неинвазивный метод определения уровня глюкозы в крови из десневой борозды с помощью портативного глюкометра, который уменьшает время обследования и затраты, предпочитается пациентами и врачами и дает результаты, аналогичные при исследовании уровня глюкозы в крови из пальца [15].

На стоматологическом приеме мы определили уровень глюкозы крови у 42 больных с пародонтитом, находящихся на лечении в Стоматологической

поликлинике Волгоградского государственного медицинского университета. У всех пациентов диагноз «пародонтит» был подтвержден с помощью основных и дополнительных методов обследования. Мы оценивали уровень содержания сахара в крови зубодесневой борозды, воспользовавшись прибором «One Touch Select». Получив информированное согласие пациентов, с помощью стерильного пуговчатого зонда при осторожном зондировании зубодесневой борозды получали каплю крови. Нанеся кровь на тест-полоску, демонстрировали результат пациентам.

Исследование проводилось натощак у больных, отрицавших наличие сахарного диабета. Пациенты, имевшие в анамнезе СД, обследовались после приема пищи и сахароснижающих препаратов.

Среди пациентов с пародонтитом, не имевших в анамнезе подтвержденного диагноза «сахарный диабет», у каждого шестого было обнаружено повышенное содержание сахара в крови (7,3—12,1 ммоль/л), что может свидетельствовать о наличии у больных недиагностированного ранее нарушения гликемии и требует неотложного обращения для дальнейшего обследования к эндокринологу. У пациентов, страдающих диабетом, клиническая ситуация в полости рта соответствовала давности и тяжести основного заболевания, а также зависела от контроля гликемии, осуществляемого больным. Все пациенты согласились, что предложенный метод оценки уровня глюкозы крови удобный и безболезненный, а полученный результат создает мотивацию не откладывать визит к диабетологу.

Методика определения уровня глюкозы в крови десневой борозды простая, неинвазивная, легко выполнима в условиях стоматологического кабинета. Так как содержание глюкозы в крови зубодесневой борозды коррелирует с содержанием глюкозы в капиллярной крови из пальца, считаем целесообразным ввести скрининг уровня глюкозы десневой крови в алгоритм обследования больных с воспалительными заболеваниями пародонта, особенно в пародонтологических кабинетах города.

Современные научные достижения в лечении сахарного диабета позволяют врачам и пациентам надеяться на благоприятный прогноз заболевания и достижение психологической адаптации к данному хроническому заболеванию. Во всем мире общепризнано, что эффективный контроль диабета может свести к минимуму или предотвратить многие из связанных с ним осложнений.

Современная концепция ведения больных диабетом трактует данное заболевание как определенный образ жизни. Такой подход диктует необходимость снабдить пациентов, больных сахарным диабетом, теми знаниями и навыками, которые облегчили бы процесс адаптации и всей дальнейшей жизни в новых для них условиях. Качество жизни людей с СД не должно отличаться от такового их здоровых сверстников. «Обучение является краеугольным камнем в терапии сахарного диабета и жизненно важным параметром в интеграции больных СД в обществе» (определение ВОЗ).

Залогом успеха обучения является активное вовлечение больных в процесс управления диабетом. Роль больного в лечении хронического заболевания не должна ограничиваться пассивным выполнением медицинских назначений, как при острых процессах. Пациент должен стать активным участником процесса лечения. Программа обучения больных СД должна содержать

не только теоретический материал по основным вопросам лечения диабета, но и практические навыки по самоконтролю.

Таким образом, основная цель обучения — мотивировать и научить больного и членов его семьи проводить активный и грамотный самоконтроль в домашних условиях для поддержания стойкой компенсации заболевания, а именно:

улучшение метаболического контроля;

улучшение качества жизни;

уменьшение отрицательного воздействия сахарного диабета на повседневную жизнь.

Пациентов с СД-1 необходимо настроить на проведение регулярных исследований уровня гликемии, объяснив, что в повседневной жизни у каждого человека возникают непредвиденные изменения гликемии, обусловленные непланируемым изменением режима дня, физических нагрузок, стрессовыми ситуациями, болезнью, страхом перед визитом к стоматологу, эмоциональными переживаниями. У здорового человека в ответ на эти ситуации включается механизм глюкорегуляции, и уровень сахара в крови нормализуется. У больного диабетом данный механизм не срабатывает, что и является причиной хронической гипергликемии. Пациент должен понимать, что без проведения самоконтроля невозможно поддерживать уровень глюкозы в крови в пределах нормы и именно нормогликемия является непреложным условием профилактики поздних осложнений сахарного диабета. Пациент с СД-1 в процессе обучения должен осознать, что главное при проведении ежедневного самоконтроля — не факт автоматического определения патологических показателей гликемии, а факт нормализации уровня глюкозы в крови.

У больных сахарным диабетом типа 2 первоочередные изменения образа жизни должны касаться соблюдения диеты и режима физических нагрузок.

Вывод. Урбанизация является фактором риска в заболеваемости диабетом, поэтому в условиях крупного промышленного города необходима согласованность в действиях врачей всех профилей для выявления и профилактики этого заболевания. Городская среда, с одной стороны, предоставляет условия для комплексной диагностики и лечения диабета, а с другой, препятствует реализации здорового образа жизни, необходимого для его профилактики. Врачи-стоматологи могут одними из первых заметить признаки диабета у пациента и дать нужные рекомендации, поэтому социальная роль городских стоматологов как связующего звена между пациентами, находящимися в группе риска по диабету, и врачами общей практики должна быть институализирована в рекомендуемых медицинским сообществом формах: консультативных советах, «школах диабета» и совместных форумах профессиональных ассоциаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. IDF Diabetes Atlas. 5th ed. 2012 update. Available at: <http://www.oct-clinicaltrials.com/upload/medialibrary/b9e/b9e07843cc19a7304baac292f766ef9a.pdf>.
2. Дедов И. И. Сахарный диабет — опаснейший вызов мировому сообществу // Вестник РАМН. 2012. № 1. С. 7—13.

3. Сабанов В. И., Дьяченко Т. С., Бердник Е. Ю. Эпидемиология сахарного диабета II типа в Волгоградской области // Вестник Росздравнадзора. 2012. № 2. С. 49—53.
4. Петров В. И., Рогова Н. В., Михайлова Д. О. Фармакоэкономический анализ эффективности комплексной терапии больных с сахарным диабетом 2-го типа // Вестник ВолгГМУ. 2010. Вып. 1. С. 28—32.
5. Сахарный диабет: диагностика, лечение, профилактика / под ред. И. И. Дедова, М. В. Шестаковой. М.: Медицинское информационное агентство, 2011. 808 с.
6. Бородин В. И. Сахарный диабет. Клиника, диагностика, поздние осложнения, сахароснижающая и метаболическая терапия: учеб.-метод. пособие. М.: ИД «МЕД-ПРАКТИКА-М», 2009. 60 с.
7. Наумова В. Н., Маслак Е. Е. Сахарный диабет и стоматологическое здоровье: проблемы диагностики и лечения пациентов стоматологических клиник // Практическая медицина. 2013. № 4 (72). С. 10—14.
8. Решетников А. В., Ефименко С. А. Проведение медико-социологического мониторинга: учебно-методическое пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. 160 с.
9. Михальченко Д. В., Фирсова И. В., Седова Н. Н. Социологический портрет медицинской услуги: монография. Волгоград, 2011. 140 с.
10. Михальченко Д. В., Засядкина Е. В. Этические риски во взаимоотношениях врача-стоматолога и пациента // Биоэтика. 2011. № 2. С. 42—45.
11. Engström S., Berne C., Gahnberg L., Svärdsudd K. Effectiveness of screening for diabetes mellitus in dental health care // Diabet Medicine. 2013. Vol. 30. № 2. P. 239—245. doi: 10.1111/dme.12009.
12. Петров В. И., Седова Н. Н. Социологические проблемы здоровья городского населения // Социология города. 2008. № 1. С. 5—11.
13. Шкарин В. В., Шипунов Д. А., Камкин Е. Г. Реализация программы модернизации здравоохранения в крупном промышленном городе: социологический анализ // Социология города. 2013. № 4. С. 5—10.
14. Михальченко Д. В. Стоматологическая услуга как социальное взаимодействие врача и пациента: дис... д-ра мед. наук. Волгоград: ВолгГМУ, 2012. 336 с.
15. Rosedale M. T., Strauss S. M. Diabetes screening at the periodontal visit: patient and provider experiences with two screening approaches // International Journal of Dental Hygiene. 2012. Vol. 10. № 4. P. 250—258. doi: 10.1111/j.1601-5037.2011.00542.x.

REFERENCES

1. IDF Diabetes Atlas. 5th ed. 2012 update. Available at: <http://www.oct-clinicaltrials.com/upload/medialibrary/b9e/b9e07843cc19a7304baac292f766ef9a.pdf>.
2. Dedov I. I. [Diabetes mellitus — a dangerous treat to the mankind]. *Vestnik RAMN* [Annals of the Russian Academy of Medical Sciences], 2012, no. 1, pp. 7—13. (In Russ.).
3. Sabanov V. I., D'yachenko T. S., Berdnik E. Yu. [Epidemiology of diabetes mellitus type II in Volgograd region]. *Vestnik Roszdravnadzora*, 2012, no. 2, pp. 49—53. (In Russ.).
4. Petrov V. I., Rogova N. V., Mikhailova D. O. [Pharmaeconomic analysis of the efficacy of complex therapy for type II diabetic patients]. *Vestnik VolgGMU* [Journal of VolgSMU], 2010, iss. 1, pp. 28—32. (In Russ.).
5. Dedov I. I., Shestakova M. V., editors. *Diabetes: diagnostics, treatment, preventive measures*. Moscow, Medical information agency Publ., 2011. 808 p.
6. Borodina V. I. *Sakharnyi diabet. Klinika, diagnostika, pozdnie oslozhneniya, sakharosnizhayushchaya i metabolicheskaya terapiya* [Diabetes. Clinic, diagnostics, late complications, antihyperglycemic and metabolic support]. Moscow, MEDPRAKTIKA-M Publ., 2009. 60 p.
7. Naumova V. N., Maslak E. E. [Diabetes and dental health: problems of diagnosis and treatment of patients in dental clinics]. *Prakticheskaya meditsina* [Practical medicine], 2013, no. 4 (72), pp. 10—14. (In Russ.).

8. Reshetnikov A. V., Efimenko S. A. *Provedenie mediko-sotsiologicheskogo monitoringa* [Carrying out of medical and sociological monitoring: study guide]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2007. 160 p.
9. Mikhailchenko D. V., Firsova I. V., Sedova N. N. *Sotsiologicheskii portret meditsinskoi usluzhi* [Sociological portrait of medical services]. Volgograd, 2011. 140 p.
10. Mikhailchenko D. V., Zasyadkina E. V. [Ethical risk in relations between dentist and patient]. *Bioetika* [Bioethics], 2011, no. 2, pp. 42—45. (In Russ.).
11. Engström S., Berne C., Gahnberg L., Svärdsudd K. Effectiveness of screening for diabetes mellitus in dental health care. *Diabet Medicine*, 2013, vol. 30, no. 2, pp. 239—245. doi: 10.1111/dme.12009.
12. Petrov V. I., Sedova N. N. [Sociological Problems of urban population health]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2008, no. 1, pp. 5—11. (In Russ.).
13. Shkarin V. V., Shipunov D. A., Kamkin E. G. [Implementation of the program of health care modernization in a large industrial city: sociological analysis]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2013, no. 4, pp. 5—10. (In Russ.).
14. Mikhailchenko D. V. *Stomatologicheskaya usluga kak sotsial'noe vzaimodeistvie vracha i patsienta* [Dental service as social cooperation between dentist and patient. Dr. med. sci. diss.]. Volgograd, VolgSMU Publ., 2012. 336 p.
15. Rosedale M. T., Strauss S. M. Diabetes screening at the periodontal visit: patient and provider experiences with two screening approaches. *International Journal of Dental Hygiene*, 2012, vol. 10, no 4, pp. 250—258. doi: 10.1111/j.1601-5037.2011.00542.x.

© Маслак Е. Е., Чеботарева О. А., Наумова В. Н., 2014

Поступила в редакцию в мае 2014 г.

Ссылка для цитирования: Маслак Е. Е., Чеботарева О. А., Наумова В. Н. Диабет в городе: социальная роль врачей-стоматологов в борьбе с болезнью // Социология города. 2014. № 2. С. 92—101.

For citation: Maslak E. E., Chebotareva O. A., Naumova V. N. [Diabetes in the city: the social role of dentists in fighting disease]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 92—101. (In Russ.).

УДК 364.64-053.81:911.375.4

Е. Н. Касаркина

**БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ
И ДОБРАЧНЫЕ ЦЕННОСТИ
ФИННО-УГОРСКОЙ МОЛОДЕЖИ
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

На материалах социологического исследования, проведенного в г. Саранске, анализируется добрачное поведение финно-угорской молодежи в современном городе. Брачно-семейные установки и добрачные ценности городской молодежи рассматриваются в зависимости от специфики финно-угорских норм, ценностей, традиций, а также трансформации городской среды.

Ключевые слова:

добрачное поведение,
семья,
ценности,
брачно-семейные установки,
город,
финно-угорская молодежь,
городской образ жизни,
городская среда.

E. N. Kasarkina

**MARRIAGE AND FAMILY
ATTITUDES AND PREMARITAL
VALUES OF FINNO-UGRIC YOUTH
IN A MODERN CITY**

Premarital subculture of the Finno-Ugric youth in a modern city has its own particular style expressed in values, traditions, plans, clothing, language-specific communication, norms and patterns of behavior closely related to traditional culture and at the same time different from it.

Ethnic traditions affect needs, values and interests of premarital youth behavior, motives and goals of premarital courtship, samples and standards of premarital choice, premarital social statuses and roles, premarital system of sanctions, but they are not determinative. Among other factors affecting premarital individual behavior, the social dimension of the territorial community in which the individual resides should be noted. In our case, these are the conditions, values and requirements of the city, where young people live.

Связь с национальной культурой является неременным условием жизнедеятельности и предпосылкой включения в общность, в социальные отношения и контакты. Так, конкретные условия бытия молодых людей и национальные параметры социокультурной сплоченности определяют особенности молодежного сознания, диалектическое единство структурных элементов которого и образует побудительно-мотивационные сущности силы молодежи. Каждая национальная общность характеризуется определенной концентрацией народа, особыми географическими условиями, традициями и обычаями, набором ценностей, уровнем цивилизованности общественной жизни, состоянием и развитием социальной инфраструктуры, благоустройством. Многообразие национальных характеристик, отображаясь в сознании молодых людей, влияет на их потребности, интересы, ценностные ориентации, установки, поведение, что, в конечном счете, отражается на социальном облике молодежи [1, с. 195].

Этнические традиции влияют на потребности, ценности и интересы добрачного поведения молодежи, мотивы и цели добрачного ухаживания, образцы и эталоны добрачного выбора, добрачные социальные статусы и роли, систему добрачных санкций, но не являются определяющими. Среди прочих факторов, влияющих на добрачное поведение индивида, следует отметить социальные параметры территориальной общности, в которых проживает индивид. В нашем случае это условия, ценности и требования города, в котором проживает молодежь.

Городской образ жизни, безусловно, притягателен для молодых людей возможностью профессионального и социального самоопределения, культурного развития. Современные города — это крупные населенные пункты, развитые административные, промышленные и культурные центры, предоставляющие большие возможности добрачного поиска для молодежи. Но, вместе с тем, городская жизнь зачастую связана с трудностями адаптации к не вполне благоприятным социально-экономическим условиям. Многие молодые люди сегодня выражают ценности и предпочтения, которые «прикреплены» к городской среде, что указывает на существование городского этоса

Using the questionnaire we interviewed students enrolled in higher educational institutions of the city of Saransk, the Republic of Mordovia. The aim of the study is to reveal the factors affecting marital and family needs and plans of the urban youth, their views on marriage and family, the attitude towards family values, understanding of the nature of future matrimony.

The results of the research suggest that the Finno-Ugric youth of a modern city in premarital behavior represents the conflicting results of the Russian transformation. The social parameters peculiar to urban lifestyle directly affect premarital behavior and attitudes of students. In particular we noted that premarital courtship, sexuality

and values of young people are separated from matrimonial intentions (aimed at creating a family, marriage) and have inherent value. Unregistered marriage (cohabitation) are popular to some degree and young people consider it as temporary and certain steps before the legal confirmation of emotionally and psychologically proved relationship.

Uniting in value orientations, both for boys and girls, is the fact that they are equally eager to fulfill their own professional interests and build a career. Education and financial independence for the urban youth are now priority values. Students demonstrating high claims in various spheres of life, consider institution of higher education as the primary means of social ascension.

Nevertheless, the results of the sociological survey show that the majority of respondents (practically all of them) have positive reproductive attitudes, suppose get married in the future and have a family. Probably, despite the formation of new views on a family, millenary experience of family traditions is still strong in the society. Young unmarried people, who do not have their own family and children, are peripheral individuals. It means that they are not evaluated by the criteria of "good" or "bad", the rating is in terms of compliance with certain social norms and stereotypes, which have a long tradition and still deeply fixed in the public mind, and which say, "The man must have children, a family, marriage must be legally registered".

This study leads to the conclusion that national culture, family and social parameters of urban life have a direct influence on premarital behaviors of the youth. Contradictory and progressive trends in marriage and family values are formed in the mind of students under their influence.

молодежи, включающего определенный стиль жизни, культуру, иерархию ценностей [2, р. 99]. Однако в результате трансформации общества городское пространство социальных позиций и культурных смыслов предстает как динамичное и противоречивое. Характерные для городской культуры социальные преобразования, происходящие на протяжении многих лет, в значительной степени затрагивают поколение молодых людей, перед которым стоит комплексная проблема жизненного самоопределения. К противоречивым социальным параметрам городской жизни можно отнести:

- анонимность, кратковременность и поверхностность контактов при межличностном общении;
- резкое расширение степени свободы человека при одновременном ослаблении социального контроля;

- проблемные социально-экономические условия (рост цен, финансово-кредитный кризис, развитие безработицы, преступности);

- кризис нравственно-духовной сферы, распад традиционной идеологии и системы ценностей и отсутствие новой;

- уменьшение значимости семьи, девальвация конструктивных семейных ценностей;

- проблемы социальной идентичности личности, обесценивание жизненного опыта человека;

- затухание значимости соседских и родственных связей;

- многообразие культурных стереотипов;

- неустойчивость социального статуса горожанина и повышение его социальной мобильности;

- социальная и профессиональная неоднородность, разделение населения на богатых и бедных;

- раздвоение общества на формальное и неформальное, производственное и внепроизводственное;

- ослабление влияния традиций на регулирование поведения личности, большая психологическая свобода от социального контроля в повседневной жизни;

- разнообразие трудовой и внепроизводственной деятельности населения.

Экономические и социальные изменения радикально влияют на молодежь и преобразовывают ее опыт не только в России, но во многих частях мира. Среди зарубежных ученых отмечается,

Key words:

premarital behavior,
family,
values,
marriage and family values,
city,
the finno-ugric youth,
urban lifestyle,
urban environment.

Об авторе:

Касаркина Елена Николаевна –
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы,
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева.
Российская Федерация, 430023,
Саранск, ул. Большевикская, 68

Kasarkina Elena Nikolaevna –
Candidate of Sociological Sciences, Docent,
Docent of Social Work Department,
Mordovia N.P. Ogarev State University.
68, Bolshevikskaya St., Saransk,
430023, Russian Federation

что современные молодые люди сталкиваются с более широким диапазоном неопределенности и проблем, чем в любой предыдущей эпохе [3]. Неопределенность эта связана с желанием и возможностью молодежи построить новую модель жизненного пути, сосредоточенную на карьере [4], при этом реализовать свои стремления в отношении семейной жизни [5].

Традиционно брак и рождение детей являются первичными показателями взрослой жизни, однако сегодня среди молодых людей существует тенденция отложить или даже отказаться от создания семьи, брака и рождения детей. Желание построить карьеру, приобрести финансовую независимость и самостоятельность влияют на возраст вступления в брак и рождения детей. Тем не менее длительные периоды образования и неустойчивость на рынке труда, как правило, усложняют достижение такой независимости. Чем больше молодой человек добивается успешной карьеры и самостоятельности, тем дольше он откладывает формирование семьи и родительство [6, с. 121].

Ценностно-нормативный плюрализм города существенным образом влияет на процесс конструирования юношами и девушками добрачного поведения. В этой связи изучение влияния городской среды на добрачное поведение молодежи приобретает особую актуальность с точки зрения прогнозирования тенденций рождаемости и стабильности воспроизводства института семьи в будущем.

Задача изучения добрачного поведения весьма сложна. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

сложностью добрачного поведения как социально-психологической системы. Добрачное поведение включает в себя большое число всевозможных отношений и взаимосвязей, затруднительно определить все ценности и установки, входящие в структуру этого поведения. В формировании добрачных отношений имеет место значительное количество личностных особенностей человека, участвует социальное окружение, на него влияют социально-экономические и территориальные условия проживания, традиции, обычаи и нормы общества;

отсутствием единого подхода к понятиям «добрачное поведение» и «выбор брачного партнера», единого понимания их сущности и структуры. Понятие добрачного поведения охарактеризовать не просто, так как сложно очертить возрастные границы этого этапа индивидуального развития, измеряющегося не астрономическим, а психологическим временем. В некоторых случаях добрачное поведение может быть для индивида непрерывным процессом активного добрачного поиска. Как отмечает А. И. Антонов, человек, мужчина или женщина, постоянно доступен для брака, независимо от того, состоит он в браке или нет [7, с. 150]. В настоящее время отсутствует единая теория, которая выполняла бы роль теоретического базиса для изучения добрачного поведения, вместо этого имеется значительное количество концепций с различными, нередко трудно сопоставимыми подходами к пониманию добрачного поведения и брачного выбора;

значительным воздействием обыденного опыта на добрачное поведение. Добрачное поведение — область социальной жизни, о которой каждый человек имеет свое представление, считая его единственно правильным. События, происходящие в добрачном поведении, уникальны, интимны, изменчивы, отличаются отсутствием четких контуров и стандартов. Добрачное поведение воплощает разнообразные человеческие свойства, качества, потребности и вместе с тем характеризуется конструктивными и неконструктивными параметрами [8, с. 17].

Добрачное поведение — это сфера человеческих взаимоотношений, осуществляемых посредством взаимосогласованной системы ценностей, установок, образцов, функций и стандартов, определяемых биологическими, психологическими, социальными характеристиками его участников, зависящих от социокультурных и территориальных условий проживания, национальных традиций и направленных на выбор брачного партнера и определенный характер будущего супружества.

В рамках диссертационного социологического исследования «Гендерная специфика добрачного поведения студенческой молодежи» нами был проведен социологический опрос студентов, обучающихся в высших учебных заведениях г. Саранска Республики Мордовия. Целью исследования выступила необходимость выяснить факторы, влияющие на брачно-семейные потребности и установки городской молодежи, их взгляды на брак и семью, отношение к семейным ценностям, представление о характере будущего супружества [9].

Студенческая молодежь, занимая позицию обучающихся в социокультурном институциональном поле, обладает специфической ценностью для общества. Выступая носителем инновационного потенциала развития социума, активным субъектом общественных молодежных объединений [10, р. 18], студенчество располагает особыми (как внутренними, так и внешними) возможностями для реализации своих установок и потребностей в сфере добрачного поведения. Являясь прогрессивной и наиболее активной частью молодежи, именно студенты через свое отношение к брачно-семейным ценностям детерминируют ее добрачное поведение, в значительной степени способствуют изменению самого этого социального института.

Полученные в результате исследования данные свидетельствуют о том, что финно-угорская молодежь современного города в добрачном поведении репрезентует противоречивые результаты российской трансформации. Социальные параметры, характерные для городского образа жизни, непосредственно влияют на добрачное поведение и установки студенчества. В частности, нами было отмечено, что добрачное ухаживание, сексуальность и ценностные ориентации молодежи отделены от матримониальных намерений (направленных на создание семьи, вступление в брак) и имеют самостоятельную ценность. Некоторой долей популярности сегодня пользуются незарегистрированные браки (сожительство), нередко рассматриваемые молодыми горожанами как временные и неперенные ступени к правовому закреплению эмоционально и психологически оправдавших себя отношений. Объединяющим в ценностных ориентациях как юношей, так и девушек является то, что они в одинаковой степени стремятся к реализации собственных профессиональных интересов, построению карьеры. Получение образования и материальной независимости является для городской молодежи в настоящее время первоочередной ценностью. Студенчество, демонстрируя высокие притязания в различных сферах жизнедеятельности, рассматривает институт высшего образования в качестве основного способа социального восхождения.

Выявленные нами тенденции в добрачном поведении молодежи отмечались и ранее, в эмпирических исследованиях, проведенных еще в Советском Союзе во второй половине XX столетия. В частности, В. Т. Лисовский, изучая жизненные планы ленинградской молодежи в конце 60-х годов, установил, что встреча любимого (любимой) и создание семьи для одних и тех же людей — события нетождественные. Социолог пришел к выводу, что юноши и девушки не видят в каждом партнере будущего супруга, любовные отношения могут привести к заключению брака, но они ценны и сами по себе [11, с. 212—213].

Позднее, в 1978—1979 гг., лабораторией студенческой молодежи НИИ-ИКСИ при Ленинградском университете под руководством В. Т. Лисовского и С. И. Голода был проведен очередной опрос советских студентов разных вузов, с тем чтобы изучить мотивы ухаживания среди молодежи. Порядок расположения побудительных мотивов подтвердил установленный ранее факт о несовпадении любовных и матримониальных ориентаций у юношей и девушек [12, с. 69—72].

Данные нашего исследования (табл. 1 и 2) в целом подтверждают выводы социологов.

Таблица 1

Ценностные ориентации юношей

Ценностные ориентации и жизненные планы	Количество выборов, %
1. Здоровье	84,63
2. Образование	76,38
3. Взаимная любовь	61,01
4. Материальное благосостояние	59,40
5. Сексуальное удовлетворение	41,51
6. Родительская семья, родственники	39,45
7. Дружба, товарищество	37,39

Окончание табл. 1

8. Карьерный рост	36,01
9. Личная свобода, независимость	34,17
10. Внешняя привлекательность	27, 29
11. Рождение детей	25,69
12. Личностное самосовершенствование	19,59
13. Веселый, интересный досуг	19,27
14. Внимание, успех у противоположного пола	17,43
15. Вступление в законный брак	14,22
16. Свободная любовь без обязательств	12,39
17. Будущее Родины	11,01
18. Стиль, следование моде	10,09
19. Религия, служение богу	4,36

Таблица 2

Ценностные ориентации девушек

Ценностные ориентации и жизненные планы	Количество выборов, %
1. Взаимная любовь	75,23
2. Здоровье	70,87
3. Образование	70,18
4. Материальное благосостояние	60,78
5. Родительская семья, родственники	45,41
6. Внешняя привлекательность	37,39
7. Личностное самосовершенствование	34,86
8. Карьерный рост	32,80
9. Дружба, товарищество	31,19
10. Внимание, успех у противоположного пола	24,77
11. Личная свобода, независимость	19,72
12. Вступление в законный брак	18,81
13. Рождение детей	18,58
14. Сексуальное удовлетворение	16,51
15. Веселый, интересный досуг	14,54
16. Свободная любовь без обязательств	10,32
17. Стиль, следование моде	10,32
18. Будущее Родины	9,40
19. Религия, служение богу	5,73

Вступление в первый половой контакт связывали с вступлением в брак еще меньшее число респондентов (0,69 % девушек и 0,97 % юношей). Большинство юношей (38,53 %) начали регулярную половую жизнь в 15—16 лет, девушки — в 17—18 лет (30,51 %). Если сравнить эти ответы с ответами на вопрос об идеальном возрасте вступления в брак (большинство считают, что для девушек это возраст 21—22 года, для юношей 25—26 лет), то получится, что в установках студенческой молодежи разрыв между началом половой жизни и вступлением в брак у девушек составляет где-то от 1 до 3 лет, а у юношей от 8 до 10 лет. Можно сказать, что в настоящее время сексуальная жизнь является одной из составляющих добрачного сценария. Интересно то, что юноши готовность к половой жизни определяют для себя физиологической зрелостью (у них с большим отрывом преобладает мотив «сексуальное влечение» — 71,60 %), тогда как идеальным началом сексуальных отношений для девушек

является любовь (40,60 % ответов). Также отмечено, что по всем показателям у девушек преобладали эмоционально-коммуникативные (любовь, симпатия, эмоциональная близость, сходство характеров) мотивы и ценности, а также социально значимые характеристики партнера (образование, материальная обеспеченность, престиж, уверенность в завтрашнем дне), у юношей — гедонистически-развлекательные (приятное времяпровождение, получение удовольствия, любопытство) мотивы и ценности и физически привлекательные характеристики партнера. Распределение мнений респондентов относительно мотива вступления в первый половой контакт отражены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Причины вступления в первый половой контакт юношей

Причины	Количество выборов, %
1. Сексуальное влечение	71,60
2. Желание приобрести сексуальный опыт	31,80
3. Внешняя привлекательность партнерши	29,61
4. Любопытство	28,40
5. Желание развлечься	27,43
6. Симпатия	23,79
7. Любовь	20,15
8. Алкогольное опьянение	17,96
9. Желание самоутвердиться	11,89
10. Желание быть как все, пример друзей	9,71
11. Желание вступить в брак	0,97
12. Стремление удержать партнершу	0,97
13. Принуждение	0
14. Желание иметь ребенка	0
15. Желание заработать	0
16. Наркотическое опьянение	0
17. Другое	0

Таблица 4

Причины вступления в первый половой контакт девушек

Причины	Количество выборов, %
1. Любовь	40,60
2. Сексуальное влечение	34,63
3. Симпатия	28,21
4. Желание приобрести сексуальный опыт	20,64
5. Любопытство	13,30
6. Внешняя привлекательность партнера	10,78
7. Алкогольное опьянение	8,72
8. Желание самоутвердиться	5,05
9. Желание быть как все, пример друзей	3,44
10. Стремление удержать партнера	3,21
11. Желание развлечься	1,38
12. Желание иметь ребенка	1,38
13. Желание вступить в брак	0,69
14. Принуждение	0
15. Желание заработать	0
16. Наркотическое опьянение	0
17. Другое	0

Полученные в результате исследования данные свидетельствуют о том, что в современном городском обществе отмечается усиление открытости и толерантности в молодежном добрачном общении, оно становится более разнообразным по составу участников, социальным и образовательным показателям. Подобные тенденции во многом определяются теми изменениями, которые происходят в семье и относятся к разряду глобальных:

современная социальная среда (семья, сверстники и окружение) нередко является причиной рискованного сексуального поведения молодежи [13];

все большую популярность приобретает внесемейная жизнь, ценности свободы от семейных обязательств и самореализации в профессиональной деятельности, что поддерживается и всей экономической системой, предпочитающей работника, не обремененного семьей и детьми;

более распространенной для семьи становится следование нормам малодетности, чем многодетности. Снижается количество детей в семье вплоть до их полного отсутствия;

уровень брачности снижается, увеличивается количество людей, выбирающих альтернативные (внебрачные) формы семейных отношений, становится все больше разведенных и неполных семей, матерей-одиночек;

отмечается переход ряда функций семьи к другим социальным институтам, в результате чего многие семейные узы утрачивают свою ценность и прежнее значение;

происходит процесс «размывания» системы поведенческих норм в сфере брака и семьи, представлений о содержании семейных ролей.

Подобные процессы в семье не могут не сказываться на добрачном поведении современной молодежи, так как опыт семейной жизни родителей является определяющим фактором формирования брачно-семейных установок детей. В процессе перехода к взрослой жизни особую важность для личности приобретает пример семейных отношений [14]. Так, молодые люди из благополучных семей с непрерывным браком более привержены ценностям семьи и менее склонны к рискованному сексуальному поведению [15, с. 460].

К сожалению, в современной городской семье происходит ослабление социально-психологического эффекта общности, что ускоряет разрыв преемственности между поколениями. В этих условиях молодежь обретает ценности во многом самостоятельно. Если в прошлом культура через механизм социального воспроизводства определяла выбор брачного партнера интересами рода, семьи, сословия и индивид подчинялся нормам, принятым в обществе, то сегодня молодежь во многом свободна в своем поведении. Сфера общения городской молодежи становится более дифференцированной и избирательной. Ценностные ориентации юношей и девушек утрачивают матримониальную монополию: любовь, эмоциональные контакты и сексуальное удовлетворение представляют для них ценность сами по себе и не всегда соотносятся с вопросом, заключить ли брак, создать семью или нет. Все это, на наш взгляд, является общим следствием трансформации и снижения регулирующего потенциала общественных норм в отношении добрачного поведения молодежи в городской среде.

Тем не менее результаты социологического опроса показали, что большая часть респондентов (практически все) имеют положительные репродуктивные установки, предполагают в будущем вступить в законный брак, соз-

дать семью. Вероятно, несмотря на формирование новых взглядов на семью, в обществе еще достаточно силен тысячелетний опыт семейных традиций. Молодые люди, так и не вступившие в брак, не создавшие в свое время семью, не родившие детей, оказываются периферийными индивидами. Имеется в виду, что они не оцениваются по критериям «хорошие» или «плохие», оценка идет по показателям соответствия неким социальным нормам и стереотипам, имеющим давние традиции и еще глубоко закрепленным в общественном сознании, которые гласят, что человек обязан иметь детей, семью, брак должен быть законно зарегистрирован.

Данные социологического опроса молодежи Калмыкии также свидетельствует о сохранении традиционного отношения к браку в условиях современного города. Характеризуя отношение молодежи к институту брака и его регистрации, авторы данного опроса отмечают важность этнической идентичности и традиционализма в ценностной системе молодых людей. Для большинства молодежи сохраняет свое значение официальная регистрация брака. Ценность семьи остается высокой для подавляющего большинства молодежи Калмыкии и состоит, прежде всего, в рождении детей (85,7 и 91 % ответов среди калмыцких и русских студентов соответственно; занимает первое место по значимости); в удовлетворении потребности в общении, внимании, заботе со стороны супруги(а) (67,3 и 73,1 % ответов соответственно; второе место); в избавлении от одиночества (20,4 и 22,4 % ответов соответственно); в обеспечении материального благополучия (16,6 и 28,4 % ответов соответственно; четвертое место для калмыков и третье для русских) [16, с. 17].

На протяжении долгого времени социальный институт добрачного поведения постоянно видоизменялся, меняется он и сейчас, эволюционирует вместе с изменениями, происходящими в обществе во всем мире. Сегодня брак не является обязательным условием существования человека, но к его заключению стремятся. Изменился процесс выбора брачного партнера, долгое время доминировавшие экономические мотивы в большинстве своем уходят на второй план. Совершенствуется молодежное добрачное общение, усиливается его открытость, которая проявляется в разнообразном составе участников, не ограниченном пространственными рамками. В настоящее время брак становится добровольным делом двух молодых людей, которые даже при наличии экономической зависимости от родителей нередко не посвящают их в свои намерения.

В условиях современного города подготовка молодежи к браку и семейной жизни обозначилась как актуальная социальная и национальная проблема. Это связано с кризисными процессами, затрагивающими институт семьи и выражающимися в неуклонном росте разводов, социального сиротства, семейного насилия, девальвации конструктивных семейных ценностей. Причем сегодня тревогу вызывает даже не столько количественное сохранение семей, сколько качественное, а эта проблема в первую очередь связана с воспитанием личности семьянина.

В обыденном сознании имеет место стереотип, согласно которому молодые люди по достижении определенного возраста уже полностью готовы к созданию семьи. Сторонники данной точки зрения аргументируют свою позицию так: «Раньше молодежь ничему не учили, а семьи были крепкие». На наш взгляд, данный подход является упрощенным и неправильным. В настоящее

время сфера запретного в культуре заметно сузилась, социально и морально принимается ранняя добрачная сексуальность и сожительство, брак и семья зачастую перестают быть прямо сопоставимыми понятиями, растет число детей, рожденных вне брака, и это воспринимается как нормальное явление.

Несомненная проблема, что городская молодежь основную информацию, касающуюся брачно-семейной подготовки и сексуальной грамотности, черпает из семьи, от сверстников, телевидения, но не от тех институтов, которые должны эту подготовку профессионально организовывать. Помощь и роль школы, вуза, медицинских и социальных учреждений явно недостаточна, хотя именно эти институты должны занимать важное место в социальной системе формирования личности семьянина и сглаживать острые углы, которые могут образоваться под влиянием других субъектов, целенаправленно или спонтанно осуществляющих подготовку к браку и семье. Было бы наивным считать, что сверстники, старшие товарищи и, как правило, развлекательно-эротические ток-шоу на телевидении ее обеспечивают, их влияние не всегда бывает позитивным и не поддается регулированию. Именно они оказываются основными источниками информации о половых различиях и сексуальном поведении, но нередко эта информация неточна и откровенно опошлена.

Подготовка молодежи к браку должна носить целенаправленный характер, выходить за рамки бытового научения и осуществляться квалифицированными специалистами с учетом потребностей отдельной личности и интересов общества. Необходимо акцентировать внимание и на том, что специальная добрачная подготовка — это не сообщение или научение определенным навыкам брачно-семейных взаимодействий: браку и семье нельзя научить. Можно способствовать целенаправленному процессу развития всей гаммы социальных и личностных знаний, способствующих осознанию особенностей и ценности брачно-семейных отношений, сохранению семьи, основанной на браке, ее настоящего и будущего. Например, это знания, связанные с законодательством о браке и семье, политикой государства в области брачно-семейных отношений и демографии, важнейшими положениями семейного права об обязанностях супругов по отношению друг к другу, детям и обществу с точки зрения закона и морали. При добрачной подготовке важное значение имеет воспитание у молодежи положительных нравственно-этических и педагогических качеств, уважения к родителям, потребности в воспитании детей, ответственности, чувства долга перед супругой (супругом), культуры интимных чувств. Немаловажны и хозяйственно-экономические навыки, вооружение знаниями о бюджете семьи, культуре быта, умениями вести домашнее хозяйство. Добрачная подготовка молодежи должна осуществляться комплексно, родительское воспитание должно подкрепляться участием системы образования.

Разумеется, основным субъектом, осуществляющим подготовку молодежи к браку, была и остается родительская семья с ее традициями и ценностями. Хорошо это или плохо, на наш взгляд, нельзя сказать однозначно. Семья является той первичной социальной основой, в которой дети просто и естественно приобщаются к жизни, усваивают социальные нормы и культурные традиции общества. Но в современных условиях трансформации городского общества интересы, взгляды и ожидания одной семьи могут находиться в противоречии с нормами и ожиданиями социума в целом. К сожалению, в

наше время тот уровень добрачной подготовки, который дает семья, уже явно недостаточен, да и не все семьи способны полноценно обеспечить конструктивную подготовку молодого поколения к брачно-семейным отношениям. В силу появления «новых правил» городской жизни принятый во многих семьях образец отношений нередко не может быть использован молодежью без определенной корректировки. Кроме того, многие молодые люди наиболее важный с этой точки зрения период своей жизни проводят вне дома — в студенческих общежитиях, на съемной квартире, усваивая совсем иные добрачные правила поведения.

Проведенное исследование приводит к заключению о непосредственном влиянии национальной культуры, семьи и социальных параметров городской жизни на добрачное поведение молодежи. Под их воздействием у студенческой молодежи формируются противоречивые и одновременно прогрессивные тенденции в брачно-семейных установках. Это проявляется в широко распространяющемся равноправии между юношами и девушками, толерантном отношении к мужским и женским качествам и свойствам, проявлении социальной активности в общении с противоположным полом, четко выраженной самостоятельной позиции по вопросу создания семьи и заключения брака. Сегодня существует необходимость создания действенной государственно-общественной системы подготовки молодежи к браку и семейной жизни как целенаправленного процесса, включающего множество аспектов, необходимых для всестороннего развития личности, ориентированной на конструктивные семейные ценности. Влияние города на добрачное поведение молодежи противоречиво, однако должное внимание к проблеме добрачной подготовки молодого поколения непременно создаст условия для формирования личности с высокой культурой чувств и поведения, расширит диапазон знаний молодежи, касающихся брачно-семейной сферы жизнедеятельности, что, несомненно, благоприятно скажется на формировании положительных качеств личности будущего семьянина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Касаркина Е. Н. Современные тенденции добрачного поведения финно-угорской молодежи // Актуальные проблемы семьи у финно-угорских народов : материалы Международной науч.-практич. конф. М.: ГБУ МДН, 2013. С. 194—200.
2. Baeck U. The Urban Ethos: Locality and youth in north Norway // Young — Nordic Journal of Youth. May 2004. Vol. 12. № 2. Pp. 99—115.
3. Jeffrey C., Mcdowell L. Youth in a Comparative Perspective: Global Change, Local Lives // Youth & Society. December 2004. Vol. 36. Pp. 131—142. doi: 10.1177/0044118X04268375.
4. Vinken H. New life course dynamics?: Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth // Young — Nordic Journal of Youth. February 2007. Vol. 15. № 1. Pp. 9—30.
5. Ule M., Kuhar M. Orientations of young adults in Slovenia toward the family formation // Young — Nordic Journal of Youth. May 2008. Vol. 16. № 2. Pp. 153—183.
6. Oinonen E. Extended Present, Faltering Future: Family Formation in the Process of Attaining Adult Status in Finland and Spain // Young — Nordic Journal of Youth. May 2003. Vol. 11. № 2. Pp. 121—140.

7. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
8. Новикова Е. Н. Влияние городской среды на добрачное поведение молодежи // Социология города. 2011. № 2. С. 16—23.
9. Новикова Е. Н. Гендерная специфика добрачного поведения студенческой молодежи (на примере Республики Мордовия): автореф. дис... канд. социол. наук. Саранск : Издательство Мордовского ун-та, 2006. 22 с.
10. Komarov K. V. Historiography of youth associations of Finno-Ugric people in Russia (at the end of 20th — beginning of 21st century) // European Online Journal of Natural and Social Sciences. 2012. Vol. 1. № 2. Pp. 18—20.
11. Лисовский В. Т. Советское студенчество: социологические очерки. М. : Высшая школа, 1990. 340 с.
12. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.
13. Chen Y., Stiffman A., Cheng L., Dore P. Mental Health, Social Environment and Sexual Risk Behaviors of Adolescent Service Users: A Gender Comparison // Journal of Child and Family Studies. March 1997. Vol. 6. № 1. Pp. 9—25.
14. Myklebus J., Solvang B. Young mothers with special educational needs // Young — Nordic Journal of Youth. February 2005. Vol. 13. № 1. Pp. 73—87.
15. Simons L., Burt C., Tambling R. Identifying Mediators of the Influence of Family Factors on Risky Sexual Behavior // Journal of Child and Family Studies. May 2013. Vol. 22. № 4. Pp. 460-470. doi 10.1007/s10826-012-9598-9.
16. Муянова Б. М., Шукенбаев М. Б. Особенности этнической самоидентификации городской молодежи Калмыкии на современном этапе // Социология города. 2009. № 1 (2). С. 12—20.

REFERENCES

1. Kasarkina E. N. [Modern tendencies of premarital behavior of the Finno-Ugric youth]. *Actual problems in families of Finno-Ugric nations*. Proc. of Int. Sci. and Training Conf. Moscow, GBU MDN Publ., 2013, pp. 194—200. (In Russ.).
2. Baeck U. The Urban Ethos: Locality and youth in north Norway. *Young — Nordic Journal of Youth*, May 2004, vol. 12, no. 2, pp. 99—115.
3. Jeffrey C., McDowell L. Youth in a Comparative Perspective: Global Change, Local Lives. *Youth & Society*, December 2004, vol. 36, pp. 131—142. doi: 10.1177/0044118X04268375.
4. Vinken H. New life course dynamics?: Career orientations, work values and future perceptions of Dutch youth. *Young — Nordic Journal of Youth*, February 2007, vol. 15, no 1, pp. 9—30.
5. Ule M., Kuhar M. Orientations of young adults in Slovenia toward the family formation. *Young — Nordic Journal of Youth*, May 2008, vol. 16, no. 2, pp. 153—183.
6. Oinonen E. Extended Present, Faltering Future: Family Formation in the Process of Attaining Adult Status in Finland and Spain. *Young — Nordic Journal of Youth*, May 2003, vol. 11, no. 2, pp. 121—140.
7. Antonov A. I., Medkov V. M. *Sotsiologiya sem'i* [Family sociology]. Moscow, MSU Publ., Pub. of Int. Univ. of Business and Management (“Brothers Karich”), 1996. 304 p.
8. Novikova E. N. [Urban environment influence on antenuptial behavior of youth]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2011, no. 2, pp. 16—23. (In Russ.).
9. Novikova E. N. *Gendernaya spetsifika dobrachnogo povedeniya studencheskoi molodezhi (na primere Respubliki Mordoviya)* [Gender peculiarities of premarital behavior

of students (by the example of the Republic of Mordovia). Cand. soc. sci. diss.]. Saransk: Mordovian Univ. Publ., 2006. 22 p.

10. Komarov K. V. Historiography of youth associations of Finno-Ugric people in Russia (at the end of 20th — beginning of 21st century). *European Online Journal of Natural and Social Sciences*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 18—20.

11. Lisovskii V. T. *Sovetskoe studenchestvo: sotsiologicheskie ocherki* [Soviet studentship: sociological sketches]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1990. 340 p.

12. Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and Marriage: historical and sociological analysis]. St. Petersburg : Petropolis Publ., 1998. 272 p.

13. Chen Y., Stiffman A., Cheng L., Dore P. Mental Health, Social Environment and Sexual Risk Behaviors of Adolescent Service Users: A Gender Comparison. *Journal of Child and Family Studies*, March 1997, vol. 6, no. 1, pp. 9—25.

14. Myklebus J., Solvang B. Young mothers with special educational needs. *Young — Nordic Journal of Youth*, February 2005, vol. 13, no. 1, pp. 73—87.

15. Simons L., Burt C., Tambling R. Identifying Mediators of the Influence of Family Factors on Risky Sexual Behavior. *Journal of Child and Family Studies*, May 2013, vol. 22, no. 4, pp. 460—470. doi 10.1007/s10826-012-9598-9.

16. Munyanova B. M., Shukenbaev M. B. [The features of ethnic self-identification of urban youth in Kalmykia at the present stage]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2009, no 1 (2), pp. 12—20.

© Касаркина Е. Н., 2014

Поступила в редакцию в мае 2014 г.

Ссылка для цитирования: Касаркина Е. Н. Брачно-семейные установки и добрачные ценности финно-угорской молодежи современного города // Социология города. 2014. № 2. С. 102—114.

For citation: Kasarkina E. N. [Marriage and family attitudes and remarital values of finno-ugric youth in a modern city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 2, pp. 102—114. (In Russ.).

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал **входит в утвержденный ВАК** Минобрнауки России **Перечень** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырьмя выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) ([скачать бланки](http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/) <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ Microsoft Office (Word 2003); шрифт основного текста — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата A4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисунковой подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство как социокультурный феномен.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru**

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariapes@mail.ru

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2014. № 2

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*

Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*

Перевод на английский язык *О.Ю. Юшко*

Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потокина-Курилкина, О.Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 30.06.2014.

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 7,3. Усл. печ. л. 10,2. Тираж 500 экз. Заказ № 23.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»

Редакционно-издательский отдел

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолГАСУ

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1